

Борис Виан.

**СТРАСТЬ...ПРИЛЕЖНЫ
Е УЧЕНИКИ...А
ПОТОМ...БЛЮЗ
ЧЁРНОГО КОТА**

1948-020 (Глас А)

СОДЕРЖАНИЕ:

СОБАКИ, СТРАСТЬ И СМЕРТЬ. ...2

ПРИЛЕЖНЫЕ УЧЕНИКИ. ...13

Ораторий I-V. ...13-21

А ПОТОМ ВСЕХ УРОДОВ УБРАТЬ. ...24

Акт I-XXX. ...24-235

БЛЮЗ ДЛЯ ЧЁРНОГО КОТА. ...245

ПАРТИТУРА №I-III. ...245-248

СНОСКИ. ...267

ОГЛАВЛЕНИЕ. ...268.

oo oo

2 Борис Виан.

СОБАКИ, СТРАСТЬ И СМЕРТЬ.

Они меня поймали. Завтра я сяду на электрический стул. Но все равно я об этом напишу, я хотел бы все объяснить. Судьи ничего не поняли. Ведь Слэкс уже умерла, и мне было трудно об этом рассказывать, зная, что все равно не поверят. Если бы Слэкс могла выбраться тогда из машины. Если бы она могла прийти и всё рассказать. Ну да хватит об этом, уже ничего не попишешь. В этой жизни.

Заморочка в том, что когда ты шофёр такси, у тебя заводятся свои привычки. Рулишь весь день и, хочешь не хочешь, знаешь все

районы как свои пять пальцев. Одни тебе нравятся больше, чем другие. Я знаю ребят, которые, например, дали бы скорее искромсать себя на куски, лишь бы не везти клиента в Бруклин. Ну а я, я это делаю охотно. Я хочу сказать, делал охотно, потому что теперь уже никогда больше не смогу это делать. Вот так завелась и у меня привычка: почти каждый вечер я зависал на час в «Тысяче чертей». Однажды я туда привез одного клиента, пьяного в стельку, он захотел, чтобы я вошел вместе с ним. Когда я оттуда вышел, то уже знал, какие девочки там водятся. И с тех пор, вы наверняка скажете, что это глупо...

Каждый вечер я туда заезжал около часа ночи. В это время она выходила.



У них в «Чертях» часто были певицы, и я знал, кто она такая. Они звали её Слэкс, потому что она чаще всего была в штанах. В газетах писали, что она была лесбиянкой. Почти всегда она выходила с одними и теми же двумя типами, своими партнерами, пианистом и бас-гитаристом, и садились они в машину пианиста. Укатывали куда-нибудь поразвлечься, но возвращались обратно к «Чертям» и заканчивали вечер там. Я узнал это уже потом.

Я никогда не стоял там долго. Не мог оставаться пустым, там и стоянка ограничена, и клиентов всегда больше, чем где бы то ни было.

В тот вечер, когда все началось, они переругались, и похоже, не на шутку. Она залепила пианисту кулаком

прямо в рожу. Эта цаца была не слабо. Она завалила его; как легавый. Парень, правда, был бухой, но, думаю, даже по трезвости он бы не устоял. Ну а пьяный тем более, он так и остался лежать на земле, а второй парень пытался его оживить и отпускал ему такие затрещины, что, казалось, башка сейчас отвалится. Я так и не увидел, чем все это закончилось, потому что она подошла, открыла дверцу такси и села рядом. Затем щёлкнула зажигалкой и посмотрела мне прямо в лицо.

– Вы хотите, чтобы я включил свет?

Она сказала «нет», погасила зажигалку, и я поехал. Я спросил у неё адрес не сразу; только когда мы уже свернули на Йорк-авеню, я





вспомнил, что она так и не сказала, куда ехать.

Вам смешно, да? Вы думаете, что с моими-то габаритами и мускулами я мог запросто отделать эту сучку. Нет, вы бы тоже ничего не смогли сделать, увидев рот этой девчонки и то, как она себя вела в машине. Бледная, как труп, да ещё эта чёрная дырка... Я смотрел на неё сбоку и ничего не говорил да время от времени поглядывал на дорогу. Я не хотел, чтобы легавый увидел нас вдвоём на переднем сиденье.

Говорю вам, вы даже не можете себе представить, в таком городе, как Нью-Йорк, и так мало людей в ночное время. Она то и дело сворачивала на какие-то улицы. Мы проезжали мимо целых кварталов и не видели ни

души, иногда встречались двое-трое прохожих. Бродяга, иногда женщина, люди, возвращающиеся с работы; есть магазины, которые открыты до двух или трех часов ночи или даже круглые сутки. Каждый раз, когда она видела кого-нибудь на тротуаре справа, она дергала руль и проезжала у самого тротуара, как можно ближе, притормаживала и, поравнявшись с прохожим, внезапно жала на газ. Я по-прежнему ничего не говорил, но когда она это проделала в четвертый раз, я спросил у неё:

- Зачем вы это делаете?
- Думаю, что это меня забавляет.

Я ничего не ответил. Она посмотрела на меня. Мне не понравилось, что она



— продолжала вести машину, а смотрела на меня; машинально моя рука потянулась к рулю. Не подав виду, она ударила меня по руке правым кулаком. Боль была адская. Я выругался, а она снова рассмеялась.

– Когда они слышат шум мотора и отпрыгивают, это так забавно...

Она наверняка видела собаку, перебегающую улицу, и я хотел вцепиться во что-нибудь, чтобы удержаться на месте, когда она даст по тормозам, но вместо того, чтобы затормозить, она нажала на газ, и я услышал глухой стук удара о капот тачки, которую изрядно тряхануло.


– Чёрт! – выругался я. – Ничего себе! От этой собаки у меня, наверное, весь капот смят...

– Заткнись!

Казалось, она была в полной отключке. Глаза у неё были мутные, и машину вело из стороны в сторону. Через два квартала она остановилась у тротуара.

Я хотел выйти и посмотреть, что с решеткой радиатора, но она схватила меня за руку. Она дышала тяжело, как ломовая лошадь.

Её лицо в тот момент... Я не могу забыть её лицо. Видеть женщину в таком состоянии, когда сам её до этого довёл, это ещё ладно, чего ж плохого... но когда и думать об этом не думал, а она вдруг вот так... Она сидела не шевелясь и только сжимала мою руку изо всех сил. На её губах



заблестела слюна. Уголки её рта были влажные.

Я выглянул наружу. Я даже не знал, куда мы заехали. Вокруг не было никого. Её штаны на молнии снимались одним махом. Обычно в тачке как следует не оттянешься. Но тот раз я буду помнить всегда. Даже когда ребята мне завтра утром забреют голову...

о о о


Потом я усадил её справа от себя и повел сам, но она почти сразу же потребовала, чтобы я остановился. Она кое-как привела себя в порядок, матерясь при этом как грузчик,

вылезла из машины и пересела на заднее сиденье. Затем назвала мне адрес ночного бара, где должна была петь. Я попытался выяснить, где мы находимся. В голове был туман, как будто только что вышел из больницы, где пролежал целый месяц. Мне все-таки удалось вылезти из машины и удержаться на ногах. Я хотел осмотреть машину. Следов не было. Только кровавое пятно, размазанное на правом крыле. Это могло быть какое угодно пятно.

Самое быстрое было развернуться и поехать обратно.

Я видел её в зеркальце, она смотрела в окно и, заметив на тротуаре сбитую собаку, снова тяжело задышала. Собака ещё шевелилась, у неё, наверное, были перебиты кости, она





ползла боком. Меня чуть не вырвало, я чувствовал себя очень слабым, а она начала надо мной смеяться. Она видела, что мне плохо, и принялась меня вполголоса материть; она говорила мне ужасные вещи, и я мог снова её поиметь тут же, на улице.

Вы, ребята, не знаю, из какого теста вы сделаны, но когда я довез её до бара, где она должна была петь, я не смог остаться и ждать её после выступления. Я сразу же свалил. Я должен был вернуться домой. Жить одному не всегда весело, но, чёрт возьми, в тот вечер, к счастью, я был один. Я даже не раздевался; выпил, что у меня было, и завалился в койку. Я был выжат как тряпка. Как грязная тряпка.

На следующий вечер я был там снова и ждал её у входа. Я опустил флажок такси и вышел размяться. Место было шумное. Остаться я не мог. И все-таки я ждал. Она вышла в то же самое время. Точная как часы. Она меня сразу же заметила. Она меня сразу же узнала. Вместе с ней, как всегда, вышли два типа. Она, как всегда, смеялась. Не знаю, как вам это объяснить; когда я её увидел, меня как будто оторвало от земли. Она открыла дверцу такси, и они сели ко мне все трое. Меня это обломало. Этого я не ждал. Идиот, сказал я себе. Ты что, не понимаешь, что такая девчонка – это сплошные капризы. Вчера ты сгодился, а сегодня ты просто шофер такси. Ты просто никто.





Вот так! Никто! Я вел как мудака и чуть не снес задницу огромной тачке, что шла впереди; я матерился про себя. Хорош же я был и всё такое. А эти трое веселились на заднем сиденье. Она рассказывала анекдоты. От её низкого, как у мужика, голоса, хрипловатого, как будто выдранного из глотки, бросало в пьяную дрожь.

Как только я подъехал, она вылезла первой; два типа даже не настаивали, чтобы заплатить. Они её знали хорошо... Они зашли в дом, а она наклонилась к окошку и погладила меня по щеке, как ребенка. Я взял у неё деньги. Проблем с ней я иметь не хотел. Я хотел что-то сказать. И не знал что. Она заговорила первой.

– Подождёшь? – спросила она.

– Где?

– Здесь. Выйду через пятнадцать минут.

– Одна?

Чёрт возьми! С моей стороны это было слишком круто. Я уже пожалел о том, что это сказал. Но сказанного не воротишь. Её ногти вонзились мне в щеку.

– А это вы видели?

Она по-прежнему посмеивалась. Я ничего не чувствовал. Она почти сразу же отпустила меня. Я провел рукой по щеке. У меня шла кровь.

– Ничего! – сказала она. – Когда я выйду, крови уже не будет. Значит, ты меня ждёшь, да?



Она вошла в бар. Я стал разглядывать себя в зеркальце. На щеке остались три глубокие царапины полукругом и четвертая, побольше, им навстречу. От большого пальца. Крови было немного. Я ничего не чувствовал. Итак, я стал ждать. В тот вечер мы никого не сбили. А мне ничего не обломилось.

о о о

Я думаю, она начала вытворять эти штуки недавно. Говорила она мало, я ничего о ней не знал. Теперь днем я сидел и ждал, когда наступит вечер, а вечером заводил свою дряхлую тачку и ехал за ней. Она больше не садилась рядом со мной, было бы

слишком глупо, если бы нас из-за этого прихватили. Я пересаживался, а она садилась на мое место; по две-три кошки или собаки в неделю мы раскатывали.

Я думаю, на второй месяц наших прогулочек ей уже захотелось чего-то другого. Это её уже не цепляло, как сначала, мне кажется, она начала задумываться о более крупной дичи. Что я могу вам сказать ещё? Мне это казалось совершенно естественным... она уже не реагировала, как раньше, а я хотел, чтобы она была такой же, как раньше. Я знаю, вы можете сказать, что я какой-то урод. Но вы не знали эту девчонку. Убить собаку или ребенка – ради неё мне было все равно. И вот тогда мы сбили эту пятнадцатилетнюю девушку; она




гуляла со своим дружкой, матросом. Они выходили из парка, где аттракционы. Я вам сейчас все расскажу.

В тот вечер Слэкс была в ужасном состоянии. Едва она села в машину, я понял, что она чего-то хочет. Я понял, что нам придется кататься всю ночь напролет, но обязательно что-нибудь найти.

Чёрт возьми! Нам не везло с самого начала. Я погнал прямо на Куинсборо-Бридж, а оттуда на круговые автострады, я никогда не видел столько машин и почти никого из прохожих. Вы мне скажете, для автострад это нормально. Но в тот вечер я этого не понимал. Ведь мне нужны были не прохожие. Мы накручивали километр за

километром. Объехали вокруг и очутились посреди Кони-Айленд. Слэкс сидела за рулем уже порядочное время. Я болтался сзади и на поворотах цеплялся, чтобы не свалиться. Вид у неё был как у чокнутой. Я ждал. Как всегда. Я клевал носом и дожидался. Я просыпался, когда она пересаживалась на заднее сиденье. Чёрт возьми! Даже думать об этом не хочется.

Все произошло очень просто. Она мчалась, кидая машину из стороны в сторону от 24-й Уэст к 23-й, и тут она их увидела. Они развлекались, он шел по тротуару, она – рядом, по проезжей части, чтобы казаться ещё меньше ростом. Парень был высокий, хорошо сложенный. Девушка со



спины казалась совсем молоденькой, светлые волосы, коротенькое платье. Было довольно темно. Я видел, как руки Слэкс сжимали руль. Сука. Водить она умела. Она погнала прямо на них и зацепила девушку. У меня было такое ощущение, что я сейчас подохну. Я обернулся, девушка лежала на земле, неподвижный комок, её парень бежал за нами и кричал. Затем я увидел, как на улицу вывернула зеленая машина, старая модель, которую ещё использовали в полиции.

– Быстрее! – завопил я. Она мельком посмотрела на меня, и мы чуть не впилились в бордюр тротуара.

– Жми! Жми!

Я знаю, что именно упустил в эту минуту. Я знаю. Теперь я видел её только со спины, но знаю, что должно было произойти, если бы не... Вот почему мне на всё наплевать, понимаете? Вот почему ребята могут завтра утром забрить мне башку. Забавы ради они могут оставить мне чёлку или покрасить меня в зелёный цвет, под стать полицейской машине. Мне всё до лампочки, понимаете?

Слэкс гнала вперед. Она вырулила, и мы оказались на Серф-авеню. Раздолбанное такси урчало и визжало. Легавые, наверное, уже висели у нас на хвосте.

Затем мы выбрались на поворот к автостраде. Все, теперь уже нет светофоров. Чёрт! Если бы у меня была другая машина. Все



1 2 перемешалось у меня в голове. Сзади прибавили газу. Улиточные бега. Мне хотелось выть от ярости.

Слэкс выжимала всё, что было можно. Я по-прежнему видел её со спины, но я знал, чего ей хотелось, и это меня заводило так же, как и её. Я опять заорал: «Жми!» – и она давила на полную катушку. Потом она обернулась на секунду, не больше, а в это время какой-то тип выезжал на поворот. Она его не видела. Он ехал справа. Километров семьдесят пять, как минимум. Я увидел, как мы несёмся прямо на дерево, и сжался в комок, но она даже не моргнула, и когда они меня вытащили из машины, я визжал как свинья, а Слэкс уже не двигалась. Руль продавил ей грудь. Они с трудом вытянули её за руки, за

её белые руки. Такие же белые, как её лицо. Слюна ещё блестела у неё на губах. Глаза были открыты. Я не мог двигаться из-за руки, вывернутой в обратную сторону, но я попросил положить её рядом со мной. Тогда я смог рассмотреть её глаза. И её всю. Из неё хлестала кровь. Она была вся в кровище. Но только не лицо.

Они раскрыли полы её мехового пальто и увидели, что под ним ничего не было. Только штаны. Её белая кожа казалась бесцветной и мёртвой при свете газовых фонарей, которые освещали дорогу. Когда мы врезались в дерево, молния на её штанах была уже расстегнута.

1947

oo oo



Борис Виан.

ПРИЛЕЖНЫЕ УЧЕНИКИ.


Ораторий I.

Люн и Патон спускались по лестнице Полицейской академии.

Только что закончился урок рукоприкладной анатомии, и они намеревались пообедать перед тем, как заступить на пост у штаб-квартиры Партии конформистов, где совсем недавно какие-то гнусные мерзавцы переколотили окна узловатыми дубинками. Люн и Патон весело шагали враскачку в своих синих накидках, насвистывая марш

полицейских; при этом каждый третий такт отмечался весьма чувствительным тычком белой дубинки в ляжку соседа; вот почему этот марш настоятельно требует четного числа исполнителей. Сойдя с лестницы, они свернули в галерею, ведущую к столовой. Под старыми каменными сводами марш звучал как-то странно, ибо воздух в галерее начинал вибрировать на лябемольных четвертях, каковых вся музыкальная тема содержала никак не менее трехсот тридцати шести. Слева, в узеньком дворике с деревцами, обмазанными известью, тренировались и разминались их собратья по профессии – будущие шпики и полицейские. Одни играли в "прыг-шпик-не-зевай", другие учились танцевать мазурку – на





спинах мазуриков, третьи колотили зелеными учебными дубинками по тыквам – их требовалось разбить с одного удара. Люн и Патон даже бровью не повели: такое они и сами проделывали каждый Божий день, не считая четвергов, когда учащиеся выходные.

Люн толкнул массивную дверь столовой и вошел первым. Патон замешкался – надо было досвистать марш, вечно он отставал от приятеля на пару тактов. Двери непрерывно хлопали, в столовую со всех сторон стекались слушатели Академии, они шли группами по двое, по трое, очень возбужденные, так как накануне началась экзаменационная сессия.

Люн и Патон подошли к столику номер семь где столкнулись с

Поланом и Арланом – парой самых отъявленных тупиц во всей Академии, с лихвой возмещавших недюжинную тупизну незаурядным нахальством. Все уселись под стоны придавленных стульев.

– Ну, как оно? – спросил Люн у Арлана.

– Хреново! – отвечал Арлан. – Подсунули мне, гады, старушенцию годов на семьдесят, не меньше, а уж и костистая до чего, старая кляча!..

– А вот я своей с одного маха девять жевалок вышиб, – похвастался Подан, – сам экзаменатор меня поздравил!

– Эх, а мне не повезло, – бубнил свое Арлан, – подложила она мне свинью, плакали теперь мои нашивочки!



— Всё ясно, — сказал Патон, — им больше не удастся набирать для нас учебный материал в трущобах, вот они и выдают кого посытее. А такие — крепкий орешек. Бабы, правда, похлибче, но что касается мужичков, так вы не поверите, я нынче весь взопрел, пока вышиб одному глаз.

— Ну, вот это мне раз плюнуть, — обрадовался Арлан, — гляньте-ка, я тут чуток помозговал над своей дубинкой.

Он показал им свое изобретение. Конец дубинки был весьма изобретательно заострен.


— С лету вмазывается! — сказал он. — Верных два очка в кармане. Я уж поднатужился, надо же было отыгаться за вчерашнее!

— Мелюзга в этом году тоже чёрт знает какая, просто руки опускаются, — заметил Лун, — вчера мне дали одного мальчика, так я всего только и смог, что перебить ему кисть, и это с моего-то удара! О ногах я уж и не говорю, тут даже дубинка не помогла, пришлось маленько каблуками поработать. Противно даже, ей-богу!

— Это точно, — согласился Арлан, — из приютов нам больше ни шиша не перепадает. А нынешние поступают сюда прямо из детоприемника. Тут уж на кого налетишь, дело случая. Если мальчишке не пришлось голодать, его, твердокожего дьявола, ни одна дубинка не возьмет!

— А я гляжу, — прервал его Подан, — горят мои нашивочки ясным огнем, я и давай дубасить что было сил, чуть



 не сдох, ей-богу! У меня от натуги даже пуговицы с мундира посыпались, из шестнадцати всего семь на месте осталось. Но сержант только рад был придраться. "В другой раз, – говорит, – будешь пришивать покрепче". И вклеил мне наряд вне очереди!

Они замолчали, так как подоспел суп. Люн схватил поварешку и запустил её в кастрюлю. Сегодня подали наваристый бульон из галунытины. Все четверо налили себе по полной тарелке.

Ораторий II.

Люн стоял на посту перед штаб-квартирой Партии конформистов.

Скуки ради он разглядывал обложки на витрине


книжной лавки, и от одних названий у него ум за разум заходил. Сам он в жизни не читал ничего, кроме "Спутника полицейского", содержащего описание четырех тысяч случаев нарушения общественного порядка: начиная с отправления малой нужды на улице и кончая словесным оскорблением полицейского. Всякий порядочный полицейский обязан был все их знать на зубок. Каждый раз, когда Люн открывал картинку на странице пятьдесят, где был изображен субъект, переходящий улицу в неположенном месте, он буквально вскипал от ярости и, только перевернув страницу, умиротворялся

при виде "образцового
полицейского". По какому-то
странному совпадению "образцовый
полицейский" как две капли воды
походил на его дружка Патона,
который в данный момент
переминался с ноги на ногу по
другую сторону здания.

Вдали показался тяжелый грузовик,
набитый балками из
барбандированной стали. На самой
длинной из них, оглушительно
хлопавшей концом по мостовой,
пристроился мальчишка-подмастерье.
Он размахивал красной тряпкой,
разгоняя прохожих, но на машину со
всех сторон бросались лягушки, и
несчастный парень непрерывно
отбивался от этих осклизлых тварей,
привлеченных ярким лоскутом.

Громадные черные колеса грузовика
подпрыгивали на камнях мостовой, и
мальчишка плясал, как мячик на
ракетке. Когда машина поравнялась с
Люном, её сильно потрянуло. В тот же
самый миг крупная ядовито-зеленая
лягушка впрыгнула мальчишке за
ворот и скользнула под мышку. Тот
взвизгнул и отпустил балку.
Перекувырнувшись и описав
полулемнискату, он врезался в самый
центр книжной витрины. Отважный
Люн, не колеблясь, засвистел во всю
мочь и ринулся на мальчишку. Он
выволок его за ноги из разбитой
витрины и начал усердно
вдалбливать ему в голову ближайший
газовый рожок. Большой осколок
стекла, торчащий из спины мальчика,
трясся вместе с ним и отбрасывал



 солнечный зайчик, который весело
плясал на горячем сухом тротуаре.

– Опять фашисты! – крикнул,
подбегая, Патон.

Из магазина вышел служащий и
подошел к ним.

– Я думаю, это чистая случайность, –
сказал он, – мальчик слишком молод
для фашиста.

– Да вы что! – заорал Люн. – Я же
видел, он это нарочно!

– Гм... – начал служащий.

Разъяренный Люн на минуту даже
выпустил мальчишку из рук.

– Вы что, учить меня вздумали?
Глядите... А то я сам кого хочешь
научу!

– Да... Понятно, – сказал служащий.
Он поднял мальчика и скрылся
вместе с ним в дверях.

– Вот паразит! – возмутился Патон. –
Ну, он об этом пожалеет!

– Ещё как! – откликнулся довольный
Люн. – Глядишь, и повышение
заслужим. А фашиста этого мы
отсюда выудим, сгодится нам в
Академии.

Ораторий III.

– Ну и скучища, чтоб её!.. –
проворчал Патон.

– Ага, – ответил Люн, – то ли дело на прошлой неделе! Чего бы сообразить, а? Хоть бы разок в неделю эдакое развлечение, и на том спасибо!

– Точно, – сказал Патон. – Эй! Глянь-ка вон туда!

В бистро напротив сидели две красивые девушки.

– Ну-ка, сколько там на твоих? – спросил Люн.

– Ещё десять минут – и порядок, – ответил Патон.

– Ух вы, цыпочки! – сказал Люн (он глаз не мог оторвать от девушек). – Пошли выпьем, что ли?

– Давай, – сказал Патон.

Ораторий IV.

– Ну а сегодня-то вы с ней встречаетесь? – спросил Патон.

– Нет, – сказал Люн, – она занята. Тьфу, что за проклятый день!

Они дежурили у входа в Министерство прибылей и убытков.

– Ни живой души, – сказал Люн, – прямо... – Он умолк, так как к нему обратилась почтенная пожилая дама.

– Простите, месье, как пройти на улицу Дэзеколь?

– Действуй, – сказал Люн.

И Патон трахнул даму дубинкой по голове. Потом они аккуратно уложили её на тротуар, у стены здания.

– Старая дура, – сказал Люн, – не могла, что ли, подойти ко мне слева, как положено?! Ну вот, вроде и развлеклись, – заключил он.

Патон заботливо обтирал дубинку клетчатым носовым платком.

– Ну а чем она занимается-то, твоя красотка? – спросил он.

– А я почему знаю, – ответил Люн, – но она малашечка что надо!

– А это... ну, сам понимаешь, она здорово проделывает? – спросил Патон.

Люн залился краской:

– Патон, ты просто разнузданный тип! Ничего ты не понимаешь в чувствах!

– Значит, сегодня ты с ней не увидишься, – сказал Патон.

– Нет, – сказал Люн, – чем бы в самом деле вечерок занять?

– Можно наведаться к Центральному складу, – предложил Патон, – вдруг какие-нибудь типы вздумают пошуровать там насчет съестного?

– Так ведь там не наш участок, – сказал Люн.

– Ну и что, сходим просто так, – ответил Патон, – может, зацапаем кого, вот смеху-то будет! Но если не хочешь, давай наладимся в...

– Патон, – сказал Люн, – я знал, что ты свинья, но это уж слишком! Как я могу этим заниматься – теперь?!

– Ты трехнулся, – сказал Патон. – Ладно, чёрт с тобой, смотаемся на Центральный склад. И прихвати на всякий случай свой успокоитель, мало ли что бывает, вдруг посчастливится убаюкать кого-нибудь!

– Ясное дело! – воскликнул Люн, дрожа от возбуждения. – Самое меньшее десятка два уложим!

– Эге! – сказал Патон. – Я гляжу, ты всерьез влюбился!

Ораторий V.

Патон шел впереди, Люн за ним, едва не наступая дружку на пятки. Пройдя вдоль искрошившейся

кирпичной стены, они приблизились к аккуратному, тщательно ухоженному пролому: сторож содержал его в порядке, чтобы жулики не вздумали карабкаться на стену и, чего доброго, не повредили её. Люн и Патон пролезли в дыру. От неё вела в глубь складов узенькая дорожка, с обеих сторон огороженная колючей проволокой, чтобы вору некуда было свернуть. Вдоль дорожки там и сям виднелись окопчики для полицейских – обзор и обстрел из них был великолепный. Люн и Патон выбрали себе двухместный и комфортабельно расположились в нем. Не прошло и двух минут, как они слышали фыркание автобуса, подвозящего грабителей к месту работы. Еле слышно звякнул колокольчик, и в проломы показали первые вору.

Люн и Патон крепко зажмурились, чтобы не поддаваться искушению, – ведь гораздо занятнее перестрелять этих типов на обратном пути, когда они с добычей. Те прошли мимо. Вся компания была босиком, во-первых, во избежания шума, во-вторых, по причине дороговизны обуви. Наконец они скрылись из вида.

– А ну признайся, ты предпочел бы сейчас быть с ней? – спросил Патон.

– Ага, – сказал Люн, – прямо не пойму, что со мной творится. Должно быть, влюбился.

– А я что говорю? – подхватил Патон.
– Небось и подарки делаешь?

– Делаю, – сознался Люн, – я ей подарил осиновый браслет. Он ей очень понравился.

– Немного же ей надо, – сказал Патон, – такие давно уж никто не носит.

– А ты откуда знаешь? – спросил Люн.

– Тебя не касается, – ответил Патон.

– А ты хоть разок пощупал её?

– Замолчи! – сказал Люн. – Такими вещами не шутят.

– И чего это тебя на одних блондинок тянет? – сказал Патон. – Да ладно, это пройдёт, не она первая, не она последняя. Тем более там и взяться-то не за что, она худа как щепка.

– Смнил бы ты пластинку, – сказал Люн, – ну чего ты ко мне пристал?

– Потому что на тебя смотреть противно, – сказал Патон.

– Гляди, влюбленный, замечтаешься
– как раз попадешь в отстающие!

– За меня не бойся, – сказал Люн. –
Тихо! Идут!

Они пропустили мимо себя первого –
высокого тощего мужчину с лысиной
и мешком мышины тушёнки за
спиной. Он прошел, и тогда Патон
выстрелил. Удивленно крикнув, тот
упал, и банки из мешка раскатились
по земле. Патон был с почином,
настала очередь Люна. Он вроде бы
уложил ещё двоих, но они вдруг
вскочили и пустились наутёк. Люн
изрыгнул поток проклятий, а
револьвер Патона дал осечку. Ещё
трое жуликов проскочили у них под
самым носом. Последней бежала
женщина, и разъярённый Люн
выпустил в неё всю обойму. Патон тут

же выскочил из окопчика, чтобы
прикончить её, но она и так уже была
готова. Красивая блондинка. Кровь,
брызнувшая на её босые ноги,
казалось, покрыла ногти ярким
лаком. Запястье левой руки
охватывал новенький осиновый
браслет. Девушка была худа как
щепка. Наверняка умерла натошак.
Что ж, оно и полезней для здоровья.

oo oo

Борис Виан

А ПОТОМ ВСЕХ УРОДОВ УБРАТЬ. (Et on tuera tons les affreux. 1948.)

АКТ I. НАЧИНАЕТСЯ ВСЁ НЕ СПЕША.

Получить удар по голове – это пустяки. Дважды за один вечер накачаться наркотиками – ещё не так страшно. Но выйти подышать свежим воздухом и очутиться в незнакомой комнате наедине с женщиной – причём в костюмах Адама и Евы – это уже слишком. Что же касается того, что случилось со мной дальше.

Но, я полагаю, лучше будет вернуться к самому первому вечеру. Летнему

вечеру, будем точны. Дата не так уж важна.

Итак, этим вечером мне почему-то захотелось куда-нибудь пойти. Обычно я ложусь и встаю рано, но порою чувствуешь потребность в некотором количестве алкоголя, в человеческом тепле, в компании. Вероятно, я сентиментален. Глядя на меня, этого, пожалуй, не скажешь, но бугры моих мускулов – всего лишь видимость, за которой скрывается сердечко Золушки. Я очень люблю друзей. Я очень люблю подруг. У меня никогда не было недостатка ни в тех, ни в других, и время от времени я мысленно благодарю своих родителей за внешность, которой они меня одарили. Некоторые, я знаю, благодарят за это Бога, но, между

нами говоря, я нахожу, что они впутывают Господа в дела, к которым он в действительности непричастен. Как бы то ни было, моя мать меня не испортила, да и отец тоже... ведь он как-никак имел к этому отношение.

Итак, я решил куда-нибудь пойти; вся банда ожидала меня в «Зути Сламмер»: Гари Килиан, репортер из «Колл», Кларк Лэйси, университетский приятель, живший, как и я, недалеко от Лос-Анджелеса, и наши обычные подружки – но не те девицы, которых всякий таскает за собой, как только заводятся денежки, не какие-нибудь низкопробные певички или вертлявые танцовщицы. Этих я не люблю – вечно они норовят о тебя потереться. Не такие девицы. Нет. Друзья, настоящие друзья: не

статистики в поисках контракта, не наивные потаскушки, а просто милые симпатичные девушки. Это просто ужас, скольких трудов мне стоило их отыскать. Лэйси, тот откапывает их на каждом шагу, да таких, что, проводя вместе десять часов подряд, они даже не пытаются его поцеловать. Я же произвожу на них совсем другое впечатление. Однако представьте себе, как трудно бывает оттолкнуть хорошенькую девушку, которая буквально виснет у тебя на шее. Но всё же мне не хотелось бы иметь такую рожу, как у Лэйси. Впрочем, это уже другая история. В конце концов, я знал, что в «Сламмер» я, вероятно, увижу Верил Ривз и Мону Соу, а с ними я ничем не рискую. У всех остальных девушек такой вид, будто они хотят показать,

что любовь – единственная цель жизни, особенно когда перед ними мужчина, который при росте в шесть футов два дюйма весит девяносто килограммов. Я всегда отвечаю им, что нахожусь в соответствующей форме именно потому, что берегу здоровье. И добавляю, что, если бы им однажды пришлось испытать на себе мой тоннаж чистого веса, они бы тут же оставили меня в покое – настолько это утомительно. Во всяком случае, Верил и Мона не такие и знают, что гигиеничная жизнь гораздо предпочтительнее всех этих далеко не новых штучек, которые выделывают на диванах.

Я вошёл в «Зути Сламмер». Этот симпатичный ночной бар принадлежит Лему Гамильтону –

толстому чернокожему пианисту, игравшему когда-то в оркестре «Лезербед». Он знает всех музыкантов побережья – а сколько их развелось в Калифорнии, одному Богу известно. В «Сламмер» всегда можно послушать настоящую музыку. Я это люблю, музыка меня расслабляет. А коли я уже расслабился естественным образом, она действует на меня успокаивающе. Гари ждал меня. Лэйси танцевал с Моной, а Верил бросилась мне на шею.

– Добрый вечер, Мона. Что новенького? Привет, Гари.

– Привет, – ответил мне Килиан.

Вид у него, как всегда, был безукоризненный. Его светло-

красный галстук казался
накрахмаленным – так прямо он
держался. Что я люблю в Гари – это
его вкус и умение одеться. В
конечном итоге, наши вкусы
совпадают – что тоже немаловажно.

Мона смотрела на меня.

– Роки, – сказала она, – это уже
неприлично. Вы становитесь с
каждым днем всё красивее и
красивее.

Когда я слышу подобные вещи от неё,
меня это не смущает. Её тон был... как
бы это сказать... сносным.

– Вы восхитительны, Роки. Эти
белокурые волосы... а бронзовая
кожа... м-м-м... так бы вас и съела.

Я всё-таки покраснел. Это со мной
бывает. Гари даже слегка
поиздевался надо мной.

– Ты даже не протестуешь, Рок? В
былые времена тебя бы уже здесь не
было...

– С её стороны это всего лишь
попытка проявить свои умственные
способности, но если она будет
продолжать в том же духе, я
действительно уйду.

Мона рассмеялась. Гари тоже. Ну и я,
конечно, – мы ведь друзья.

Тем не менее, я предпочел бы, чтобы
Лэйси здесь не было. Я не люблю,
когда девушки восхищаются моей
внешностью в присутствии Кларка
Лэйси: это самый замечательный
парень на всей земле, но если бы мне

сказали, что его отец был крысой, а мать – лягушкой, меня бы это не удивило: именно такое впечатление он производит внешне. И это слегка мешает ему ухаживать за девушками.

Мона снова взялась за свое.

– Роки, когда же вы, наконец, решитесь признаться мне в любви?

– Никогда, Мона... Я не хочу видеть вокруг себя тысячи несчастных женщин.

Она, должно быть, немного выпила: обычно она не так настойчива. К счастью, к нам направлялись Кларк и Берил, и мы сменили тему разговора. Гамильтон, хозяин заведения, только что уселся за рояль. Как и все толстяки, он с необычайной легкостью касался клавиш, и, слушая

его игру, я смеялся от удовольствия. Гари пошёл танцевать с Берил, а я только было собрался пригласить Мону, как Лэйси перехватил её. Когда Гамильтон начинает играть, я готов танцевать с любой девицей: его музыка действует на меня как электрический ток. Оглядевшись по сторонам, я увидел своего спасителя. Этого кретина Дугласа Тфрака. Позже я ещё расскажу вам о нем, а сейчас я бросаюсь на девицу, с которой он пришёл, и увлекаю её на танцевальную дорожку (танц-пол).

Она неплохо сложена и хорошо танцует. Только без шуток... Она уже начинает слишком сильно прижиматься ко мне.

– Полегче! – говорю я ей. – Я дорожу своей репутацией.

То, что я сказанул, конечно, несколько грубовато, но с такой физиономией, как у меня, простительно. Она слегка улыбается и ослабляет хватку. Но стоит только посмотреть, как она виляет кормой, – сразу ясно, что у неё в башке.

– Жаль, что это не самба, – отвечает она, ничуть не обидевшись.

– Почему же? – спрашиваю я. – По мне, так и эта музыка неплоха.

– Когда танцуешь самбу – совеем другая атмосфера, – отвечает она. – А эта музыка всё-таки какая-то прохладная.


Дети мои, если она называет это прохладной музыкой, я бы поостерегся танцевать с ней самбу. Чёрт возьми, надо же что-то

предпринять. Я всё-таки посильнее, и мне удастся оторвать её от себя.

Теперь мы танцуем на расстоянии вытянутых рук. Нельзя же, право, посвятив жизнь спорту, плясать с куклами вроде этой. Это вещи несовместимые. А я предпочитаю спорт. Превыше всего.

Она покусывает нижнюю губу, но всё же продолжает улыбаться. Кажется, её невозможно задеть. На днях я приклею фальшивые усы и смогу спокойно ходить на танцы.

Гамильтон прекращает игру. Я отвожу девицу к её законному владельцу Дугласу Тфраку. Что касается самого Дугласа, он достоин подробного описания. Это – высокий курчавый блондин с огромным, вечно растянутым в улыбке ртом. Он очень

 молод, пьёт как лошадь и работает кем-то вроде журналиста. Обычно он пишет в какую-нибудь газетёнку одну колонку кинохроники, а всё свободное время посвящает производству своей жизни – «Эстетике кино». Он полагает написать её за десять лет и выпустить в десяти томах. А в остальном, повторяю вам, он самый что ни на есть натуральный пьяница.

– Привет! – говорит он мне. – Представить тебя?

– Конечно.

– Это – Рок Бэйли, – объясняет он хорошенькой брюнетке, которая только что покушалась на мои чувства. – Санди Лав, – говорит он

мне, указывая на неё. – Надежда «Метро Голдвин Майер».


– Рад познакомиться, – я изысканно кланяюсь и пожимаю ей руку. Она смеется – славная, в общем-то, девушка. Надежда «Метро». Боже мой, если бы я был на месте «Метро», я бы без колебаний сделал ставку на эту крошку вид у неё самый многообещающий.

– Она к тебе равнодушна, – с обычной тактичностью заявляет Дуглас. Невежества ему не занимать. Мне не в чём ему позавидовать, но я всё же ставлю его на место.

– Она сказала это, чтобы отделаться от тебя.

– Вы догадались, – говорит Санди Лав.



 И придвигается ко мне. Чёрт возьми, до чего же надоедливы эти самки. Где это она выискала себе такое низкопробное имечко – Санди Лав... Странная мысль. Звучит несколько по-деревенски. И совсем, надо заметить, ей не идет. Я просто убежден, что эта девица не удовольствуется любовью только по воскресеньям.

– Потанцуем ещё, – предлагает она, так как Лем Гамильтон снова усаживается за рояль.

– Нет, – возражаю я, – кончится тем, что вы меня соблазните, а мои тренировки не позволяют мне предаваться затеям подобного рода. Если хотите что-нибудь выпить, я весь к вашим услугам.

– Тренировки позволяют вам пить? – метко парирует она.

– Ну да, – уверяет её Дуглас, который не упускает из нашего разговора ни единого слова. – Слушай, Санди, не пытайся обольстить старика Роки. Он неприступен: многие девушки уже пообломали об него свои коготки. Впрочем, ты же знаешь этих спортсменов – у них нет ничего святого. В том, что тебя интересует, никто не сравнится с интеллектуалами.

Это он себя имеет в виду, естественно.

В конце концов, я заказываю выпивку. Дуглас тоже. Между делом я танцую с Верил, с Моной и опять с Санди Лав. С ней танцевать забавно,



32 потому что, несмотря на все её старания, я остаюсь совершенно холодным. Она это поняла, но откровенно продолжает заигрывать. Сегодня я в прекрасной форме и знаю, что большинство присутствующих здесь женщин попались бы на мою удочку. Всё-таки приятно иметь смазливую рожу.

– Послушайте, – неожиданно говорит мне Санди Лав.

– Да.

Она прижимается ко мне. От неё хорошо пахнет. Запах её волос и губной помады гармонируют друг с другом самым замечательным образом. Я говорю ей об этом.

– Да ладно вам, Роки, вы ведь совсем об этом не думаете.

– Да нет же, моя прелесть, я думаю как раз об этом.

– А что если мы поедem в другое место?

– Зачем? Вам не нравится музыка старого Лема?

– Да нет же, нравится, но вам она нравится чересчур. Не большое удовольствие танцевать с типом, который всю слушает музыку.

– Я знаю, что некоторые танцуют ради партнёра, а не ради музыки, – отвечаю я ей, – но я люблю эту музыку и повторяю вам ещё раз, что женщины меня не интересуют.

– Так что же? – глядя на меня с упрёком, она щупает мои бицепсы. – Значит, вы не такой...

Я понимаю, что она принимает меня за психа, и начинаю просто умирать от смеха.

– Да нет же! – говорю я ей. – Не бойтесь, я так же не люблю и мужчин, если вы это имели в виду. На что я действительно обращаю внимание, так это на свое здоровье, а для этого важен только спорт.

– О, – гримасничает она, – я не причиню вам вреда.

Она дьявольски мила, и, глядя на неё, я почти уже готов нарушить свой распорядок. Но, чёрт возьми, я решил... чёрт, признаюсь вам, я решил остаться девственником до двадцати лет. Что может показаться полным идиотизмом, но в молодые годы подобные причуды

неудивительны. Это всё равно что ходить по поребрику вместо тротуара или плевать в раковину так, чтобы не задеть края... Но не могу же я ей так всё это и выложить. Что же делать?

– Я доверяю вам, – говорю я, слегка сжимая её руку, — но по некоторым причинам, которые я не могу вам открыть, я вынужден быть очень серьезным.

– Вы совершили какую-нибудь глупость?

Чёрт! Ну вот, пусть уж она думает что угодно, только не это.

– Даже не знаю, как вам объяснить, – говорю я, – но если вы хотите, чтобы я назначил вам свидание в день своего двадцатилетия, вы будете первой...





И что же, если я надеялся охладить её пыл, – ничего подобного! Она смотрит на меня глазами мужчинопожирательницы и учащенно дышит.

– О! Роки... Это ведь шутка, мой малыш.

И вот девица, которой едва исполнилось семнадцать и которую я мог бы поднять на вытянутой руке, называет меня своим малышом. Да, это редкостный экземпляр.

– Слово мужчины, – говорю я ей, – и я сдержу свое обещание.

– Я могу ответить вам тем же, – говорит она, глядя мне прямо в глаза.

По-моему, я оказался в довольно затруднительном положении. К

счастью, старина Гари приходит на помощь. Он хлопает меня по плечу: «Дай-ка мне потанцевать с крошкой».

Я кланяюсь и предоставляю ему свободу действий. Санди строит недовольную гримасу, но не сердится, так как Килиан, что ни говори, – красивый парень. Она улыбается мне, слегка опустив веки. Теперь она напоминает эту цыпочку перед камерой, вроде Линды Дарнелл.

Я возвращаюсь к стойке. Кларк Лэйси болтает с Берил, Мона танцует с Дугласом. В «Зути Сламмер» собираются только симпатичные парни. Почти всех присутствующих я знаю в лицо. Как всё-таки хорошо жить, имея деньги и хороших приятелей. Я смеюсь от удовольствия.





Сигара Дугласа лежит на пепельнице прямо передо мной и воняет, словно святая вода. Это одна из отвратительных итальянских штуквин, узловатая, как кость старого ревматика, и воняющая хуже, чем сточные канавы преисподней.

Я ощущаю потребность подышать свежим воздухом и говорю об этом Лэйси.

– Сейчас я вернусь. – Выйду на минутку.

– О'кей, – отвечает он.

Я направляюсь к выходу. По дороге делаю знак Лему, и его чёрная физиономия расплывается в улыбке.

Погода великолепная. Ночь светлая и душистая, в небе дрожит марево

городских огней. Я облакачиваюсь на свою машину неподалеку от «Сламмер». Какой-то тип выходит следом за мной. Коренастый, плотный, он смахивает на хама, но ведет себя прилично.

– Нет ли у вас огня? – спрашивает он.


Я протягиваю ему зажигалку и вспоминаю, что это классический приём гангстера перед нападением. Это веселит меня. Я смеюсь.

– Спасибо, – говорит он.

Он тоже начинает смеяться и прикуривает. Жаль. Это не гангстер. Станный запах, однако. Он замечает, что я принохиваюсь, и протягивает мне свой портсигар.

– Хотите попробовать?





Воняет почти так же, как сигара Дугласа, но на свежем воздухе это не так противно. Я закуриваю сигарету и благодарю его: как-никак, я тоже ходил когда-то в воскресную школу. Вкус у сигареты противный, но я почти не успеваю его ощутить, потому что падаю в обморок, как если бы залпом выпил четверной зомби. Тип – совершенно очарователен: я успеваю отметить, что он поддерживает мою голову, чтобы она не стукнулась о тротуар. А затем я отправляюсь в страну летающих блох.

Акт II. НЕМНОГО ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ФИЗИКИ.

Просыпаюсь я в совершенно обычной комнате. Предположительно ещё ночь, так как горит свет и задернуты шторы. Я смотрю на часы. Должно быть, прошло около полутора часов, с тех пор как я взял эту сигарету. Я помню всё очень отчетливо – кроме того, что произошло между сигаретой и кроватью, на которой я лежу... совершенно голый.

Я начинаю искать глазами свою одежду, простыню или что-нибудь в этом роде: не очень-то приятно оказаться голышом в незнакомой комнате. Прелестная комната. Бежево-оранжевые стены, косо падает свет. Забавно: никакой мебели. Кровать низкая, очень мягкая. Вокруг ничего больше нет. Только дверь.



Я встаю. Подхожу к окну. Раздвигаю занавески. Занавесок тоже нет, как и моей одежды, – они нарисованы на стене.

Дверь. Нужно испробовать всё. Если дверь тоже фальшивая, любопытно знать, как они меня сюда запихали.

Дверь не поддается. Кажется, довольно крепкая, но настоящая.


Не нужно волноваться. Я бросаюсь на кровать и начинаю размышлять. Я всё ещё несколько смущен тем, что раздет, но, в конце концов, тут уж ничего не поделаешь, и потом, если не ошибаюсь, где-то в Африке или Австралии есть племена, которые живут так всю жизнь. Да поможет им Бог. Я же не могу представить себя

танцующим самбу с Санди Лав в таком виде.

Да. Пропади всё пропадом, только бы не волноваться. Тут открывается дверь. Затем закрывается... и между двумя этими операциями происходит легкое изменение моего умонастроения.

Ибо теперь в комнате находится женщина в таком же обличье, как и я. Чёрт возьми, какая красotka! Спешу обратиться с просьбой к Господу, потому что, если я произвожу на неё такое же впечатление, как она на меня, все мои благочестивые намерения буквально рассыплутся в прах.

Она очень красива, но красота её необычна. Слишком уж она

 совершенна. Можно подумать, что её слепили, взяв груди Джейн Рассел, ноги Бетти Грейбл, глаза Бэколл и так далее. Она смотрит на меня, я – на неё, и мы одновременно краснеем. Она приближается ко мне. Я возношу короткую молитву. Чёрт, однако молитвы – это не совсем мой стиль. Возможно, она просто хочет со мной поговорить. Я стараюсь сохранить пристойный вид, и это удастся, но, Боже, как мне нехорошо... Я думаю о своем отце, его очках в золотой оправе, о матери и её лиловом платье, о маленькой сестричке, которая могла бы у меня быть, о матче в бейсбол, о приятном холодном душе – но вот она садится на кровать. Она пристально смотрит на меня и медленно моргает. Ресницы

у неё сантиметров пятьдесят, а кожа такая гладкая.

Что вы хотите? Я – совершенно голый – лежу рядом с девицей лет девятнадцати в том же костюме в самом центре комнаты, где ничего нет, кроме кровати. В университете меня не учили решать такой тип задач. Я предпочел бы французский – впрочем, у этих обезьян существуют неправильные глаголы.

Мысль о неправильных глаголах приводит меня в равновесие.

Я чувствую себя поувереннее. Если уж я решил остаться благоразумным до двадцати лет, терпел всяческие невзгоды, то не для того, чтобы моя программа взлетела на воздух из-за какой-то бабы, которая заявила ко



мне в комнату. Так как это – моя комната: я был здесь до её появления. И внешний вид здесь совершенно ни при чём. Я покажу ей, что умею держаться достойно даже без штанов.

Я встаю, прикрывшись руками, и говорю:

– Что вам угодно? О, она немногословна:

– Вас.

Я чуть не поперхнулся и закашлялся, как старый идиот.

– Ничего не выйдет. Мои тренировки требуют абсолютного целомудрия.

Она поднимает брови, улыбается, встает. Затем приближается ко мне и собирается обнять меня за шею. Я

хватая её за руки и пытаюсь удержать на расстоянии. Вспоминаю Санди Лав. В дансинге, когда на тебе вечерний костюм, это гораздо проще.

Я не знаю, что мне делать, она сильна, как лошадь, и пахнет от неё здорово.

В конце концов, это какое-то безумие, и я хотел бы понять, что происходит.

– Кто меня сюда привел? – спрашиваю я. – Где мы? Что значит всё это представление? А что бы вы сказали, если бы вас накачали наркотиками, привезли в совершенно незнакомую комнату, раздели и впустили мужчину, намерения которого совершенно очевидны?

– Я бы ничего не сказала, – ответила она, перестав вырываться. – В подобных обстоятельствах слова совершенно ни к чему. Вы думаете иначе?

Она улыбается. Всё у неё на месте, у этой девицы, даже зубы страшно красивые.

– Вы можете так думать, потому что знаете, в чём дело, что же касается меня, то это не мой случай.

Смутно я отдаю себе отчет, до какой степени разговор этот неуместен, да ещё в таком прикиде. Она, кажется, тоже начинает это понимать. Она смеется и снова начинает ко мне приближаться; чёрт побери, она совсем рядом – её грудь касается моей... Я отчаянно сопротивляюсь, но

слабею, слабею... у неё такой вид, будто она принимает меня за несчастного идиота с какими-то принципами, – это приводит меня в ярость. Отлично, у меня есть принципы, я защищаю свою жизненную позицию. Я начинаю орать как оглашённый.

– Пустите меня! Кровопийца! Оставьте меня в покое, я не хочу... вы мне надоели. Мама!

На этот раз она совершенно растеряна. Она отпускает меня, отодвигается, прислоняется к стене и смотрит. Дети мои, если вы умеете читать чужие мысли, вы бы сказали, что я самый законченный кретин, которого когда-либо носила земля. Я так вопил, что у меня заболело горло.



А дальше открылась дверь и вошли два совсем несимпатичных типа. Они были одеты по санитарному во всё белое, а телосложением походили на Сан-францисский мост. Мне на этот факт совершенно наплевать, но я всё же протестую.

– Уведите эту психопатку и отдайте мне одежду, – говорю я. – Я не собираюсь служить вашим грязным бандитским замыслам.

– Что происходит? – спрашивает первый, глупый толстяк с маленькими усиками.

– Он предпочитает мужчин? – интересуется другой.

Об этом ты ещё пожалеешь, старина. Я собираюсь с силами и со всего размаху бью его кулаком в живот. По-

видимому, ему это не нравится – он складывается пополам с гримасой, только отчасти выражающей удовольствие.

Усатый смотрит на меня с упрёком.

– Он, конечно, был неправ, – говорит он мне, – но и тебе не стоит быть таким грубым. Ну чего ты добиваешься?

Другой выпрямился. Лицо у него позеленело, из глотки вырываются довольно оригинальные звуки.

– Я не хотел вас обидеть, – едва выдавливает из себя он. – Не надо нервничать.

Он внушает мне доверие... но как я ошибся! Секунда, и на мою черепную коробку обрушивается такой удар



кастетом, что передо мной проносится вся солнечная система сразу. Толстяк делает шаг вперед, и я падаю в его объятия. Отчаянно стараюсь не потерять сознание, и мне удается удержаться на ногах. У меня на затылке, должно быть, зарождается страусиное яйцо – я прямо чувствую, как оно растет. Ещё через несколько минут, пожалуй, вылупится поджаренный страус – жжёт нестерпимо.

– Мы в расчете, – говорю я. Скорее бормочу.

– Так-так, – говорит усач, – надеюсь, ты образумишься. Ведь ты не можешь пристукнуть нас обоих, правда? Так что не надо сопротивляться. Ну, останешься с мадам наедине?

– Она очаровательна, – говорю я, – но у меня есть на то свои соображения.

– Ладно, – бормочет второй сквозь зубы, – тогда пошли с нами.

Моя голова звенит, как старый колокол, но и противник мой бледен как смерть и стоит скорчившись. Это придает мне бодрости.

Я ощущаю что-то на своей ноге. Это подбитый гвоздями ботинок толстяка. Он не шевелится.

– Послушай, птенчик, – говорит он мне, – пойдем с нами. Всего на пять минут, и тебя отпустят, даю слово.

С босыми ногами чувствуешь себя полностью безоружным, особенно



когда чужие ноги обуты. В ботинки с гвоздями.

Да и мой череп не позволяет мне соображать с достаточной производительностью.

Девушка с безразличным видом укладывается на кровать. Я почти сожалею, но – ничего не поделаешь. Возможно, мои принципы и не принципы вовсе, а предрассудки, но с чем-то ведь нужно считаться, хотя бы и с предрассудками. Через шесть месяцев мне исполнится двадцать лет, и если я не продержусь это время, то перестану себя уважать. Вслед за ними я иду по коридору, голому и чистому, как в больнице. Один краем глаза наблюдает за мной, а второй всё время держит руку в кармане. Я знаю, что у него там

маленький кастет; надеюсь, что это всё, что у него для меня приготовлено. Я вздрагиваю, вспомнив о «Зути Сламмер» и своих друзьях, ждущих меня там. Если бы они видели...

К тому же, при мысли о том, в каком я виде, я краснею. Даже не знаю, что бы я отдал, лишь бы не краснеть вот так то и дело. Идиотизм какой-то.

Мы входим в комнату вроде операционной. Стоят какие-то приборы. Горизонтальная никелированная перекладина, прикрепленная к потолку на высоте плеч, привлекает мое внимание. Меня ставят перед ней.

– Поднимите-ка руки, – говорит второй.





Я поднимаю. В мгновение ока меня привязывают к перекладине. Я тщетно пытаюсь брыкаться.

– А ну-ка отпустите меня, мерзавцы!

Я говорю им ещё много других слов, но память моя не позволяет мне воспроизвести их ещё раз.

Они хватают меня за ноги и закрепляют их на полу. Чего они хотят?

Отхлестать меня! Я ору во всё горло. Должно быть, я попал в лапы мафии, которая делает специальные фотографии по заказу пожилых господ и важных дам, слегка уставших от жизни.

– Оставьте меня в покое!.. Ублюдки!.. Оборванцы!.. Я ещё вернусь, чтобы набить вам рожу.

Как же. – Это всё равно что обращаться к стенке. Они суеются в комнате. Первый поставил передо мной нечто вроде фарфоровой мисочки на ножке, а второй возится с какой-то электрической машинкой.

– Мы предпочли бы первый вариант, – говорит усач, – но ты, похоже, не разделяешь нашего мнения, так что извини.

Он прижимает мне к животу некую штуквинку. Проводком она подсоединена к аппарату; второй подходит ко мне сзади с другим электродом. Бог мой! Свиньи! Я чувствую себя более униженным, чем





если бы это был термометр. Они обращаются со мной, ну совершенно как с подопытным кроликом. Я награждаю их всеми именами, которые мне ещё приходят на память.

– Не волнуйся, – говорит толстяк. – Это не больно, и потом, тебе было предоставлено право выбора. А теперь не шевелись, я подключаю контакт.

Он подключает раз, другой, третий, и всякий раз я подпрыгиваю – теперь я осознаю наконец, для чего эта фарфоровая штучка. Мне слишком стыдно произносить, что бы то ни было, зато эти два идиота помирают со смеху.

– Не беспокойся, – говорит мне второй. – Это останется между нами.

Чтобы спасти престиж, я решаю соврать.

– Мне наплевать, – говорю я, брызгая слюной. – Вы самые отъявленные мерзавцы. Мы ещё увидимся.

– Как только ты пожелаешь, сынок, – говорит первый, давась от смеха.

Я припоминаю, они ещё дали мне что-то выпить.

Акт III. ЭНДИ СИГМЕН ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ.

Я пришёл в сознание, видимо, для того, чтобы насладиться пением синих габонских зябликов с апельсиновой плантации, лежа на обочине дороги, куда меня положили



на этот раз совершенно одетым. Почувствовав запах сигары Дугласа, я первым делом подумал, каким образом этот идиот сумел меня отыскать.

Однако, наведя некоторые справки, я понял, что это вовсе не Дуглас. Передо мной возвышалось такси чёрно-оранжевой расцветки, а на его подножке сидел симпатичный малый и разглядывал меня, покуривая трубку.

- Что я здесь делаю? – спросил я.
- Как раз собирался задать вам этот вопрос, – ответил он.
- Я одет... – констатировал я.

– Хм... Надеюсь! На вас было что-нибудь ещё? Я ощупал карманы. Вроде бы все на месте.

– Который час?

– Скоро шесть.

Я поднялся. Моя голова тут же дала знать, что всё это мне не приснилось. Должно быть, я выругался, так как он участливо посмотрел на меня.

– У вас здоровенная шишка, старина.

– Да.

Ломило поясницу. Эта шайка мерзавцев с их электрическими трюками... Но, если кроме этого ничего не было, я ещё здорово отделался. Секунду я колебался:

– Вы можете отвезти меня в город?

– Я думал, что именно об этом вы и попросите. Поэтому я и сижу здесь. Меня зовут Энди Сигмен.

– Меня – Рок Бэйли, – ответил я. – И я очень рад нашей встрече.

– Порядок. Я возвращаюсь порожняком, так что я тоже очень рад.

Я задумался на минуту – это был предел моих мыслительных возможностей.

– Поехали, – сказал я. – Отвезите меня в «Зути Сламмер». Нужно ехать до угла бульвара Пико и улицы Сан-Педро, а дальше я вам покажу.

– Я знаю, где это, – сказал он. – К Гамильтону?

– Точно.

Я уселся рядом с ним: так гораздо удобнее разговаривать, а все таксеры в этом городе болтливы, как старые негритянки.

Я постарался придумать более или менее правдоподобную историю, так как был уверен, что придется рассказывать всё в подробностях.

– Остерегайтесь женщин, – молвил я для начала.

– Отвратительная порода, – согласился он.

– Особенно когда на протяжении двадцати миль позволяют себя тискать, а потом ни за что ни про что выталкивают из машины.

– Она не так уж быстро ехала. –
Сказал он, глядя на мой костюм.



– К счастью, да. Она притормозила.

– Странно, что девица отказалась вас поцеловать, – сказал он, недоверчиво глядя на меня. – Правда, не мне судить, особенно глядя на вашу шишку, но водить за нос такого парня, как вы. – Насколько я понимаю, вы принадлежите к типу мужчин, на который они падки как мухи.

Никакого намека на лесть в его голосе. Должно быть, он действительно так думает.

– Обычно, – говорю я, – так оно и есть, но никто не застрахован от неожиданностей. Эта, во всяком случае, провела меня самым отвратительным образом, трудно

даже сказать, что произошло с тех пор, как я потерял сознание.

– Должно быть, вы заснули на месте, – сказал он.

– Возможно.

– Какая удача, что я вез того клиента аж до Сан-Пинто.

– Особенно для меня, – ответил я.

– Когда я был в Шанхае, – начал он, – мне очень часто приходилось наталкиваться на людей, лежащих где-нибудь на улице.

– Вы были в Шанхае?

– Я был директором французской трамвайной концессии. Это забавная история.

Я засмеялся.



– Вы, наверное, шутите.

– Вовсе нет. Я действительно руководил всем этим. Чтобы всё было ясно, скажу, что в девятнадцать лет я записался на факультет восточных языков, как они это называют, чтобы изучать турецкий. И в первый же день ошибся классом. – И он рассмеялся в свою очередь. – Вы, должно быть, правы, это скорее походит на шутку, но, так или иначе, это правда. Там было всего два ученика, я оказался третьим. Первый раз за одиннадцать лет преподаватель увидел перед собой троих... и у меня не хватило мужества разочаровать его.

– И что же?

– Так вот, когда я выучил китайский, естественно, нужно было поехать в Китай. Я прожил там двадцать лет и за это время выучил английский.

– И теперь вы здесь...

– Теперь я здесь. Шикарное место – Калифорния.

– Да, действительно.

Шикарное, ничего не скажешь, место, где вам подсовывают сигарету с наркотиком, чтобы затем в незнакомом месте подвергнуть самым постыдным операциям. Если бы я рассказал ему всю правду, у него бы мурашки забегали. Это ещё хуже, чем если бы все трамваи Шанхая загудели разом перед его окном в четыре часа дня... – так как он, должно быть, спит днем.

Итак, они оставили меня в районе Сан-Пинто. Это ровным счетом ничего не значит. Они могли отвезти меня в любое место в радиусе сорока миль.

Энди Сигмен свернул за угол. Мой бьюик стоял на прежнем месте рядом с драндулетом Дугласа.

– Порядок, – сказал я Энди. – Остановите здесь, и ещё раз спасибо.

– Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь. – Сказал он, странно на меня поглядев.

Он записал свой номер телефона в мою книжку.

– У вас есть телефон? – удивился я.

– Да, – ответил он, – я неплохо устроился. Честно говоря, меня

забавляет профессия шофёра такси, но я вполне могу без неё обойтись.

В результате я не осмелился предложить ему чаевые.

– Я позвоню вам на днях, выпьем по стаканчику, – сказал я, пожимая его худую, но твердую руку.

– Хорошо, – ответил он. – До свидания. Я проводил взглядом отъезжающее такси. Было ровно шесть часов тридцать минут.

И когда я снова вошёл в кабачок Лема, я увидел Санди Лав; я увидел её со спины, она кричала, закрыв лицо руками и отступая назад.

– Там, в телефонной кабине – мёртвый мужчина!



Акт IV. ГАРИ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО.

На этот раз мое возвращение происходит совершенно незамеченным, и я чувствую, как во мне развивается огромный комплекс неполноценности.

Старина Лем сидит с понурым видом – если это всё правда, его заведению несдобровать. Гари и Дуглас направились в глубину зала к телефонной кабине, и я вижу, как они там склонились над чем-то. Надо вам сказать, что в «Зути Сламмер» почти никого не осталось. Даже Мона и Берил ушли, а от Кларка Лэйси и следа не осталось.

Гари и Дуг возвращаются, ничего не обнаружив.

– Звоните в полицию, Лем, – говорит Гари. – Он мертв. Лучше будет известить их заранее. Вы ничем не рискуете. Попросите к телефону лейтенанта Пика Дефато. Это мой приятель.

И тут он замечает меня.

– Где ты пропадал, изменник? Вернулся как раз вовремя. Выбрал момент, нечего сказать.

– Я выходил проветриться, – отвечаю я. – Я же тебя предупреждал.

– И с тобой произошла маленькая неприятность. – Дуглас, как обычно, веселится: одного трупа явно недостаточно, чтобы поколебать его



настроение. Он намекает на мою шишку, и я быстро меняю тему.

– Вместо того чтобы зубоскалить, успокой-ка лучше бедняжку Санди.

Всё это время Гари в телефонной кабине настаивает, чтобы позвали Ника Дефато.

– Кроме шуток, – не отстаёт Дуглас, – что ты натворил?

– Меня похитила тайно влюбленная в меня женщина. И я слегка повздорил с типом, который курит ужасную гадость – похуже твоих сигар.

– Может быть, – говорит Дуглас, – ты нам всё-таки скажешь, где ты был?

– Какой кошмар, – говорит Санди Лав. – Вы думаете, он действительно мертв?


Она до сих пор не может прийти в себя.

Гари и Лем возвращаются. Несколько оставшихся клиентов направляются посмотреть на труп, затем все мы оккупируем стойку, ожидая, пока Лем приготовит какой-нибудь чрезвычайно бодрящий напиток, поскольку бармен ушёл спать.

Я спрашиваю Килиана:

– Что это за тип? Он был здесь сегодня?

– Да, – кивает Килиан. – Мне кажется, я заметил его часа два назад. Вскоре после твоего ухода, сдается мне. Я вышел посмотреть, куда ты запропастился, и увидел его на улице – он разговаривал с каким-то фраером. Я это хорошо помню,

 поскольку рассчитывал увидеть не их, а тебя.

Вот оно что! Я быстро направляюсь к телефонной кабине. Если это тот самый. Да, он действительно мертв – должно быть, выпил что-то не очень приятное, так как его физиономия весьма своеобразного цвета. Но это не тот, что предлагал мне сигарету. Может быть, его приятель? Я возвращаюсь, чтобы выяснить у Гарри кое-какие детали, но тут замечаю красные отблески полицейской мигалки. Раздается вой сирены. Совсем тихо – они берегут нас. Входят двое полицейских в форме, за ними ещё один в штатском, причём вид у него такой, будто он спит на ходу. Он пожимает руку Килиану – должно быть, это тот самый Дефато.

Тут же заходят ещё двое. Один – с физиономией удивленной лошади – держит в руках чёрную аптечку; другой, должно быть, фотограф. Они проходят мимо стойки вслед за двумя полицейскими в форме. В добрый час, по крайней мере, их нельзя упрекнуть в неторопливости. Всё происходит быстрее, чем я предполагал: за какие-нибудь полчаса всё было закончено – они записали наши фамилии, адреса, взяли показания и убрались восвояси, прихватив девиц сомнительной репутации.

– Хорошо иметь связи, – заметил я Килиану.

Он улыбнулся. Славный толстяк Лем, заметно повеселев, проставляет нам выпивку. Дуглас уже не держится на





ногах, его запаса трезвости хватает только на то, чтобы выйти из бара. Никому нет дела до того, как он управится со своей машиной. Нам это ни к чему.

Мы тоже выходим.

– Я подвезу вас? – говорю я Санди Лав.

Она смотрит на меня, и я убежден, что своим взглядом она хочет мне что-то дать понять, но я недогадлив и ничего не понимаю. Я высаживаю её первой, потому что мне нужно поговорить с Гари.

Мы оба прощаемся с ней и смотрим, как она заходит в дом. Подарив нам очаровательную улыбку, Санди исчезает за дверью с матовыми стеклами. Уже совсем рассвело, и

меня немного клонит в сон. Гари, напротив, свеж как роза. Как только мы остаемся одни, он поворачивается ко мне с озабоченным видом, лицо его при этом натянуто, словно гитарные струны.

– Рок... Где это тебя угораздило?

Он тоже заметил мою шишку: нужно обладать крайней степенью близорукости, чтобы её не увидеть. Мы выезжаем на загородную дорогу – нам совсем не повредит небольшая прогулка до пляжа Санта-Моника, к тому же мы сможем в это время спокойно поговорить.

– Это подарок, – говорю я, – от одного незнакомца.

– А как? Когда?



– Сначала один вопрос, – говорю я –
Вернемся к тем двум типам, которые
входили в «Зути». Один из них мертв.
А другой – не такой ли это детина
мерзкого вида в бежевом костюме и
белых ботинках?

– Да, – отвечает Гари, поразмыслив.

– И галстук почти такой же, как у
тебя. Машинальным движением он
подтянул узел:

– Да.

– Ну хорошо, а теперь я расскажу
тебе, что со мной произошло.

Я говорю ему, как тот тип, которого
он узнал по моему описанию, накачал
меня наркотой. Как меня привезли в
комнату и раздели. Я рассказываю
ему о красивой девице и процедуре,

которая за этим последовала, об
ударе кастетом и появлении Энди
Сигмена в завершение всей этой
истории. Гари слушает меня
внимательно, некоторое время
молчит.

Затем он бросает взгляд в окно и
подскакивает на месте.

– Куда это ты едешь?

– Ты не думаешь, что нам не мешало
бы искупаться?

– Искупаться? Да ты спятил, Рок, –
говорит он. – Время развлечений
кончилось. Дай-ка мне руль.

Итак, мы поменялись местами, и он
помчал со скоростью автогонщика,
что не мешало ему, однако, вести
разговор.

 – Ты знаешь, кто этот покойник у Лема?

– Откуда же мне знать.

Мне известно, что это был высокий парень, блондин с голубыми, должно быть, глазами – но нам он предстал в таком виде, что лучше бы и вовсе на него не смотреть.

– Это был Вулф Петросян, – пояснил Килиан. – Именно поэтому всё закончилось так быстро. Дефато уже давно разыскивал его и был очень доволен, что нашёл, пусть даже в таком неприглядном виде.

– А кто такой этот Вулф Петросян? – недоумеваю я.

Я никогда ничего не слышал об этом типе.

– Забавный малый, – пробормотал Килиан. – Он перепробовал все профессии. Это единственный человек из известных мне мошенников, который сумел заставить работать на себя целый монастырь.

– Боже, как это?

– Под предлогом съёмок мультипликационного фильма о жизни святого Мартина он задействовал всех монашек. Но, помимо этого, он был одним из самых крупных торговцев наркотиками на побережье.

– Ну и что?

– Сейчас я задаю себе вопрос, кто его прикончил, и так как возможных вариантов не так уж много, хочу



проверить их, не откладывая. Ты не занят?

– Нет...

– Так вот, малыш Рок, мы немного поиграем в сыщиков.

– А. – говорю я без всякого энтузиазма. Из фильмов Богарта я усвоил, что в этой профессии гораздо чаще получаешь по роже, чем даешь, но мне не хочется, чтобы Гари счел меня трусом.

– Ну что ж, позабавимся, – говорю я и стараюсь изобразить на лице улыбку восхищения. Но это, кажется, не совсем то, что он от меня хочет.

– Ты знаешь, – говорит он, – это, возможно, связано с некоторым риском. Такие дела небезопасны.

На этот раз я откровенно хорохорюсь и щёлкаю пальцами.


– Вот увидишь. Мы схватим их только так!

– Кого это мы схватим? – спрашивает он лукаво.

– Ну, не знаю... у тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

– Да, у меня есть кое-какие соображения.

Тут мы подъезжаем к полицейскому участку, и я передаю слово Гари, который предпочитает по-своему рассказать вам продолжение этой истории. Это, правда, не совсем продолжение, так как он расскажет вам о том, что произошло после того, как Дефато и скорая помощь уехали

 из «Сламмер», увозя с собой тело Петросяна. Всё это – точные сведения, которые он получил от Дефато.

Акт V. АТАКА НА ФУРГОН.

Фургон с телом Петросяна в сопровождении двух полицейских мотоциклов отъехал от «Зути Сламмер». За ним следовала машина лейтенанта Дефато. Лейтенант с нежностью вспоминал теплую постель, которую он только что покинул и куда собирался вскоре вернуться. Перри вел машину, Лин сидел впереди рядом с ним.

Полицейский участок находился довольно далеко от «Зути Сламмер», и Перри ехал как можно быстрее. Движение было ещё не слишком оживленным. Проехав по Цветочной улице, он собирался свернуть в северные кварталы, но тут машину здорово тряхнуло, и раздался громкий треск ручного пулемёта. Машина остановилась, и Дефато мгновенно бросился на пол между сиденьями. Он услышал жалобный стон Перри, и тут же приглушенный звон разбитого стекла. Лин уже выскочил из машины и отстреливался. Двое полицейских на мотоциклах столкнулись, а водитель фургона сидел, уткнувшись носом в рулевое колесо. Он блаженно улыбался, так как пулемётной очередью ему снесло значительную





часть нижней челюсти. Дефато не шевелился; снаружи раздавались скудные пощёлкивания кольта Лина. Должно быть, это мешало захватчикам фургона, так как вновь раздалась пулемётная очередь, и Дефато услышал лязг пробиваемого железа и тупой стук пуль, пронзающих тело Перри. Он понял, что Лин ранен, так как снаружи раздался сдавленный хрип. Затем засопел мотор, хлопнули дверцы и послышался шум беспокойных голосов. Дефато отер пот со лба и выпрямился. Только сейчас он понял, что сирена продолжала завывать на протяжении всей атаки. Раздались и другие сирены: это была подмога, подошедшая слишком поздно. Дефато открыл дверцу и выскочил из машины. Дверь фургона была

открыта, а обнажённый истерзанный труп Петросяна лежал на шоссе. Детали его туалета валялись тут же на земле. Дефато удивленно поднял брови и повернулся к людям из второго звена, которые подбирали останки своих израненных товарищей. Лин ещё немного шевелился. Его рука пыталась нащарить что-то во внутреннем кармане синего мундира с золотыми пуговицами, но упала беспомощно – до самого запястья она была залита кровью. Дефато стиснул зубы.

Не теряя ни минуты, он сделал знак одной из полицейских машин и сел в неё. Некоторое время спустя он уже сидел в своем кабинете и твердым голосом отдавал распоряжения. Зазвонил внутренний телефон, и ему



сообщили о приходе Гари Килиана и Рока Бэйли.

– Проводите их ко мне.

Акт VI. ТЕЛЕФОННАЯ КАБИНА.

Из кабинета Ника Дефато мы вышли слегка поостывшими. Гари, казалось, размышлял о чём-то.

– Насколько я понял из рассказа Ника, в карманах Петросяна ничего не оказалось. Ничего интересного, во всяком случае.

– Я тоже именно об этом и подумал, – ответил я.

– Какая удача, что он тщательнейшим образом обыскал его ещё в «Зути Сламмер», – заметил Гари.

– Не уверен, что это именно удача, – сказал я. – Если они не нашли, что искали, шум, возможно, подымется ещё и не раз.

– Что ты предлагаешь?

– Вулф умер в телефонной кабине, – сказал я. – Думаю, что, если ему нужно было спрятать что-то компрометирующее, он выбрал идеальное место.

– Я не совсем понимаю, куда ты клонишь.

– Он, вероятно, ожидал нападения. Судя по скорости, с какой действует эта банда, у него при себе были

какие-то наркотики, бумаги – в общем, что-то компрометирующее, от чего надо избавиться. И только потом он дал себя прикончить, хотя я не уверен, что его убийца принадлежит к той же банде.

– Почему? – спрашивает Гари.

– У них разный почерк, – объясняю я. Он смотрит на меня с подозрением.

– Старикан, если ты пускаешься в эти дела с такими идеями, ты рискуешь очень скоро разочароваться. Мы не знаем, принадлежат ли люди, убившие Петросяна, к организации, которая тебя похитила, и не знаем, нашли они то, что искали, или нет.

– Послушай лучше вот что, – говорю я. – Петросяна отравили наркотиком. Два часа спустя с него стащили

одежду – очевидно, чтобы обыскать её. Между тем Дефато говорит, что там ничего не было. У меня на этот счет есть кое-какие мысли. Я тебе сейчас растолкую не спеша, потому что ты плохо врубаешься.

Мы стоим в коридоре перед кабинетом Ника, и Гари увлекает меня за собой.

– Пошли, – говорит он, – зайдём в бюро «Пропавшие без вести». У меня тоже есть кое-какие идеи, но давай сначала ты.

– Итак, – начинаю я, – убийца ушёл после того, как Вулф был уже мертв. А умер он от яда. Но ведь Вулф не пил в телефонной кабине. Следовательно, он выпил яд либо у стойки, либо за столиком. Потом он

пошёл позвонить и умер там в кабине без чьей-либо помощи. Стало быть, убийца не мог обыскать его.

– Неглупо, – кивает Гари.

– Затем Дефато сообщает нам, что у него ничего не было. А уж фараоны умеют обыскивать.

– Согласен, – говорит Гари.

– В-третьих, люди, которые напали на фургон, сделали это не про то так. Следовательно, они знали, что надо искать. В-четвертых, могу поставить десять против одного, что Петросян звонил именно им, чтобы передать это нечто. Когда его нашли, трубка была снята?

– Да, – отвечает Гари.

– Так. Это доказывает, что он не успел передать им, что он спрятал эту штуковину и где именно он её спрятал. Ты улавливаешь мою мысль? Понимаешь теперь почему?

– Да, – отвечает Гари. – Если бы он им успел сказать, они не стали бы потрошить его труп, а отправились бы прямо в «Сламмер».

– Молодец, – говорю я.

Гари посмотрел на меня – я был польщен этим взглядом.

– Старина, – говорит он, – ты превзошёл все мои ожидания. Додуматься до всего этого с такой шишкой на голове... Это, наверное, благодаря спорту.



- Да, именно это меня и побудило, – говорю я – Поэтому надо бы нам поторопиться в «Сламмер», пока они не пришли к аналогичному выводу.
- Это мы ещё успеем, – говорит Гари.
- Я хотел бы посмотреть кое-что в бюро «Пропавших». Это здесь, рядом... Досадно было бы уйти.
- Это вопрос нескольких минут, – отвечаю я. – Предупредим Дефато?
- Ну ладно... Постараемся всё-таки узнать, что же это такое. Придется вернуться. Бежим.
- Лифт рядом с нами. Мы входим в кабину.
- На всех парусах, – говорит Гари лифтеру, протягивая доллар, и через

несколько секунд мы внизу. Я бегу. Гари за мной.

Я спешно завожу мотор, затем быстро набираю скорость. Зелёные огни светофора сопутствуют нам на протяжении всего пути. Я останавливаюсь как раз за «Зути». Бар закрыт, поэтому я захожу через боковой вход Мне крупно повезло: Лем сидит у входа и болтает с портье.

– Лем, – говорю я. – Можно мне войти в бар? Это очень важно.

Он смотрит на меня, делает круглые глаза и протягивает ключ.

– Будьте спокойны, – поясняю я, – я только на минутку.

Мне и десяти секунд не нужно, чтобы добраться до кабины. Там страшно



темно и так воняет табаком, что мне становится дурно. Телефонный провод оборван. Я чиркаю спичкой. Смотрю за аппаратом, рискуя вывернуть шею. Там ничего нет, как я и предполагал. Так. Где же ещё ? Я приседаю. Под полочкой я нащупываю конверт, приклеенный по углам шариками жевательной резинки.

В тот самый момент, когда я отрываю его, перед входом в бар раздается скрип тормозов. Я мчусь как антилопа и выскакиваю из бара ещё быстрее, чем забежал туда. Наружная дверь с шумом распахивается в тот момент, когда я закрываю за собой другую. Я кидаю ключ Лему.

– Сматывайтесь отсюда, – говорю я ему.


На полной скорости я вылетаю на улицу. Гари заметил меня, и дверца машины, по счастью, открыта. Я бросаюсь к машине, и, словно смерч, она срывается с места. Это производит некоторый шум на улице, но, поскольку ничего не происходит, нас, скорее всего, принимают за психов. Вслед нам никто не стреляет.

– Есть, – говорю я Гари. – Это конверт.

– Ты шутишь...

Он хмурится, смотрит в боковое зеркальце, жмет на газ; машина заворачивает на полной скорости и тут же останавливается.

– Вылезай, – говорит Гари, – да пошевеливайся. Он делает то же самое со своей стороны и тут же

 останавливает такси. Мы садимся, и он дает шофёру свой адрес.

– Почему не ко мне? – спрашиваю я.

– Одно из двух, – говорит он. – Они тебя видели. Следовательно, это могут быть приятели Петросяна, и они знают, кто ты, потому что похитили тебя не случайно.

– Согласен, – киваю я, с сожалением бросая взгляд на свою машину.

– В таком случае, если мы приедем к тебе, они могут нас сцапать. Если они не знают ни тебя, ни меня, не имеет никакого значения, куда мы едем.

Я снова киваю в знак согласия и вытаскиваю из кармана конверт. Гари отрывает край.

Дети мои, если бы вы видели, что там, в этом конверте.

Акт VII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ.

Гари достает снимки один за другим и протягивает мне. Он немного бледен, челюсти его сжимаются. Он с трудом проглатывает слюну.

На четвёртом по счету он останавливается и протягивает мне всё:

– Держи-ка, – говорит он. – Я больше не могу... Я продолжаю их разглядывать. Должен признаться, для этого нужны крепкие нервы. Между нами говоря, я ожидал увидеть



обыкновенную похабщину. Но это совсем не то. Господи! Нет!.. Чтобы кто-то мог делать эти фотографии хладнокровно!

Две первые – снимки хирургической операции. По-научному это называется овариэктомией, или как там зовется удаление яичников? Но это совсем не похоже на стерильный вид операционной. Всё представлено в деталях.

Остальные... остальные ещё хуже. Я не смог бы их описать – мне никогда в голову не приходило, что человеческую плоть можно искромсать до такой степени.

Какое-то время мы не произносим ни звука. Гари, наконец, откашливается и говорит мне:

– Здесь есть за что посадить на электрический стул организатора и бросить в тюрьму изрядное количество помощников.

– Ты не думаешь, что это всего-навсего обычная хирургия? – спрашиваю я.

Он смеется в ответ, но очень невесело.

– Мне доводилось видеть снимки операций. А это... у этого есть определенное название. Это самая натуральная вивисекция. Такое обычно проделывают в научных лабораториях над обезьянами и морскими свинками, но я не могу тебе сказать, что за существо лежит на столе на двух последних фото.

– Посмотри-ка остальные, – предлагаю я.

– Благодарю, – едва шепчет Гари. – Мне и этого довольно.

Он размышляет.

– Эти снимки сделаны там, куда тебя возили сегодня ночью, – произносит он с уверенностью. – Ты говорил, что там было что-то вроде операционной?

– Да.

– Таких подпольных операционных не должно быть так уж много, – заключает он.

– Есть немало психиатрических больниц – наркологические клиники, заведения, где помогают свихнуться.

– Понимаешь, о чём я?

– Рок, – говорит он, – нужно обязательно узнать, где ты был ночью. Я уже говорил, что у меня есть идея на этот счет, и мы сейчас же проверим, насколько она верна, но у нас остается ещё один шанс.

– Какой? – интересуюсь я.


– Ты не разглядел людей, которые ворвались к Лему?

– У меня не было времени.

– Если они ничего не нашли, а мы знаем, что это так, потому что конверт в наших руках, они отправятся к тебе.

– Тем хуже для моего интерьера, – замечаю я.

– Сейчас мы поедem к тебе, и ты попытаешься их разглядеть. Есть



шанс, что среди них может оказаться тот человек, который дал тебе наркотик.

– Это была бы слишком большая удача... – говорю я.

– Вполне вероятно, – отвечает Гари, – что, если это та же банда, они предпочтут послать кого-нибудь, кто знает тебя в лицо.

Гари наклоняется и дает шофёру новые указания.

– А если они уже там, если они уже поднялись ко мне? – спрашиваю я.

Он улыбается.

– Не беспокойся, я не заставлю тебя идти за ними следом.

Акт VIII. ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ПРИЯТЕЛЯМИ.

Мы останавливаемся у моего дома. Они ещё не подъехали, так как вблизи не наблюдается ни одного автомобиля. С минуту Гари смотрит на меня странноватым взглядом.

– Скажи-ка, – произносит он, – ты помнишь, какой вывод ты сделал недавно?

– Да, – отвечаю я всё ещё с гордостью, но слегка обеспокоенный выражением его лица.

– Что, по-твоему, доказывает, что те, кто напали на Дефато, и те, что явились в «Сламмер», из одной банды?



Я на минуту задумываюсь и понимаю, что он имеет в виду. Убийца Петросяна обязательно должен принадлежать к группировке, которая соперничает с его бандой. Если те, кто пытался ограбить труп Петросяна, – его друзья, то вполне вероятно, что те, кто напали на «Сламмер», – дружки его убийцы. Да, эти два нападения могли совершить разные гангстеры. Я чешу в затылке.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – говорю я. И это звучит менее задорно.

Он качает головой и почти сразу же выходит из машины. В боковом зеркальце появляется автомобиль. Он замедляет ход, затем отъезжает. Ложная тревога. Гари наклоняется ко мне через дверцу и говорит:

– Я подожду в парадной, – он указывает на дом, возле которого мы остановились. – Если мы оба останемся в такси, это будет выглядеть подозрительным. Поэтому ты останешься здесь, чтобы опознать того типа. Если кто-нибудь придет, то это будут именно они – те, кто знают тебя в лицо. Неясно лишь одно: они за или против Петросяна.

– Иди, – говорю я. – Вон ещё одна машина. Он заходит в дом, а я краешком глаза слежу за приближающимся автомобилем. На этот раз они объезжают нас, останавливаются как раз перед моей парадной и заходят в дом.

Я не узнаю ни того, ни другого. Но, наклонившись, замечаю, что в

машине сидит ещё один, не считая шофёра. Итак, их четверо.

Как же мне увидеть лицо этого типа?

Никогда мне не приходилось так ломать голову. Наконец у меня возникает идея.

– Послушайте, – обращаюсь я к таксисту, – не хотите ли заработать пять долларов?

– Смотря что для этого нужно... – отвечает тот. Наш разговор слышать он не мог, и если даже слышал, что мы говорили, когда уже остановились, навряд ли смог что-нибудь понять.

– Слушай, старина, – говорю я, – меня интересует физиономия господина, который сидит вон в той

машине. Так вот, вы выходите, вежливо открываете дверцу и говорите ему, что у него спустила шина. Пойдет за пятерку?

– Но ведь его шина в прекрасном состоянии...


– Разумеется. Но ведь он ничего об этом не знает.

– А если посмотреть выйдет не он, а шофёр?

– Что ж, это будет неудача, – говорю я, – но не для вас. И к тому же маловероятно, что шофёр покинет свое место.

Он почёсывает голову.

– Ладно, я иду.



Он выходит из такси и открывает дверцу той машины. Это серый крайслер. По счастью, шина действительно слабовата. Он возвращается, я сижу, затаив дыхание. В этот момент Гари выходит из парадной и садится в такси, а тот, другой, выходит из машины.

Боже праведный... это он. Я забиваюсь в самый угол из боязни, что он меня узнает, и говорю таксисту.

– Поехали, отвезите нас. – Я сам не знаю куда и говорю первое, что приходит на ум, – на Голливудский бульвар.

Шофёр и в ус не дует и трогает с места.

– Посмотри же номер... – говорю я Гари, пихнув его локтем. Он оборачивается, смотрит назад и что-то записывает в книжку.

– Это был он, – говорю я.

– Хорошо, – только-то и отвечает Гари и затем обращается к шофёру:

– Скажите-ка, приятель, вы знаете, где находится «Бюро пропавших без вести»? Тогда отвезите нас туда и как можно быстрее.

Малый жмет на газ, протискивается сквозь ряд машин, словно крыса в нору, и вот мы уже здесь, второй раз за утро.

Я начинаю припоминать, что не спал всю ночь. Но Гари свеж, как только

что снесенное яичко, и его галстук-бабочка трепыхается как никогда.

Мы выходим из такси, и я даю шофёру двадцать долларов. Он и не рассчитывает на большее, но после всего ему не так уж необходимо знать, что он рисковал шкурой.

– Знаешь, – говорит мне Гари, пока мы поднимаемся на десятый этаж, – похоже, эти типы – изрядные смельчаки. Вся полиция Лос-Анджелеса сидит у них на хвосте, а они продолжают циркулировать по городу как ни в чём не бывало.

– Именно это и заставляет меня думать о двух разных бандах, – продолжает Гари. – Одним и тем же не хватило бы скорости повернуть все эти операции в одно утро.

– Как бы то ни было, – говорю я угрюмо, – представляю, в каком состоянии я обнаружу свои пожитки.

– В некотором беспорядке, пожалуй, – ухмыляется каналья Гари.

Я прохожу за ним в Бюро. Преклонных лет мужчина в форме рассматривает досье.

– Здравствуй, Мак, – говорит Гари.

– Здравствуй, Килиан, – отвечает тот.

– Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы посмотреть фотографии девиц, которые исчезли из Лос-Анджелеса и окрестностей за последнее время, – говорит Гари.

Мак поднимается и вытаскивает верхний ящик картотеки.

– Вот, до прошлой недели, – говорит он. – Но с тех пор нет ничего интересного. Посмотрите сами, они стоят по порядку. Есть также другая классификация, по алфавиту, если желаете.

– Нет, это то, что нужно, – отвечает Гари. – Иди-ка сюда, Рок.

Мы внимательно просматриваем шесть первых фотографий. На седьмой я сжимаю Гари за локоть.

– Послушай, – говорю я, – очень уж быстро ты это делаешь. Пожалей меня, а то при таком темпе я сойду с

ума раньше, чем у меня вырастут зубы мудрости.

Так как девица, мило улыбающаяся с фотографии, вне всяких споров – та самая красotka, что предлагала мне не совсем приличные вещи сегодня ночью.

Да, это она, у меня нет и тени сомнения. Я узнал её белокурые волосы, хорошо очерченные губы, прямой тонкий нос, большие голубые глаза. Я знаю, что они голубые, потому что видел их так же близко, как сейчас – глаза Гари, которые вопросительно смотрят на меня.

– Это она, – говорю я ему просто.

– Да, старина, тяжелый ты человек, – отвечает он, ничуть не удивившись и

восхищенно глядя на смазливое личико этой первоклассной красотки.

– Кто она? – спрашиваю я. Он поворачивает фото и читает:

– Беренис Хэйвен, 19 лет. Исчезла шесть дней назад.

– Её родители полагают, что она сбежала, – объясняет нам сотрудник бюро. – Она пошла на танцы и не вернулась. У нас есть ещё одна, пропавшая на этой неделе при точно таких же обстоятельствах, – он указывает на четвертую фотографию в стопке.

– Цинтия Спотлайт, дочь коммодора (1) У. Спотлайта. Тоже прехорошенькая. Пошла встретиться с друзьями в ночной бар.

– Но ведь газеты, – говорю я, – не упоминали ни о той, ни о другой, тогда как вот фотографии Филлис Барни и Лесли Дэниел, о которых писали в местных ведомостях. Как же так?

– Это сделано нарочно, по просьбе родителей. Можешь быть уверен, что мистер Хэйвен и коммодор Спотлайт – люди весьма состоятельные и заплатили крупную сумму, чтобы избежать скандала.

– Но ведь это глупо, – возражаю я. – А если их похитили?

– В любом случае полиция их разыскивает, – отвечает мне чиновник бюро.

Я жду, пока Гари записывает ещё какие-то сведения, и мы выходим.

– Понимаешь, – говорит Гари, – для родителей опасно кричать на каждом шагу, что их дочери сбежали, если они рассчитывают найти им партию в приличном обществе.

– Хорошо, – говорю я. – Что мы будем делать теперь? Не лучше ли было выследить того гнусного негодяя, который заставил меня курить отравленное сено?

– Этого только не хватало! – говорит Гари. – Если ты мечтаешь очутиться в канаве с полным ртом одуванчиков, именно так и следует поступить. Нет, старик, я не собираюсь разыгрывать из себя детектива таким образом. А сейчас иди-ка пообедай, ты, должно быть, голоден. А затем мы встретимся в два часа у меня в бюро, в «Колл». Я

же постараюсь узнать, кому принадлежит машина.

– Номер, конечно же, поддельный, – говорю я.

– Не думаю, – отвечает Гари. – Они совершают слишком много глупостей, чтобы подделывать номера на всех машинах. Есть куда более надежный способ водить полицию за нос.

– Какой?

– Иметь настоящие номера и быть важным господином, – говорит он. – Будь спокоен. Информация, которую мы понемногу выудим отовсюду, выведет нас, быть может, на сенатора или даже губернатора, но явно не на какого-нибудь мистера Смита или Брауна.

– Это ещё нужно проверить, – парирую я. – У меня лично впечатление, что лучше было бы поехать за ними.

– Не бойся, – говорит Гари. – Даже если я ошибаюсь, мы ещё будем с ними встречаться, и гораздо чаще, чем нам бы хотелось... Не забывай одну простую вещь.

– Какую? – спрашиваю я.

– Фотографии-то в наших руках!

Боже мой, он прав, чудовище. Я чувствую, как у меня холодеет спина.

– Что мне с ними делать? – спрашиваю я.

– Положи их в двойной конверт и отправь по адресу, который я тебе дам.

Он что-то царапает в записной книжке, вырывает листок и протягивает мне.

– Но главное... – продолжает он, – не ходи домой. Пообедай где хочешь Пока, Рок.

– Будь здоров, – отвечаю я.

Я знаю, что я сейчас сделаю. Я беру такси. Я еду за своей машиной, которая стоит в целости и сохранности. Я забираюсь в неё и мчусь к Дугласу Тфраку. По дороге останавливаюсь у почты, отправляю письмо и затем захожу к нему. Час дня.

Он преспокойно дрыхнет.



Если вы никогда не были у Дугласа, то вы и представления не имеете, что такое беспорядок. Он живет в отеле на площади Пуансеттия, на примерно одинаковом расстоянии от всех студий Голливуда, что позволяет ему очень поздно вставать и тратить минимум времени на писанину своих идиотских статей. Пуансеттия – это между клубом «Уилшир» и стадионом «Гилмор» – уголок ничем не беспокойнее остальной части этого чёртова города. Добраться сюда вы можете, если свернете со 2-й улицы на бульвар Беверли. Что же до Дугласа, то я застаю его в постели. Он лежит, скорчившись в три погибели, при этом его рука зажата

между правой щиколоткой и левым коленом, что, видимо, навевает весьма впечатляющие сны. На улице невероятно жарко, и, несмотря на открытое настежь окно, трудно представить, что поблизости океан.

Полагая, что Дуглас уже достаточно выспался, я иду в ванну и набираю стакан воды. Поскольку я человек беззлобный, ограничиваюсь водой из-под крана, а не из холодильника; затем я возвращаюсь, чтобы вылить эту воду ему на голову, ничуть не сомневаясь в правильности своего поступка. Он делает чудовищную гримасу и просыпается, производя невероятно много шума.

– В этом виски слишком много воды,
– бормочет он и наконец замечает меня. – Ах, это ты, грязная скотина!



– Почему ты на меня сердишься, Дуглас? – спрашиваю я – Я ведь мог вылить тебе всё это в другое место, пониже.

– Бесполезно, – бормочет он. – Ты можешь мне поверить, я испробовал всё, в том числе и холодную воду. Который час?

– Я приглашаю тебя позавтракать, – говорю я.

– Хорошо. – хрипит он. – Я бы съел бифштекс с луком и яблочный пирог.

Хочу вам признаться, зачем я пришёл к Дугласу. Может быть, вы уже догадались.

– Послушай-ка, – говорю я небрежно, – нам вдвоем пожалуй что будет

скучно. Что, если ты звякнешь Санди Лав?

Он смотрит на меня.

– За кого ты меня принимаешь? – говорит он. – За торговца человеческой плотью? Я не позволю этому невиннейшему созданию служить твоим развратным инстинктам.

Тем не менее, он берет аппарат и набирает номер; четверть часа спустя мы все трое встречаемся в просторном кафе.

Дуглас ест свой бифштекс, а я обращаюсь к яичнице – чувство у меня такое, будто я не принимал пищи уже года полтора.

Санди Лав просто восхитительна, она тут же меня атакует.

– Почему это вы так быстро убежали вчера вечером?

– Во-первых, не вчера вечером, а сегодня утром. У меня была срочная встреча.

Она недоверчиво смотрит на мою голову. Я совсем забыл, что шишка всё ещё там.

– На вашем месте, – говорит она, – я бы так не торопилась. Это опасно.

– Это же скандалист, – уверяет Дуглас. – Рок всегда был скандалистом и навсегда им останется. Поверьте мне, любовь моя...

С полным ртом жареного лука он нежно склоняется к Санди Лав, но та отталкивает его.

– Не думайте, что меня может соблазнить этот ужасный луковый запах, – говорит она. – Я предпочитаю «Шанель».

Дугласа не так-то просто смутить. Он поглощает бифштекс с заразительным удовольствием, и я едва успеваю обогнать его с яичницей.

Я смотрю на Санди Лав, она смотрит на меня; в атмосфере, бесспорно, происходят какие-то изменения, так как столкновение наших взглядов вызывает заметное повышение температуры. Я роняю на пол бумажную салфетку и, наклонившись за ней, убеждаюсь, что под столом



можно увидеть много любопытных вещей, в особенности когда их вам хотят показать, и что на Санди Лав нет ничего такого, что помешало бы ей широко расставить ноги или поиграть в классики.

– Я не скандалист, – говорю я. – Мне пришлось покинуть вас, но против своей воли. Приношу вам искренние извинения. Как вы можете заметить, – тут я указываю на свою голову, – я шёл не для того, чтобы поразвлечься на стороне.

Санди Лав улыбается, и я вижу, что она совсем на меня не сердится, и это побуждает меня заказать двойную порцию бифштекса со шпинатом. Пока официант записывает заказ, я оглядываюсь по сторонам, и в то время как я поворачиваю голову

направо, кто-то хлопает меня по левому плечу. Я поворачиваюсь так резко, будто меня ужалила гремучая змея. Но это всего лишь другой официант.

– Вас спрашивает какая-то дама, – говорит он.

– Где она? – спрашиваю я, не шелохнувшись.

– Вон там.

Он указывает мне на стоящую в дверях высокую худощавую девицу.

– Что ей от меня нужно?

– У неё к вам личное дело, если не ошибаюсь, – отвечает официант и уходит.





– Готово дело: ещё одна несчастная, не так ли? Бедное мое дитя, – продолжает Дуглас, повернувшись к Санди Лав, – судя по всему, вам придется ещё раз удовольствоваться моей компанией.

Я поднимаюсь. Снимаю свою руку с бедра Санди Лав, но она пытается удержать меня: вероятно, массаж, которому она подверглась, ей настоятельно рекомендовали врачи.

– Не бойтесь, – говорю я. – Я вернусь.

Я предстаю перед незнакомкой, и она начинает довольно быстро говорить. Она не очень симпатична, у неё крупный рот и большие неприятные глаза.

– Фотографии у вас? – спрашивает она.

– Какие фотографии?

– Вы прекрасно знаете. Я хочу сказать вам следующее: или вы отдаете нам фотографии, или же мы сами найдем способ их получить. Вы знаете, к чему это привело Петросяна.

– Вас, во всяком случае, это привело не так далеко: вы всё ещё не нашли их.

Это не рассмешило её. Она смотрит мне прямо в лицо. Вид у неё слегка разочарованный.

– Мне жаль вас, – произносит она, – вы были очень красивым молодым человеком.





Поверьте, когда речь заходит обо мне, из всех времен я больше всего ненавижу прошедшее.

– Мне бы хотелось остаться тем, кто я есть, ещё на какое-то время, – отвечаю я уверенно.

Лицо её озаряется совершенно ледяной улыбкой, точно я – ребенок, сморозивший глупость Я хватаю её за руку. Вид у меня самый что ни на есть невинный, но когда захочу, я могу причинить боль.

– Вы ведь не откажетесь посидеть с нами. У меня очаровательные друзья, которым я хотел бы вас представить.

Она сопротивляется, пытается высвободиться, но всё напрасно: мой кулак в два раза больше, чем её. Я подтаскиваю её к столику, и она

нехотя садится между мной и Дугласом.

– Я хочу представить вам Дугласа Тфрака и Санди Лав, – говорю я, вопросительно глядя на неё.

– Цинтия Спотлайт, – говорит она.

Я с трудом глотаю слюну, чуть не задохнувшись при этом. Только её не хватало... Полный набор.

– Как поживаете? – машинально спрашивает Дуглас.

– Что вам заказать, Цинтия? – выговариваю я с трудом.

– Послушайте, Рок, я действительно очень, очень тороплюсь, – говорит она. – Меня ждут.



Если я буду настаивать, она, очевидно, устроит скандал, а я не могу упустить такой шанс и позволить ей улизнуть.

– Ладно... не буду вас задерживать, – говорю я по возможности самым непринужденным тоном. – Я даже подвезу вас. Пошли.

Я ставлю на карту всё. Я поднимаюсь, она за мной, я снова хватаю её за руку и тащу к своей машине, вскипая при этом от одной только мысли о моем бифштексе со шпинатом. Но ещё больше меня бесит то, о чём только что сказала эта идиотка, пытающаяся выдать себя за Цинтию Спотлайт.

Какая-то машина стоит прямо перед моей, а сидящий в ней громила смотрит на меня, пожалуй, слишком

уж пристально; при этом он курит как ни в чём не бывало. Другая машина стоит позади моей, и другой малый, чернявый, с красной рожей, сидит за рулем и смотрит на меня ещё пристальней, чем первый. Почему это они так на меня уставились? Я чувствую, что начинаю нервничать. Заталкиваю так называемую Цинтию в машину, захлопываю за ней дверцу и стремительно усаживаюсь на свое место. Если они поедут за мной, тем хуже для них: я знаю, что делать. При этом я всё больше и больше выхожу из себя, потому что вдобавок к моему бифштексу со шпинатом и тому, что она сказала, я думаю о Санди Лав, которую мне пришлось покинуть из-за этой дряни.





– Вас до такой степени забавляет возможность получить заряд свинца в баш.

Я обрываю её на полуслове, с невероятным шумом трогая с места, стараясь при этом понять, следуют за мной или нет. На бешеной скорости я мчусь к ближайшему полицейскому участку и останавливаюсь точно перед входом.

– Если у ваших друзей не пропало желание меня достать, пусть подъезжают. А мы тем временем немного поболтаем. Откуда вы и как вас зовут на самом деле?

– Не ваше дело, – бросает она. – Отдайте фотографии, и вам ничего не сделают. В противном случае вы составите компанию Петросяну на

холодных плитках морга Лос-Анджелеса. Это всё, что я могу вам сказать, и больше вы ничего от меня не услышите. Я упряма и плохо воспитана, к тому же у меня искусственные груди.

Я смотрю на неё сбоку и вынужден признать, что эта девица так просто на уступки не пойдет. Вид у неё довольно аппетитный: большой рот и огромные карие глаза.

– Что я вам сделал, сестричка? – спрашиваю я. – Вам будет очень приятно, если со мной случится несчастье? Неужели вы такая злюка?

Она смеется, и смех у неё вульгарный. Тем хуже, но груди всё же настоящие.





– Не пудрите мне мозги, – хохочет она.

– А что, если я приглашу вас в кино?
– интересуюсь я.

– Об этом не может быть и речи. – шепчет она.

– Я очень сердит на вас, – говорю я,
– но, кажется, уже почти простил. Вы довольны своей работой?

– Мне за это платят.

– Верно, но недостаточно. И потом, вы имеете право на отпуск. Не хотите провести его со мной? В качестве, так сказать, отгула.

– Ох! – говорит она. – Какой же вы приставучий!

Первый раз в жизни я пускаю в ход все свои чары и растрачиваю их понапрасну. Дорого бы я заплатил, чтобы иметь физиономию Мики Руни. Если учесть мое обычное везение, можно подумать, что эта девица предпочитает уродов. Я снова завожу мотор, так как для того, что я собираюсь сделать, можно отъехать от полиции.

Через четверть часа я, не глядя на неё, спрашиваю:

– Куда вы дели Цинтию?

Она молчит. Я приготавливаюсь. Подходящее место найдено – зелень, мало народу. Я сворачиваю в переулок и торможу. Мгновенно я зажимаю девушке рот, а другой рукой хватаю её за шею. Она начинает





брыкаться, и я чуть не кричу от боли, когда её острые каблучки втыкаются в мои щиколотки. Всё же я держусь стойко, и мало-помалу она успокаивается, оттого что начинает задышаться. В этот момент я ослабляю объятия и слегка стучаю её по голове. Она выпускает сумочку из рук и затихает. Сумочку я поднимаю. Придется обыскать, ничего не попишешь. Это не очень-то радостное занятие, но что делать. На девице ничегошеньки нет. Ничего в буквальном смысле. От этого у меня по затылку разливается тепло, что, в свою очередь, побуждает меня произвести некоторые изыскания: имею же я в конце концов право знать, как устроено женское тело; случай самый что ни на есть удобный, так как эта представительница

прекрасного пола подает не больше признаков жизни, чем свинцовая болванка. Моя левая рука скользит вдоль её ноги, бедра – я инстинктивно отыскиваю участок, где кожа теплее и нежнее. Для очистки совести произвожу слишком тщательное исследование, и девица сладко вздыхает. Когда меня бьют по башке, это не доставляет мне удовольствия, но женщины всё же редкостные существа. Тут я останавливаюсь, в свою очередь сладко вздохнув, и убираю руку чуть выше. В бюстгальтере потайного кармана нет. Он и без того неплохо наполнен, причём всё это ни в какое сравнение не идет с каучуком, который они накладывают, чтобы походить на Колетт Годар. Ай! Я слишком силен, чтобы



манипулировать с таким хрупким предметом, и ломаю застежку этого самого бюстгальтера – на этот раз она уж точно будет мной недовольна. Я прекращаю свои поползновения и быстро выскакиваю из машины – если остаться там ещё на пять минут, я за себя не отвечаю.

Я открываю дверцу, выволакиваю девицу и усаживаю её на панель, прислонив к стене ближайшего дома. Она по-прежнему ничего не соображает.


Я сажусь обратно и сматываюсь на дикой скорости. Сборный пункт – редакция «Колл».

Как же это вышло, недоумеваю я, что за мной никто не гонится? Хоть бы вернулся Гари. По дороге я с

подозрением поглядываю на сумочку, лежащую подле меня. Она совсем новенькая. Довольно большая. Битком набитая чем-то. Как мне хочется заглянуть внутрь! Не говоря уже о том, что мне не следовало оставлять её в своей машине. Это может быть опасным.

Теперь, когда всё позади, я испытываю такой ужас, что торможу около редакции уже полумертвый от страха. Скверный из меня получается сыщик: чуть было не потерял невинность.

Акт XI. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ.



Я мчусь к ближайшему лифту. Он уходит у меня из-под носа. Я захожу в соседний. Лифтер тотчас же понимает, что дело спешное.

– Шестой, – говорю я, – редакция «Колл».

– О'кей, – отвечает он с улыбкой.

Чтобы не остаться в долгу, я протягиваю ему доллар и сигарету, которые он кладет себе в боковой карман. Мы поднимаемся на полном ходу и чуть было не пропускаем нужный этаж. Я уже готов опрометью броситься по коридору, но кто-то хватает меня за руку. Я резко поворачиваюсь и узнаю Гари. Это он увел у меня из-под носа лифт.

– Я тебя обогнал, – говорит он, – идем скорее ко мне в кабинет.

Сумка так называемой Цинтии чертовски оттопыривает мою куртку, и я очень хотел бы поскорее от неё избавиться.

– Как дела? – спрашивает Гари. – Что новенького?

Вид у него не менее возбуждённый, чем у меня. Всё это очень напоминает мне время, когда я играл с приятелями в прятки. С тех пор прошло двенадцать лет.

Мы входим в его собственный кабинет – везет же некоторым. Я не очень хорошо представляю себе, что именно он делает в своей редакции – должно быть, готовит несколько бульварных листков сразу, что и позволяет ему так роскошно уединяться.





– У меня тут есть кое-что, – сообщаю я, как только за нами закрывается дверь, и кладу сумочку на стол. Гари смотрит на неё, выпучив глаза. На его загорелой физиономии написано самое откровенное недоумение.

– Что это? – спрашивает он. – Ты грабишь женщин на улицах?

Я наношу решительный удар.

– Это самая что ни на есть подлинная сумка особы, которая выдает себя за Цинтию Спотлайт.

Он зажмуривает глаза.

– Да, ты убил меня наповал. Валяй, рассказывай. Я описываю ему свои приключения. Вид у него при этом не такой уж сердитый.

– Ты уверен, что за тобой не следили?

– Я уверен в обратном, – говорю я. – Их было даже двое. Не менее двоих, по крайней мере.

– Ладно... – заключает он. – Это мы ещё обсудим. И что там внутри?

– Не знаю, – говорю я. – Ещё не смотрел.

На этот раз его взгляд выражает нечто вроде восхищения, и я чувствую себя приятно польщенным.

– Как это тебе удалось удержаться? – восклицает он, хватаясь за сумку. – Я-то решил, что ты ничего не рассказываешь, потому что там нет ничего интересного.



Он открывает сумочку и вытряхивает содержимое на письменный стол. Сыплются различные предметы дамского обихода: пудреница, тюбик губной помады, зажигалка, затем сигареты, фотографии, два конверта. Гари тут же набрасывается на бумаги.

На первом конверте стоит имя: Кора Лезерфорд – и адрес, где-то у чёрта на куличках, в южной Пасадене. Сам конверт пуст. Следующий конверт абсолютно чист и содержит, по-видимому, фотографии 9 x 12. Мне сразу приходит в голову мысль, что это те же самые, что были в телефонной кабине. Такое же впечатление, похоже, создается и у Гари, потому что он протягивает конверт мне.

Прежде чем открыть его, я бегло просматриваю остальные предметы и фотографии. Это любительские снимки, на которых я без труда узнаю знакомую мне большеротую девицу – сначала в одиночестве, затем рядом с высоким здоровяком. Это Вулф Петросян, покойный Вулф Петросян.

Я смотрю на оборот, там три слова – Коре от Вулфа.

Это она. Я объясняю Гари.

– Прекрасно, – говорит он. – Вот почему твои чары на неё не подействовали. Она всё ещё находится под впечатлением трагической потери.

– Подумаешь, – говорю я самодовольно. – За два дня она бы раскололась как миленькая.

16
1 – Что же ты не вскроешь конверт? – спрашивает он.

– Определенно, это другие, – говорю я. – Ведь те, что у меня, она хотела получить обратно.

– Но ведь она хотела их забрать, чтобы уничтожить. Хотя я тоже не думаю, что это те же самые.

– Лучше всего будет посмотреть, – говорю я и неуверенно вскрываю конверт. И тут же облегченно вздыхаю. Но ненадолго. На первой фотографии – Беренис Хэйвен.

Вторая – несомненно Цинтия Спотлайт. Настоящая! – Та, что исчезла. На третьей – незнакомая нам особа. Гари берет у меня фотографии и смотрит обратную сторону. Там написаны имена. Это действительно

они. Третья, таким образом, некая Мэри Джексон. Я подвожу итог как для Гари, так и для себя.

– Так обстоят дела, – говорю я. – Во-первых, некто Х накачивает меня наркотиками, затем неизвестные похищают меня, чтобы случить с некой Беренис Хэйвен, исчезнувшей незадолго до этого. Не добившись результата, они прибегают к помощи электрических средств, тем самым восполняя мое непосредственное участие в этом грязном деле.

Во-вторых, дружок субъекта Х по имени Вулф Петросян найден мертвым в телефонной кабине, в двух шагах от того места, откуда я был похищен, причём ему удастся спрятать в этой самой кабине настолько ужасные фотографии, что

меня до сих пор тошнит, так же как и, наверное, тебя.

В-третьих, банда А пытается снова завладеть этими фотографиями, убивает при этом нескольких полицейских, так и не достигнув цели. Та же самая банда, или же банда Б, делает вторую попытку заполучить фотографии в телефонной кабине, а затем у меня дома; последнее обстоятельство может служить доказательством того, что на самом деле существуют две банды, одна из которых меня знает, это банда субъекта Х.

В-четвертых, мы знаем, что ещё одна женщина исчезла: Цинтия Спотлайт. А третья тоже должна исчезнуть, если это уже не произошло.

Гари перебывает меня.

– Всё это чудесно, – говорит он, – но мы знаем также и то, что люди, которые занимаются похищением девиц, не ограничиваются только тем, что случают их с мужиками. Есть фотографии. Известно к тому же, что машина, стоявшая сегодня возле твоего дома, была с фальшивыми номерами.

– Это то, что ты узнал со своей стороны? – спрашиваю я.

– Да, – заключает Гари.

– Но я же тебе говорил это ещё раньше...

– Старик, – говорит Гари, – у нас по горло работы. Было бы слишком шикарно, если бы мы разобрались во всем сразу. Сегодня утром нам определенно повезло, теперь надо браться за дело... Клянусь тебе, мы уже сейчас кое-что сумеем.

Я снова возвращаюсь к мысли о Санди Лав и, по смежной ассоциации, к двойному бифштексу со шпинатом.

– Из-за всей этой возни, – говорю я, – я не успел пообедать, да вдобавок упустил возможность пофлиртовать.

– Чёрт подери, – вскакивает Гари, – ты ведь хотел остаться целомудренным!

– Теперь, когда мне приходится играть в сыщика и я каждую минуту могу откинуть копыта, – говорю я, – мне начинает казаться, что было бы чертовски глупо не воспользоваться тем временем, которое мне отпущено.

– Что поделаешь, свиненыш, тебе придется подождать, – говорит Гари – А теперь, чтобы не скучать понапрасну, давай-ка позвоним Дефато.

Я набираю номер, Гари ждет. Я снимаю вторую трубку и слушаю вместе с ним. После нескольких секунд ожидания нас соединяют.

– Что новенького? – спрашивает Гари. – Я вас предупреждал, что мы серьезно взялись за дело.

6
4 – Бросьте ваши шуточки, – отвечает Дефато полусерьезно, полунасмешливо. – Полиция сама во всем разберется.

Это, несомненно, хороший друг Гари, так как он тотчас же продолжает.

– Новости для вас, Килиан. Только что привезли двух малых, продырявленных пулями, словно решето, но всё-таки живых. Один из них – Дерек Петросян, брат Вулфа. Второй не назвался и не сказал ничего такого, что позволило бы установить его личность, кроме того разве, что у его чёрного нэша фальшивый номер. Петросян признался, что ему обещали заплатить за то, чтобы он следил за здоровенным блондином, который ехал в Эль-Гато с девицей и

приятелем-уродом. Похоже, они оба выслеживали одного и того же типа и помчались на красный свет; естественно, второй врезался в первого, а поскольку они слегка нервничали, то немного постреляли друг в друга. Думаю, оба уцелеют. Во всяком случае, раны их довольно чувствительны к прикосновениям, так что, правильно взявшись за дело, мы заставим их рассказать нам много любопытного. Но я совершенно не понимаю, с какой стати всё это вам докладываю.

Гари хихикает.

– Я тоже не понимаю. Спасибо, Ник, я не останусь в долгу.

– Пока, – говорит Ник и вешает трубку.

9 – Отличный парень! – замечает Гари.

5 – Теперь ты понимаешь, почему на этот раз они оставили тебя в покое? Те двое, что ехали за тобой, расправились друг с другом без посторонней помощи.

– Не нравятся мне их повадки, – говорю я. – Слишком уж резво они хватаются за пушку. Что ты сделал Дефато, что он выдает тебе все секреты?

– Это тоже секрет, – отвечает Гари. – А сейчас – Сейчас я иду обедать.

– Считай, что ты уже пообедал, – говорит Гари. – Сейчас мы позвоним Мэри Джексон. Дай-ка мне телефонный справочник.

Я открываю справочник. Помилуйте! Только в самом Лос-Анджелесе целая

страница посвящена фамилии Джексон.

– Ну и ну, – вздыхаю я. – Если мы начнем обзванивать всех, то это займет у нас полдня.

– Да нет же, – возражает он. – Сначала нужно исключить все служебные телефоны.

И он тотчас отмечает галочками номера, по которым нам придется звонить. Затем он подхватывает аппарат и, удобно устроившись в кресле, берется за работу. Прodelывает он это мастерски – то представляется страховым агентом, то приятелем Мэри и т. п.

Всё это время я сижу, погрузившись в мечты. Я снова представляю себе Кору Лезерфорд в машине, рядом со

мной, и теперь мне кажется, что, попадись она мне в руки сейчас, я бы действовал несколько иначе. Всё-таки неприятно, что всякий раз, оказавшись рядом с девушкой, я начинаю дрейфить, а мои мысли о девственности подступают прямо к горлу, лишая меня всякой возможности проявить активность. Улочка, на которой я оставил Кору, была довольно тихой... вокруг домики с крохотными комнатками и толстыми коврами... на ковре, должно быть, очень недурно... чёрт...

Создается впечатление, что я начинаю пересматривать свои взгляды на жизнь, вырисовывается нечто совсем противоположное тому, что я представлял себе не далее как вчера. Взять хотя бы такую деталь:

сегодня я не делал гимнастику и мне на это совершенно наплевать – я бы предпочел взамен несколько расслабляющих упражнений с этой желтоглазой девицей. С ней или с Санди Лав... или Беренис Хэйвен – хотя эту лучше не вспоминать, ибо она предстала передо мной в виде, весьма неблагоприятном для моего кровяного давления.

Гари, похоже, кое-что поймал – я не слушал, о чём он говорил, а теперь, снова обратив на него внимание, услышал, что он с большим воодушевлением рассказывает о Коре Лезерфорд, выдавая себя за её приятеля. Он возбуждается всё больше и больше, но вдруг резко бросает трубку, и я понимаю, что он просто попал на какого-то шутника.

– Это невыносимо. Мы истратим весь день, ты был прав.

– А если бы мы решили нанести им всем визиты, нам бы, наверное, понадобился целый месяц.

Он пожимает плечами.

– Последняя сказала мне, что она была невесткой президента Трумэна, представляешь?

– Возможно, так и есть, – говорю я.

– Ну да... после того, что она при этом добавила... Невестка Трумэна явно воспитана лучше. Ты не сменишь меня ненадолго?

– О нет, – говорю я. – Ты хотел поиграть в фараонов, так продолжай сам. Я охотно бы выступил в роли соблазнителя, но не таким манером.

– Да, это у тебя получается неплохо.

– Усмехается Гари в бороду и снова берется за аппарат.

После ещё двух неудачных попыток он звонит в бар издательства, чтобы нам принесли что-нибудь выпить и поесть, отчего мой моральный дух поднимается сразу на два с половиной пункта.

И дьявольская игра продолжается.

Акт XIII. ЭНДИИ МАЙК ВСТУПАЮТ В ИГРУ.

Всё же через два часа Гари держит перед собой список абонентов по фамилии Джексон, состоящий всего из пяти человек. Я тем временем

6 успел изрядно подкрепиться и теперь
8 чувствую себя намного лучше. Я беру
список и быстренько набрасываю
план наших передвижений, так как
пять оставшихся девиц живут в
разных районах города.

Через двадцать минут мы уже мчимся
в машине. Я не очень надеюсь на
успех, но чем чёрт не шутит – в конце
концов, у нашей Мэри, вероятно, есть
телефон, и Гари не такой уж идиот,
каким кажется на первый взгляд.

Вычеркиваем первых двух.

Подъезжаем к дому, где на третьем
этаже живет ещё одна Мэри Джексон,
поднимаемся. Я следую за Гари:
вдвоем не так грустно.

Звонок. Через минуту дверь
открывается, я смотрю на Гари, он
быстро отводит глаза.

– Мисс Мэри Джексон? – спрашивает
он с самой что ни на есть изящной
улыбкой.

У стоящей перед нами дамочки рыжие
волосы и восхитительная заячья губа,
из чего следует, что она улыбается
нам, выставив все свои зубы напоказ.

– Это я, – говорит она.

Я не знаю, что находит на Гари.

– Ну! А это не мы!.. – отвечает он
вежливо.

Я уже в самом низу лестницы,
опережаю его на семь ступенек, но
ругательства, которыми нас осыпают
сверху, превосходно слышны и здесь.



66 Слегка обескураженный, я сажусь в машину. Нам остаются две Мэри Джексон: на Фугьера-Террас и Мэплвуд авеню. Сперва я еду по второму адресу, так как Фугьера, как я только что с трудом разобрал на карте, у чёрта на куличках. Итак, в путь, на Мэплвуд.

На означенном месте высится шикарный дом. Операция продолжается: едва успев захлопнуть дверцу, я застываю на месте, схватив Гари за руку. В десяти метрах от меня проходит Кора Лезерфорд и заходит в дом. Перед моей машиной стоит её двухместный светло-голубой додж.

– Стой здесь. – Говорю я Гари. – Это она.

– Куда ты? – недоумевает он.

– Не стоит сейчас идти за ней следом.

– Как это, идти за ней?

– Послушай, – поясняю я. – Она сейчас вернется. Она приехала за Мэри Джексон...

– Кто?!

– Да Кора же, – говорю я, – женщина, у которой я взял сумку. Она только что вошла в дом. Мы наверняка напали на след Мэри Джексон. Я пойду позвоню Энди Сигмену.

– Объясни же толком, Рок, сделай милость, – просит Гари. – Мне кажется, после того удара у тебя не всё в порядке с головой.

– Послушай, Гари, – говорю я. – Ты помнишь, как человек по имени Энди Сигмен подобрал меня по дороге в

Сан-Пинто? Он предложил мне свои услуги на крайний случай. Я ему доверяю и хочу позвонить, потому что утренняя история не внушает мне доверия. Нужно иметь некоторое подкрепление. Не знаю, куда нам придется ехать, но эти милые озорники, что делают операции, которые мы видели на снимках, несомненно, будут очень рады нашему визиту.

– Ты думаешь, она отвезет девицу туда, куда отвозили тебя? – спрашивает Гари.

– Мне это кажется совершенно очевидным, – отвечаю я. – Так что я предпочитаю последовать за ними в более обширной компании.

– Занятный из тебя получится сыщик, – Гари качает головой. – Не слишком остроумно впутывать в дело посторонних.

– У меня нет желания быть остроумным. Просто мне не хочется встречаться с девицами тет-а-тет, у меня развиваются комплексы.

– Как хочешь, – кивает Гари, – в конце концов, дело твое.

Весь этот разговор происходит очень быстро, и вот я уже в телефонной кабине – набираю номер Энди Сигмена.

Я застаю его, он, кажется, в хорошем настроении... и тотчас же узнает меня.

– Вы мне нужны, – говорю я. – Вместе с такси. Но нужно, чтобы с вами был верный человек. Вы меня понимаете?

– Думаю, что да, – отвечает он. – У меня есть подходящий человек. Мой племянник. Он славный парень, не болтливый и здоровый как бык. Служил в морской пехоте.

– Его имя?

– Майк Бокански. Я за него отвечаю, как за себя.

– Идет, – говорю я. – Быстро подъезжайте. Вы знаете, где Мэплвуд авеню? Остановитесь у дома номер 230.

– Через десять минут я буду на месте,
– голос его дрожит от возбуждения.

– Гоните что есть духу, она может уехать в любой момент.

Он не требует от меня разъяснений и вешает трубку.

Через восемь минут он уже на месте, и, к счастью, Кора ещё не вышла из дома. Я встречаю его, пожимаю руку.

Сзади в машине Энди сидит симпатичный парень, крепкий, загорелый, с энергичными чертами лица и довольно пронизательным взглядом, слегка неожиданным для его бесстрастной физиономии.

– Майк, – представляет Энди, – мой племянник.

– Здравствуйте, – говорит Майк.

– Так вот, – говорю я, – вы поедете с нами. Всё очень просто: двигайтесь

за нашей машиной сразу, как только я тронусь с места. Не слишком близко, но так, чтобы не потерять нас из виду.

– Идет, – говорит Энди. – Мы согласны. Майк Бокански хлопает по спине кого-то, кого я не сразу заметил. Это огромный пес, великолепный образчик диких боксеров, сидящий с не менее невозмутимым видом, чем его хозяин.

– Это Нуну, – говорит Майк Бокански, указывая на собаку, морда которой расплывается в чарующей улыбке.

– Всё пойдет как по маслу, – говорю я. – Даже если вы нас упустите, он отыщет нас в два счета.

– Будьте спокойны! – заверяет Майк.

И снова отвечает своему псу ласковый тумак, способный свалить лошадь, от которого тот явно приходит в восторг. Я покидаю их и возвращаюсь в машину, где меня ждет Гари. Смотри-ка, он спит. Я стараюсь не разбудить его и сажусь рядом.

Акт XIV. ОРГИЯ В МОЕМ СТИЛЕ.

Я жду. Он ждёт. Они ждут. Все ждут.

Не знаю, задремал я или нет, но вдруг я подпрыгиваю на месте, заметив, что дверца голубой двухместки открывается. Я узнаю платье Кору. Она садится в машину, за ней молодая женщина в сером

костюме, высокая и стройная, с целой копной белокурых волос, выбивающихся из-под восхитительной шляпки (впрочем, так ли уж она восхитительна? Возможно, я ничего не смыслю в женских шляпках). Я тихонько трогаюсь с места. Двухместный додж уже едет в ста метрах перед нами, а в боковое зеркальце я вижу, как отъезжает такси Энди Сигмена. Хоть как-то обезопасился.

Кажется, Гари просыпается.

– Что происходит? – спрашивает он. – Мы что, уже в море?

– Нет ещё, – отвечаю я. – Мы едем за город. Ты не против?

– Нет, раз ты знаешь, куда ехать, – бормочет он и засыпает снова.

Я бужу его крепким ударом локтя.

– Скажи-ка, Гари, что если ты немного пошевелишь мозгами, вместо того чтобы дрыхнуть.

– Бр-р... – бормочет он, – всё элементарно просто. Дерек Петросян работал на пару со своим братом, а тот, другой – ещё с кем-то, и оба они ищут фотографии.

– Эта история с фотографиями просто выводит меня из себя, – говорю я.

Мы едем довольно быстро, но додж всё равно далеко впереди. Если нам придется остановиться на красный свет, я упущу его на первом же повороте.

Он действительно сворачивает, но я всё же нагоняю его и теперь

выдерживаю расстояние. Когда мы окажемся на Футхил-бульваре, придется ехать ещё быстрее, на грани скорости, допустимой любезной полицией этого города; теперь мы мчимся в сторону Сан-Пинто.

Об этом я и говорю Гари. Жара решительно не идет ему на пользу (я забыл сказать вам, что весь этот веселенький денек стоит невыносимая жара).

– Ты знаешь, что мы сейчас делаем?
– спрашиваю я, чтобы хоть немного вернуть ему чувство реальности.

– Да, – отвечает он. – Мы едем следом за Мэри Джексон, которую похитила девица, у которой ты, в свою очередь, стащил сумочку.

– Ха, – говорю я. – А ты не такой уж болван, как я думал. Между нами говоря, что касается девицы, которую только что похитили, похоже, она была не против. Интересно знать, что Кора ей такого наговорила.

– Не трудно догадаться, – хохочет Гари. – Она, должно быть, предложила ей поучаствовать в веселенькой оргии по последнему крику моды. Если судить по твоему рассказу, все эти девицы довольны, что их похищают.

– Безусловно, ты прав. – Киваю я – Потому что, по правде говоря, этой ночью от меня требовалось только одно: не сопротивляться. Но лучше переменим тему, вспоминать всё это не слишком приятно.

– Всё зависело только от тебя, – хихикает Гари. Чёрт побери, я прекрасно понимаю, что он прав.

Чем дальше, тем больше я удивляюсь процессам, происходящим в моем мозгу. Я, всегда желавший быть благоразумным, открываю вдруг, что помыслы мои глубоко порочны.

Теперь я думаю, как замечательно было бы присоединиться к этим двум женщинам, пригласить их поужинать в один из этих дорожных ресторанчиков в мексиканском стиле, что встречаются на каждом километре.

Я посвящаю Гари в свои замыслы. Он улыбается.

– Пожалуй, мне следует за тобой приглядывать, – говорит он.

Пока он собирается это делать, я жму на газ, так как голубой додж уходит в туман... Ничего себе туман, как раз то, что нужно для освежения мыслей.

Машина мчится как на крыльях, и действительно, мне всё больше и больше хочется обогнать их и немного поболтать.

– Давай, жми, – говорит Гари, посматривая за мной краешком глаза.

– Тебе не очень-то повезло с этой девицей. Попробуй немного успокоиться... Разве тебе не достаточно наших полицейских изысканий?

– Да помолчи ты! – говорю я. – По правде говоря, не такая уж плохая идея. Подумай, они ведь не способны дать нам отпор, и потом, им,

безусловно, приятно будет провести вечер с такими симпатичными парнями. А мы тем временем разузнаем о них побольше.

Тем хуже для Санди Лав. Гари начинает сдаваться, и я прибавляю скорость. Поравнявшись с голубой двухместкой, я обгоняю её и прижимаю к обочине дороги. Кора сидит за рулем, в её глазах – ни тени испуга. Видимо, она сразу узнала меня; вместо того чтобы ехать рядом, она резко тормозит, дает себя обогнать и ускользает у нас из-под носа самым бесстыдным образом...

Но её мотор не может соперничать с моим... Я повторяю прежний маневр. На этот раз она не упрямится, и вот мы уже стоим рядом на краю шоссе. Я

высовываюсь из окна и делаю вид, что мы старые друзья.

– Привет, Кора, – говорю я. – Как дела?

– Хорошо, Рок, – отвечает она. – Позвольте представить вам мисс Мэри Джексон. Вы видели её фотографию в моей сумочке.

Я не очень-то доверяю ей после того, что мне пришлось с ней проделать. Но, похоже, дело идет на лад. Не думаю, чтобы она прятала револьвер у себя в бюстгальтере, который, на первый взгляд, наполнен так же хорошо, как и сегодня утром.

Энди Сигмен и Майк проезжают мимо нас. Я вижу, как они останавливаются и начинают менять колесо, которое совершенно в этом не нуждается.

Я же продолжаю свою игру.

– Так как же, Кора, насчет долгожданной пирушки, которую мы хотели устроить вместе... По-моему, сейчас как раз хороший повод... Со мной тут Гари Килиан, так что мы можем прекрасно поужинать вчетвером. Идет? Мэри Джексон ничего не имеет против?

– Мы будем очень рады, – заявляет Мэри Джексон. Кора бросает на неё злобный взгляд.

– Отлично, – говорю я. – Гари, кажется, тоже согласен, так как на протяжении двух километров он настаивал, чтобы я нагнал вас. Он узнал вас первым. Ладно, Кора, садитесь ко мне в машину, а Гари займет ваше место.

Я делаю знак Гари. Он подходит, я представляю его, и через пять минут мы выезжаем. Я мурлыкаю себе под нос какой-то мотивчик, Энди и Майк снова садятся в машину, исправив мнимую неполадку.

– Что вы искали сегодня утром? – с невинным видом спрашивает Кора. – Вы меня совершенно раздели.

Никогда не видел такой стойкой девицы. До такой степени не быть злопамятной?.. Это так же волнительно, как если бы она со всего размаха упала на меня сверху.

– Я хотел воспользоваться вашим бессознательным состоянием, – сообщаю я. – Я настолько робок с девушками, что всякий раз стараюсь воспользоваться их сном, чтобы

посмотреть, как это у них всё устроено.

Это правда более чем наполовину. В конце концов, она бесспорно принадлежит к породе девиц, которым следует слегка вмазать, чтобы они стали покладистей.

– Мне это не пошло на пользу, – отвечает она. – Вы могли бы объяснить, что вы со мной делали, пока я... спала?

– Это не совсем прилично, – ухмыляюсь я, – но если у нас выдастся пара свободных минут, я надеюсь восполнить этот пробел в вашей памяти. Кстати, не знаете ли вы тут какое-нибудь место, где можно провести вечер?

– Таких мест здесь хоть отбавляй. Неподалеку от Сан-Пинто.

Я сдерживаю невольную дрожь и говорю:

– Вот и отлично.

– Поехали быстрее, – продолжает она. – Я чертовски устала сегодня, да и к тому же у меня живот прилипает к спине от голода.

Решительно, это достойный соперник. После часа езды я останавливаюсь перед чудесным бело-красным ресторанчиком, утопающим в цветах. Во дворе, усыпанном гравием, стоит большая машина. Это, пожалуй, всё, что я успеваю заметить. Гари подъезжает, и, как только мы входим, на нас нападают четверо малых.

Следовало бы сказать – четыре гориллы.

Я падаю на пол, так как один из них сшибает меня с ног. Это самая красивая драка, которую я когда-либо видел.

Но если бы я её только лишь видел!

Акт XV. Я ЗАБОЧУСЬ О СВОЕЙ ВНЕШНОСТИ.

Кора Лезерфорд, очевидно, потому указала мне именно этот уголок, что у неё была там назначена встреча с людьми из банды, теми (без всякого сомнения), которым она должна была перепоручить только что похищенную Мэри Джексон. Удивительно только,

каким образом они были предупреждены о нашем появлении так, что сумели сразу же на нас наброситься. Я думаю обо всем этом словно в тумане, хотя мне приходится быстро соображать: я зажимаю шею одного из четверки между ног, а руками сдерживаю другого, хрустящего под напором моих пальцев. Гари, мелькающий в поле моего зрения, судя по всему, тоже сопротивляется. Я собираюсь с силами и жму руками и ногами ещё крепче. Малый, которого я держу за горло, вдруг перестает дубасить меня по ребрам и становится совсем вялым. Я деликатно откладываю его в сторону, хватаю другого за гриву и дергаю изо всех сил. Тот начинает орать, словно дикая кошка, и наконец высвобождается. Он отступает,

110 собираясь с силами, чтобы нанести мне удар. Я готовлюсь принять его в объятия, но вдруг ощущаю у себя на голове десятикилограммовую вазу и несколько секунд совершаю волнообразные движения. Воспользовавшись этим обстоятельством, второй нападающий одаривает меня мощным ударом кулака, который, судя по всему, вытесан из глыбы кремня. Я и мой правый глаз выдерживаем нападение, а моя нога ударяет противника в пах. Он складывается пополам, и я снова вижу жизнь в розовом свете. Кто мог запустить в меня вазой? Я оборачиваюсь и вижу Кору.

– О! – говорю я, – как это гадко нападать сзади на собственного жениха.

Она ухмыляется. В этот момент меня хватает сзади один из противников Гари Последний же находится в очень неприятном положении: лежа на спине, он бессмысленно смеется, уставившись в потолок. Я даю увлечь себя назад, делаю мост и, резко выпрямившись, перебрасываю малого через голову. Он приземляется на пол с мягким шелестом. Я заливаюсь смехом, но мне на голову опускается другая ваза, весом уже не менее пятидесяти килограмм, и я падаю на колени рядом с только что поверженным типом. Он далеко не блещет красотой. Рожа его расквашена, а левая рука вывернута наизнанку. Гари жалобно стонет в своем уголке. Над ним склоняется его первый противник – детина в сером габардиновом костюме и серой

шляпе. Гари сдался гораздо легче,
чем я думал... Я жду следующей атаки
Коры Лезерфорд и злюсь, как чёрт,
оттого что у меня болит голова и я не
могу пошевелить ни рукой, ни ногой.
Но тут происходит радостное
событие: я вижу, как ноги Гари
сперва поджимаются, а затем
благополучно достигают челюсти
месье в габардине, отчего тот
сплевывает три дюжины зубов и
валится на пол, матерясь как
сапожник Гари встает. Должно быть,
он придурился, что упал в обморок.
Всё это происходит очень быстро, и я
плохо соображаю, что делается
вокруг. Я стою на коленях перед
своей последней жертвой и чувствую,
как Кора садится на меня верхом и
начинает дубасить меня по затылку
бронзовыми китайскими пресс-папье.

Раз, два, три, четыре, аут! Я
хлопаюсь в обморок, сопровождая это
прелестным музыкальным хрюканьем.

Акт XVI. ПО МЕТОДУ НУТРИИ.

Когда через четверть часа я прихожу
в себя, декорации (которые у меня не
было времени вам описать) остаются
прежними. На полу – прекрасный
индийский ковер в бордовых пятнах
от нашей крови. Мебель отделана
медными украшениями – должно
быть, она красного дерева, но ничего
не гарантирую. Имеются также
смешные крохотные окошечки с
большими занавесками. Я прислонен
к стене и связан, как сосиска. Я едва

могу шевелить головой, и всё у меня болит. Рядом я замечаю Гари. Нос его стремится соединиться с грудной клеткой – но это, скорей, от усталости. Напротив нас четверо других участников этой милой потасовки взаимно заботятся друг о друге, но движения их чуть вяловаты. Один из них, похоже, совсем потерял вкус к жизни. Это тот, которому я сжимал шею. Двое других хлопают его по щекам и трясут за руки, но он реагирует не больше, чем диванный валик. Месье в габардине тоже выглядит неважно: он промокает физиономию совершенно красным носовым платком, а когда открывает рот, видно, что у него осталось от зубов, – вернее, что у него их вовсе не осталось. Что же до цвета его глаз, увеличенных теперь до середины

щек, то они будут даже поярче баклажанов. Двое оставшихся – здоровяк в голубом костюме, которого я перекинул через голову, и приземистый чернявый тип с плечами в форме готического камина – ощупывают себя, чтобы определить, что у них переломано. Это мероприятие вызывает у них забавные стоны. Я остаюсь доволен результатами операции, хотя чувствую себя таким разбитым, словно меня посадили в молотилку. Гари же продолжает скрывать свои впечатления. Здесь же верхом на стуле сидит свежая как роза Кора Лезерфорд, а рядом с ней удивленная Мэри Джексон. Я-то знаю, что женщины любят смотреть, как дерутся мужчины (если это не из-за них самих). Мэри Джексон

припудривается так, словно
принимала участие в драке.

– Хорошо же вы благодарите людей,
которые приглашают вас поужинать,
– говорю я.

– А вы, как вы обходитесь с людьми,
которых увозите на машине? –
парирует Кора.

Она смеется!

– Вы совсем не в моем вкусе, –
заявляет она.

Я пытаюсь разозлить её, потому что
её улыбка вызывает у меня
симпатию.

– Знаю я ваш вкус, – говорю я. – Он
теперь в морге, с синими пятнами на
мёрзкой роже; то же, кстати, ожидает
и малых напротив, – при помощи

подбородка я указываю на четырех
покалеченных обезьян, суется в
комнате, и мое предположение явно
не приводит их в восторг. Что же до
Коры, то намек на любовника
вызывает у неё кривую гримасу, и
она сверлит меня гневным взглядом.

– Вулф Петросян не был таким
идиотом, как вы, Рок Бэйли, –
говорит она. – Его убили обманом,
подмешав отраву в вино, но он
никогда бы не бросился, как дурак, в
пасть к волку, как это только что
сделали вы.

– Тем не менее ему хватило
идиотизма, чтобы проглотить эту
отраву и сдохнуть в телефонной
будке, – говорю я.

— Насчет телефонных будок... —
говорит она. — Существует одна
история с фотографиями, разъяснить
которую нужно прямо сейчас.

— Кому же? — спрашиваю я. — Вам?
Этим господам? — я указываю на
четверку. — Или кому-то другому?

«Господа», о которых идет речь,
кажется, не поняли юмора, и
приземистый коротышка
направляется ко мне. Прежде чем я
успеваю защититься, он
расплющивает мой нос крепким
ударом, так что моя голова приходит
в тесный контакт со стеной.

Кора, должно быть, отдает себе
отчет, что это производит не очень
хорошее впечатление, — интересно,
как же она объяснит всё это Мэри

Джексон. Определенно, девицы,
которых она набирает для опытов
господина Х, отчаянно смелы. Они к
тому же ещё и маленькие свинюшки.
Это объясняет, почему родители
Беренис Хэйвен и Цинтии Спотлайт,
исчезнувших первыми, не заявили в
полицию, и почему семейство Мэри
Джексон последует их примеру. Но
родители не видели фотографии и,
должно быть, представляют себе, что
речь идет о банальном бегстве из
дому.

Пока я предаюсь этим размышлениям,
Кора орет на коротышку; тот,
выругавшись, идет на свое место. А
затем, после некоторого шума, в
комнату врываются двое мужчин.
Увидев нас, они хохочут, но стоит им
перевести взор на других, как смех

тут же исчезает. Из чего я заключаю,
что это подмога, но из лагеря
противника.

Кора встает.

– Возьмите этих, – она указывает на
меня и Гари, – и отвезите сами знаете
куда. Пошли, Мэри, – добавляет она.

Пришедшие приближаются к нам.
Один – среднего роста, хорошо одет,
выглядит простодушно. Другой... Я
узнаю его. Это здоровенный санитар,
подвергший меня процедуре – я не
могу думать об этом без сожаления о
Беренис Хэйвен, положившей начало
всей этой авантюре.

Здоровяк разрезает верёвки,
которыми связаны мои ноги.

– Вставай, – говорит он. – Ба, да это
же наш приятель! Ну что, пришёл
проведать старых друзей?

– Вот именно, – отвечаю я. –
Хотелось совершить сентиментальную
прогулку на место нашей первой
встречи.

Он грубовато смеется. Я уже отмечал
его жизнерадостный характер.

– Всё такой же педераст? – говорит
он. – Это из-за того, что вы отказали
Коре, она привела вас в такое
состояние?

– Ну да!.. – возмущаюсь я – Полчаса
назад вы бы застали нас друг на
друге.

Это сущая правда, но я забыл
добавить, что это я был снизу, а она

1 занималась любовью с пресс-папье.
1 За это время я успеваю встать на
9 ноги, но они затекли, так что я
вынужден повиснуть на верзиле-
санитаре, чтобы не упасть. Его
товарищ пытается поднять Гари. Но
бедняга не желает шевелиться Он
больше ничего не желает. Он издает
легкий стон и остается недвижим.
Мэри Джексон смотрит на него с
интересом. Кора подходит к нему и,
прежде чем я успеваю перевести дух,
начинает долбить своим острым
каблуком его большую берцовую
кость. Гари подскакивает с
душераздирающим воплем. Мэри
Джексон, кажется, всё больше и
больше заинтересована
происходящим – я вижу, как она
проводит кончиком розового язычка
по намаженным губам. Эта девица

– явная садистка. Гари вышел из
состояния оцепенения и теперь, не
переставая выть, катается по полу,
чтобы увернуться от Кору. Он
цепляется за стену, ногти его издают
печальный хруст. В последнем усилии
он, наконец, встает на ноги. Кора
Лезерфорд веселится, но тут же
умеряет радость, после того как
кулак Гари жестко впивается ей в
правую грудь. Теперь её черед
горланить и пританцовывать, держась
за грудь обеими руками.

Мы успокаиваемся, после чего нас
выводят в посыпанный гравием двор.
Большой автомобиль всё ещё на
месте, а моя тачка ждет снаружи, за
Кориным доджем. Мы усаживаемся в
большой. Двое наших охранников,
очевидно, намереваются

предоставить Кору самой себе, так как едва мы успеваем устроиться, «жизнерадостный» снова заходит в ресторан и возвращается в сопровождении Мэри Джексон. Подталкивая Гари, я стараюсь усадить его поудобнее. Мэри Джексон усаживается рядом со мной, и мы трогаем с места. Коротышка сидит за рулем. Здоровяк наблюдает за нами в зеркальце.

– Куда мы едем? – спрашиваю я.

– Вы, наверное, и сами догадались, – отвечает он. – К очень любезному господину, который предоставляет дамам и господам отдельные комнаты с мебелью и всем необходимым!

Тут он замолкает и поворачивает одну из ручек на приборном щитке,

настраиваясь на позывные радио. Вероятно, у них в машине установлена микрорадиостанция типа «уоки-токи», как в армии. Теперь я понимаю, почему те четверо поджидали нас в ресторане: Кора, должно быть, подключилась на их волну, и они слышали наш разговор с того момента, как я сел в машину.

Я чувствую, как сидящая рядом со мной Мэри Джексон начинает проявлять активность. У меня по-прежнему связаны руки, и я не могу пошевелиться, но чувствую, что она щупает меня за ляжку, и это мне вовсе не по душе. Все мои желания и влечения таинственным образом ослабли с тех пор, как Кора погладила меня по черепу рядом произведений искусства.

— А вы ничего себе, – говорит мне в упор Мэри Джексон. – Когда ваша внешность примет свой прежний вид, вы будете очень даже презентабельны... Почему вы не оказали должного сопротивления тем четырём скотам?

– Если бы ваша подружка Кора не напала на меня предательски сзади, – говорю я, – дело повернулось бы иначе.

Мэри Джексон тихо смеется. У неё очень красивые светлые волосы; запах духов легкий, но вкрадчивый.

– Я совершенно не понимаю, что происходит, – говорит она. – Кора обещала взять меня с собой на выходные в имение одного своего друга...

– Кто это? – спрашиваю я.

– Маркус Шутц... доктор Маркус Шутц... Он очень много практикует, мне кажется. И вот мы поехали, встретили вас и вашего друга. Как его, кстати, зовут?

Я стараюсь ответить спокойным голосом. Её рука продолжает машинально поглаживать меня по бедру; Мэри, по-видимому, не отдает себе в этом отчета.

– Его зовут Гари Килиан, – отвечаю я. Нет никакого смысла рассказывать небылицы.

Эта Мэри Джексон – нимфоманка! Только и всего. Наконец она оставляет мои ноги в покое и откидывается на сиденье, обвивая меня рукой за шею. Чёрт побери! Я

119
всегда попадаю впросак именно в тот момент, когда не могу оказать сопротивления.

Голова моя напоминает кастрюлю с компотом. Я весь покрыт синяками и выгляжу, должно быть, ужасно, – а эта чокнутая, не обращая на всё это ни малейшего внимания, исступленно забавляется тем, что совершает что-то вроде лирических набегов на плоскости, лежащие по соседству от моей скулы. Да ещё в машине, которая везет нас к Маркусу Шутцу, доктору Шутцу – господину, который похищает людей, чтобы склонять их к совокуплению! Господину, в поместье которого имеются операционные залы, где занимаются также и фотографией, – и за обладание этими фотографиями с полдюжины человек

укокошили друг друга всего лишь за одни сутки.

Мэри поворачивается в мою сторону, привлекает меня к себе (это причиняет мне ужасную боль) и целует в губы. Губы у неё мягкие и свежие, и она, должно быть, брала уроки у очень сведущего по этой части человека.

Я весьма озадачен, но мне хочется, чтобы это длилось как можно дольше. Впрочем, так оно и есть. Я закрываю глаза и окончательно сдаюсь... Женщины – прекрасное изобретение человечества... Я уверен, что здоровенный папаша наблюдает за нами в зеркальце, но мне совершенно на это наплевать Мэри Джексон отстраняется и тихо вздыхает.

– Можно, я сяду между вами? – говорит она. – Мне неудобно в углу.

– Как вам будет угодно, – отвечаю я.

Я не особенно доволен, что у меня связаны руки, так как теперь наверняка знаю, куда их можно поместить. Она приподнимается, перебирается через меня, а я пересаживаюсь вправо. На ней только легкое платье, и я ощущаю прикосновение её упругого тела... Я готов к продолжению контакта, но эта чёртова девка поворачивается к Гари, обнимает его и предлагает моему другу то же лекарство, что и мне. Конечно, мне всё равно, потому что это не кто-нибудь, а старикан Гари, но я чувствую себя приниженным в буквальном и переносном смысле. И пользуюсь этим обстоятельством,

чтобы немного осмотреться. Сидящий передо мной здоровяк явно забавляется. Повернувшись к нам вполоборота, он бросает на меня саркастический взгляд и вновь принимается крутить ручку передатчика и переговариваться с невидимыми собеседниками.

Последние, должно быть, находятся неподалеку, так как передатчики такого типа имеют ограниченный радиус действия. Вид за окном всё тот же: уходящая к горизонту выжженная равнина, кое-где чахлые деревья и пышные цветы. То здесь, то там виднеются верблюжьи скелеты – жалкое напоминание о караване. Мэри Джексон отпускает Гари и вновь принимается за меня.

– Как! – ворчу я – Вам всё ещё мало?

– Дайте же мне выбрать, – говорит она без тени смущения, – в конечном счете, я, наверное, отдам предпочтение вам.

Чёртова кукла!.. Знает толк в мужчинах. Я прекрасно понимаю, что это грубая лесть... Но всё же мне приятно это слышать. Теперь она принимается за дело с ещё большим пылом, а сколько у неё ещё в запасе!

– Если бы вы перерезали верёвку... – удается мне вымолвить, – у меня бы пропало ощущение собственной бесполезности.

– Я бы очень этого хотела, – говорит она, – но у меня нет ничего под рукой. Не будем терять времени, всё и так хорошо.

Поначалу оживившийся Гари снова впал в беспамятство. Кажется, поцелуи Мэри окончательно его доконали. Прямо у своей щеки я вижу волну блестящих волос, её аккуратное ушко; взгляд мой теряется в тенистых уголках тонкой округлой шеи. Меня охватывает приятное тепло, я больше не сержусь на двух малых, что везут меня к доктору Маркусу Шутцу... Может быть, я наконец узнаю, кто он такой, доктор Шутц. Я задаюсь этим вопросом не слишком уверенно, так как чувствую себя ещё не в состоянии размышлять над полицейскими проблемами. Машина замедляет ход, сворачивает на боковую дорогу и снова мчится во весь опор. На повороте я ещё сильнее прижимаюсь к Мэри.

Я испытываю смутные угрызения совести по отношению к Санди Лав... Упругий бюст Мэри впивается мне в грудь, и я чувствую, как она начинает учащенно дышать. Машину трясет на ухабах. Но вот она снова притормаживает, сворачивает, проезжает двести метров и резко останавливается. Сквозь белокурые волосы Мэри я мельком вижу высокую кирпичную стену.

Наши охранники выходят из машины. Я слышу ругательства, скрип тормозов ещё одного автомобиля и вижу, как здоровенный тип падает на землю от удара вылетевшей астероидом рыжей массы. В это время второй выходит на ковер, чтобы получить свою порцию. Я узнаю работу Майка Бокански и его пса

Нуну; лукаво улыбается мне довольная рожа Энди Сигмена.

Акт XVII. ДЕЛО ИДЕТ НА ЛАД.

Это Энди с Майком, ехавшие следом, подоспели нам на помощь. Энди Сигмен распахивает дверцу, достает нож и перерезает мои путы. Прижавшаяся ко мне Мэри Джексон даже и не пошевелилась Ей, кажется, глубоко наплевать на всё происходящее. Постановывая, я вылезаю из машины. Кровь снова начинает циркулировать в моих затекших членах, что причиняет мне нестерпимую боль. Мои похитители уснули и аккуратно лежат рядышком

на земле, так как Майк завершил свою боксерскую работу приложением дубинки к их черепным коробкам. От всего сердца я благодарю Энди: воистину, он вытащил меня из крайне затруднительного положения. Теперь, высвободив Гари Килиана из верёвок, он пытается его оживить. Майк Бокански приветствует меня, его пес тоже Майк только что отвесил ему шлепок по заднице, что доставило им обоюдное удовольствие.

– Не следует всё же здесь задерживаться, – говорит Майк, указывая на высокую кирпичную стену, возле которой остановилось «такси». – Здешние ребята должны быть предупреждены о вашем

прибытии, и если мы станем медлить, все они окажутся у нас на хвосте.

– Вы правы, – киваю я, – но что же делать? Теперь, когда мы открыли логово этих господ, не уходить же нам, не разобравшись, что там происходит!

Я чувствую, как рука Мэри Джексон обнимает меня за шею. Она тоже выбралась из машины и, сдается мне, намеревается продолжить занятие, начатое там.

– Нужно отогнать машины и спрятать их, – говорит Майк. – Затем мы произведем обследование дома.

– Гари уже ни на что не годится, – замечаю я, – но нужно быть по крайней мере вдвоем, чтобы туда сунуться.

Майк Бокански пойдет к Маркусу Шутцу со мной. Честное слово, лучшего компаньона и не пожелаешь, особенно если его пес тоже примет участие.

Но что делать с Мэри Джексон? Она продолжает прижиматься ко мне и целовать, но теперь, когда мы не сидим, а стоим, это компрометирует меня гораздо меньше, так как она едва доходит мне до плеча. Мои руки обретают подвижность, и, несмотря на то что весь я покрыт синяками и шишками, я чувствую себя почти в полной форме. Бедный старикан Гари выглядит так, словно дюжина боксеров использовала его на тренировке вместо груши. Оба его глаза замечательного чёрного цвета, а сам он вымазан кровью (то ли

своей, то ли чужой). Он хромает, с отвращением шмыгает носом и, прежде чем заговорить, беззвучно шевелит челюстями. Подозреваю, что он пересчитывает языком зубы.

– Ну что? – обращается он ко мне. – Ты доволен своей идеей? Мы прекрасно поужинали, не так ли?! Куда же делись наши партнёры?

– Не беспокойтесь, они ещё прибегут.
– Энди хохочет, Майк улыбается.

– Мы немного полюбопытствовали, что произошло в том ресторане, – говорит Майк. – Они уже и тогда были неплохо отделаны, но теперь заговорят не раньше, чем через пару месяцев... Там, кажется, была одна старушка?

– Да, – говорю я. – Очаровательная девушка. Вы с ней знакомы, Мэри. Это ваша подружка Кора.

– А, это ей, – поясняет Майк, – Нуну слегка порвал платье. Если она не сделает себе другого из занавески, её вполне могут забрать прямо на улице.

– Но она поднимет тревогу, – говорю я – Не хотите же вы сказать, что ограничились тем, что поручили Нуну её раздеть?

Майк Бокански краснеет.

– Мы ничем не рискуем, – говорит он.
– Она в надежном месте.

И добавляет, прыская со смеху, словно клоун:

– Она в багажнике нашего такси! Теперь я спокоен.

Всё это время Энди Сигмен массировал Гари руки и грудь, и теперь тот отряхивается и едва слышно восклицает:

– В атаку!

– Правильно, – поддерживаю я – Ты сядешь в эту машину, – я указываю на автомобиль, в котором нас привезли, – и поедешь следом за Энди. Нужно их припрятать, чтобы нас не обнаружили. А мы с Майком тем временем совершим небольшую прогулку вокруг этой хижины Ты же позвони Нику Дефато. Найдешь по дороге какое-нибудь бистро...

– Одно я уже нашёл, спасибо за совет.

– Послушай, – говорю я – Нас поджидают далеко не везде.

Предупредите Ника Дефато, что мы здесь, спрячьте машины и сразу возвращайтесь. И не оставляйте Кору Лезерфорд в багажнике!

– Если бы это зависело только от меня, – ворчит Гари, – я бы её продержал там до конца её дней, и надеюсь, что долго ждать не придется.

– Отлично, – говорю я. – Отвези-ка ещё нашу подругу Мэри Джексон и постарайся за ней поухаживать.

– О! – восклицает Мэри, которая прислушивается к нашему разговору.

– Я еду с ним? Шикарно!.. Вы пригласите меня поужинать?

– Пошевеливайтесь, – говорю я. Они усаживаются, и Энди отъезжает.

– Мы вернемся через полчаса, – говорит Гари.

– Идет! Не теряйте времени даром.

Гари с трудом садится за руль Мэри Джексон прижимается к нему... Будем надеяться, она не вовлечет его в свой спектакль... Ну и баба!

Я поворачиваюсь к Майку Бокански:

– Теперь нам нужно проникнуть внутрь.

Мы стоим перед стеной, высота которой добрых два с половиной метра. За ней видны верхушки прекрасных деревьев. Наступает вечер, становится свежо, словно Сан-Пинто находится на высоте восьми тысяч метров над уровнем моря.

Первым делом нам нужно отойти с дороги. Наши похитители привезли нас к этой стене. Но должны же быть где-то ворота? Чем больше я обо всем этом думаю, тем страннее кажется мне, что дорога, по которой мы приехали, упирается в стену. Я делюсь своими размышлениями с Майком.

– Вполне возможно, – говорит он, – что где-то есть замаскированный вход.

– Обойдем вокруг, – предлагаю я. – Направо или налево?

Мы идем направо, и вдруг Нуну начинает ворчать и пускается к строению, которое мы не разглядели за деревьями. Приглядевшись, я замечаю на каменистой почве следы

шин, ведущие туда. Мы подходим к зданию, напоминающему ангар. Оно не отличается привлекательностью: старое, полуразрушенное, довольно просторное.

– Осторожно, – говорю я, – может, там кто-то есть.

– Нуну с нами, – отвечает Майк.

Здание находится метрах в тридцати от стены. Я дергаю дверь. Заперто. Гляжу по сторонам. Ничего. Майк разглядывает замочную скважину, смеется и нажимает плечом на обе створки. Затем изо всех сил бросается на дверь и тут же выпускает отчаянный вопль вперемежку с ругательствами. Должно быть, он сделал себе очень

128
болжно, а дверь даже и не
шелохнулась.

– Не такая уж она дряхлая, как
кажется на первый взгляд, – брюзжит
он, потирая плечо.

– Попробуем замочную скважину, –
предлагаю я.

– Я захватил кое-какие инструменты,
– Майк вынимает из кармана плоский
железный стержень с загнутым
концом, засовывает его в скважину,
но тотчас же отпрыгивает назад,
падает на задницу и яростно трет
руку.

– Сволочи! Идиоты! Хамы! Скоты!
Мерзавцы!

Он декламирует без остановки, а я
хохочу до упаду. Очень уж смешно

выглядит, когда кого-то дергает
током. Безвредно, но ощутимо.

– Интересно, – говорю я, – если
скважина под током, там, за дверью,
должно быть что-то интересное.

– Как же... – ворчит он. – Очень
интересное. Просто захватывающее...
Но мы ничуть не продвинулись.

Я хватаю его за руку. Слышится
какой-то шум.

– Стойте! Спрячемся!..

Барак окружен довольно высоким
кустарником. За ним мы и
притаились. Майк поймал пса за
ошейник и прижал к земле у себя за
спиной.

Из ангара доносится гул, похожий на
шум лифта. Затем глухой лязг, словно

захлопнули дверцу сейфа.

Поскрипывая, дверь раскрывается. Я изо всех сил стараюсь заглянуть внутрь. В этот момент оттуда, как смерч, вылетает машина, резко сворачивает вправо и мчится в сторону шоссе.

Дверь медленно начинает закрываться. Не сговариваясь, мы с Майком бросаемся вперед. Успеваем. Пол довольно круто спускается вниз. Дверь захлопывается за нами. Мы проходим несколько метров по едва освещенному коридору, и я останавливаюсь. Над нами с шумом разворачиваются тяжелые щиты и закрывают вход в коридор. Я нагибаюсь, чтобы меня не задел первый щит, и быстро спускаюсь вниз по склону, догоняя Майка.

– Так вот как они перебираются через стену, – говорит он.

– Ясно. – говорю я. – Но как нас найдут Гари и Энди?

– Посмотрим.

– Странно, что нет охраны!

– Вот это, – хмурится Майк, – совсем непонятно. Похоже, здесь всё автоматизировано.

– Но кто-то живой должен быть, – говорю я.

– Нет... Ну ну бы учуял.

Мы отправляемся дальше. Коридор уходит вглубь. Наконец мы добираемся до горизонтальной площадки. Пес настораживается, ворчит и отступает.

– Тихо, – шепчет Майк.

Нет нужды объяснять вам, что мы вовсе не производим шума, мы крадемся вдоль стены, прижимаясь к ней, словно ящерицы. Поначалу я позабыл про все ушибы, полученные в харчевне, но вдруг снова о них вспоминаю. Всё у меня болит, и я чувствую себя не совсем в форме для новой стычки. К счастью, со мной Майк, и это меня слегка успокаивает. Пес перестает ворчать. Майк шепчет мне:

– Оставайтесь здесь, я пойду посмотрю, что там.

– Я с вами.

– Нет.

Есть в его голосе что-то такое, чему я повинуюсь. Теперь спрятаться довольно легко: потолок, как в угольной шахте, подпирают толстые столбы, за которыми можно укрыться. Майк что-то протягивает мне и уходит вперед, Нуну за ним по пятам. У меня в руках маленькая дубинка, сегодня я уже видел её в работе. Симпатичная штука, к тому же придает вам ощущение независимости и комфорта. Глаза уже привыкли к царящему в подземелье полумраку, но Майк движется вперед так быстро, что я начинаю терять его из виду. Вдруг я подскакиваю, и мои пальцы впиваются в деревянный столб. Раздается выстрел, затем другой. Вопль, переходящий в бульканье. Забыв все предписания Майка, я бросаюсь вперед. Больше не слышно

ни звука. Я натыкаюсь на Майка: он стоит на коленях перед лежащим на полу человеком. Здесь же валяется револьвер. У Майка на рукаве немного крови.

Он поднимает глаза и улыбается:

– Этот получил свою порцию!

– Он в вас стрелял?

– Царапина. Нуну сломал ему запястье.

– Он мертв?

– Нет, я его слегка усыпил.

Я замечаю дверь. Она выходит в маленькую келью, забетонированную прямо в земле. На столе – передатчик вроде телеспикера. Если он подключен, люди «оттуда» должны

были слышать выстрелы и с минуты на минуту сядут нам на хвост. Майк затаскивает тушу охранника в кабину. Я указываю на аппарат и прикладываю палец к губам. Он соглашается. Мы запихиваем человека под стол, и я перерезаю провод телеспикера. Это опасно, но ничего не поделаешь.

Без всяких предосторожностей мы бежим к выходу из подземного коридора и оказываемся на свежем воздухе. Вот и дорога, обсаженная деревьями. Владение, должно быть, огромных размеров.

Мы идем вдоль дороги, укрываясь за толстыми стволами. Нуну крадется перед нами. Уже сильно стемнело, и мы с трудом различаем его светлую шкуру.

Вдруг пес замирает на месте. Я бросаюсь к Майку.

Перед нами – поляна. По бокам – два сооружения на сваях: очевидно, наблюдательные пункты. Кругом пустынно и тихо, но надо быть настороже. Боксер наверняка почуял чье-то присутствие. Что же делать?

Майк резко тянет меня назад, тихим свистом подзывает пса и прижимается к земле. Я делаю то же самое. Он роется в кармане. Рука его описывает дугу, и он зажимает ладонями уши.

Граната взрывается прямо под правой вышкой. Со странным треском маленькое строение валится на землю. Слышны крики, ругательства. Прожектор другого наблюдательного пункта вспыхивает и принимается

шарить в темноте. Со всех ног мы бросаемся вперед и прячемся под этой вышкой – только здесь прожектор нас не достанет. Раздается автоматная очередь, пули хлестко молотят листву.

– Осторожно! – шепчет Майк. – Будет жарко.

Часовой первой вышки выбирается из-под обломков. Если верить тому, что мы слышим, он слегка покалечился при падении. Но мы – гнусные эгоисты, и нас это мало трогает. Майк снова погружает руку в недра своего плаща, и, догадываясь, что он оттуда вытащит, я чувствую легкое смущение и затыкаю уши.

– Надо прорываться. – шепчет он, вытирая взмокший лоб.



В этот момент над нами начинается дьявольская возня, и вдруг всё пространство освещается. На всех деревьях зажглись электрические лампы.

Майк не теряет больше ни секунды. Отступив на шаг, он запускает гранату вверх. Потом на полном ходу увлекает меня за собой. Я успеваю услышать стук гранаты о дощатый пол вышки и вопль охранника:

– Вот они! Огонь!

Бедняга, нужно кричать погромче, если хочешь перекрыть шум взрыва.

Я спрашиваю себя, не начинает ли Майк Бокански выходить за рамки своего положения детектива-любителя.

Естественно, охрана из наблюдательных пунктов больше не в состоянии нами заниматься, и мы могли бы спокойно прогуляться по аллее. Но мы мчимся под прикрытием деревьев.

– Надеюсь, все они сбегутся на шум,
– говорит мне Майк между двумя перебежками. – А пока суд да дело, мы разберемся, что там такое.

– Надеюсь, – откликаюсь я.

Скорей бы закончилась эта бешеная гонка – не очень-то весело в полной темноте пробираться сквозь какие-то корни и колючки, проваливаясь при этом в ямы. Майк Бокански как танк движется через все препятствия. Я думаю, что у него при себе ещё добрая дюжина гранат. От этого мне



1
3
4
немного не по себе. Но, поразмыслив, я прихожу к выводу, что он умеет с ними обращаться и отвечает за себя. Всё же у меня возникает некоторое беспокойство при воспоминании, что Гари должен позвонить в полицию. В хорошенькое дельце мы влипли...

В конце концов, нужно принять во внимание положительную сторону происходящего: вот уже несколько месяцев я не тренировался и за два дня с лихвой наверстал упущенное. Мускулы слушаются меня с рабской покорностью, и я уже до такой степени привык получать удары по башке, что эффект от последних почти улетучился. Только шишки остались. Вдруг я слышу, что пес Майка, рыча, остановился, и тут же налетаю на его хозяина. Эта собака –

воистину отлично настроенный сигнальный прибор.

– Мы у цели, – шепчет Майк.

Перед нами большое здание с крышей-террасой, каменный куб с редкими окошками.

– Пошли, – говорю я Майку.

– Подождите, – шепчет он.

Я вглядываюсь. Одно из окон только что зажглось. Промелькнула тень, и всё снова погружается в ночь. Так. Всё ясно. Здесь есть люди. В конце концов, может быть, у них плохо со слухом.

– Как мы проникнем внутрь?

Я задаю Майку этот вопрос, и он с сомнением покачивает головой.

1
3
5 – Можно было бы позвонить, –
предлагаю я на полном серьезе.

Перед нами добрые десять метров открытого пространства. В данном случае самое лучшее – действовать естественным образом.

Майк с непринужденным видом идет вперед, руки в карманах. Я улыбаюсь при мысли о том, что у него там, в этих карманах.

Ничего не происходит. Это начинает действовать мне на нервы.

Мы подходим к стене дома, и то, что я принимал за фундамент, оказывается бордюром из кустарника, ровно подстриженным на высоте человеческого роста.

Я не хочу выглядеть испуганным и иду следом за Майком. Пес опередил меня, и я немного успокаиваюсь, констатируя, что он не проявляет никаких признаков беспокойства.

Я пробираюсь сквозь кустарник.

Майка нигде не видно.

Я ощупываю стену. Она целая, сплошная, твердая. Я делаю шаг вперед и чувствую легкий запах дезинфекции, исходящий, как мне кажется, откуда-то снизу.

Должно быть, здесь есть отдушина.

Я наклоняюсь. И действительно, отдушина есть, и в неё можно просунуть голову, тело и ноги. Я предпочитаю обратный порядок и приземляюсь на пол рядом с Майком.

– Как ни странно, здесь никого нет!

– Есть же охрана у дверей и на вышках, – отвечает он с присущей ему логикой. – Они там поставлены для того, чтобы что-то охранять, разве нет?

– Или для того, чтобы создавать видимость, что есть что охранять, – не менее логично отвечаю я, отдирая острый обломок ногтя.

– Ну, это мы сейчас увидим... – говорит Майк. – По крайней мере, здесь есть человек, тень которого мы видели в окне.

– Надеюсь с ним повидаться, – отвечаю я.

В ту же секунду мы оказываемся ослепленными ярким светом мощного

фонаря. Майк поднимает руки. Я делаю то же самое. Мы в ловушке.

Майк подзывает своего пса, и тот ложится у его ног. Так ему спокойнее.

Акт XVIII. БОЛТУН С-16.

Мы ничего не слышим. Ни единого звука. Лампочка вспыхивает прямо над нами, и наконец мы можем рассмотреть, где находимся, поскольку до того мы были то погружены в полный мрак, то ослеплены ярким светом.

Перед нами стоит малый в униформе охранника и наводит на нас фонарь. Теперь он его гасит.

– Что вам надо? – спрашивает он. –
Почему вы сюда забрались?

– Мы хотели бы произвести осмотр, –
с апломбом отвечает Майк.

Охранник почёсывает голову. Вид у
него совсем не агрессивный. Нуну
встает, обнюхивает его и снова
садится у ног хозяина.

Любопытно.

– Дело в том, – говорит охранник, –
что сейчас не совсем подходящий час
для осмотра клиники. – И потом мы
не принимаем посетителей...

Я вежливо справляюсь:

– Это клиника?

– Разумеется, – отвечает он. –
Лучшая во всей округе! Умеренные

цены, предварительная запись,
целебный воздух, поблизости горы,
питание усиленное...

Он перечисляет словно заведенный.

– Стоп, – говорит Майк, – достаточно.
И убери руку от ширинки.

Охранник резко замолкает, как будто
перекрыли водопроводный кран.

Я слегка удивлен. Мы с Майком
переглядываемся. Майк начинает
привыкать к свету, я тоже; у этого
типа странноватый вид. Он шпарит
текст наизусть, глядя прямо перед
собой. Вид у него обеспокоенный, но
он, кажется, не вооружен.

Майк непринужденно опускает руки и
направляется к нему. Тот не
двигается.

– Как тебя зовут? – спрашивает Майк.

– Как угодно, – отвечает тот. –
Обычно меня называют по номеру и
серии.

– Что-что? – переспрашивает Майк.

Первый раз я вижу Бокански в таком
замешательстве. Здесь ему не удастся
решать проблемы, разбрасывая во
все стороны гранаты.

– Какой ещё номер? – спрашиваю я.

Парень снимает фуражку и чешет
голову. На башке у него ни единого
волоска. Он забавный В свою очередь
я тоже подхожу к нему. Вид у него
какой-то недоделанный.

– Номер в моей серии, – отвечает он.

– Номер шестнадцать, серия С. Вы
можете звать меня С-16.

– Лучше я буду звать тебя Джеф
Девэй, – говорю я.

– Почему? – спрашивает Майк.

– В университете у меня был
друг, которого так звали, –
объясняю я. – Он плохо кончил.
Теперь он журналист. Вдобавок ты на
него совсем не похож.

– Красивое имя, – говорит С-16. –
Мне нравится. Доктор Шутц забыл
меня назвать. Он мною не
интересовался. Впрочем, вся серия
оказалась бракованной. В живых
остались только я да С-9. Но С-9 –
сумасшедший. Он всё время себя
щупает.

– Слушай, – говорит Майк Бокански.

– Хватит морочить нам голову этими
байками. Лучше выпусти нас отсюда,

мы хотим поглядеть, что творится в доме.

– Пожалуйста, – отвечает Джеф Девэй (я всё-таки предпочитаю звать его так). – Но я пойду с вами.

Теоретически я должен объявить тревогу. Но я дефективный и поэтому иногда нарушаю инструкции. В противном случае вы бы уже были более или менее мертвы.

Этот парень совершенно полоумный. Майк, судя по всему, делает точно такой же вывод. Не прочь бы сейчас оказаться в своей кровати (вместе с Санди Лав – но это добавление я не осмеливаюсь сделать из целомудрия).

– Доктор недавно уехал, – говорит Джеф, – но кое-кто из его ассистентов остался. Хотите

посмотреть опыты? Красивые опыты, по правде говоря. В палате № 8 они работают над девицей, такая красotka, право. Кажется, её зовут Беренис.

Я хватаю его за руку.

– Вы что, издеваетесь над нами, милейший? Вероятно, я слишком сильно его сжимаю. Вечно я забываю, что могу раздавить руками кокосовый орех. Он бледнеет и начинает тараторить:

– Пустите меня, – говорит он, – прошу вас. Прошу же. Неужели вы не понимаете, что во мне пруд пруди дефектов производства?

– Довольно идиотничать, старина, – говорит Майк. – Лучше отведи-ка нас

в палату № 8. Всё остальное мы выясним позже.

– Ладно, ладно, – отвечает он. – Я отведу вас... Но должен объяснить: доктор Шутц вывел меня искусственным путем, да не совсем удачно. Именно поэтому-то я и рассказываю то, что не положено. Доктор Шутц проводит эксперименты по ускоренному воспроизведению людей. Это великий врач. Со мной он промахнулся, но я на него не сердит – это его ассистенты надо мной подшутили. Они забыли меня в сушильном шкафу. Остальные из этой серии погибли – все, кроме С-9 и меня.

Он хихикает.

– Вас это не удивляет?.. Я-то привык. Все ассистенты доктора Шутца такие же искусственные, как я. Это довольно просто делается, как мне кажется...

Сначала он брал людей с улицы, но это опасно, так как они могли заговорить. Мы же лишнего не болтаем. Он ещё раз отвратительно ухмыляется.

– За исключением меня, потому что я дефективный!

– Так-так, – говорит Майк. – Нам всё ясно. Значит, доктор Маркус Шутц ставит опыты на людях и занимается их воспроизведением?

– Вот именно, – отвечает Джеф Девэй. – Он улучшает породу. Он собирает красивых парней и девушек

и заставляет их воспроизводиться.
Впрочем, наблюдать за этим очень любопытно – я уверен, что вы не отказались бы посмотреть сейчас, как 150 или 200 пар делают детей. Доктор массу всего изобрел: способ ускоренного развития эмбриона, производство трех-четырех поколений в месяц Он вырезает половые железы эмбриона и снова оплодотворяет ими зародышевые женские клетки. Я не знаю подробностей – я только слышал, как об этом говорили, и рассказываю всё это сейчас только потому, что я из серии дефективных, и ещё оттого, что я злобный, неблагонамеренный и страшно ненавижу доктора Шутца, хотя он этого не заслуживает.

У нас с Майком прямо дух перехватило от того, что он говорит. Пес Майка рывкает и забивается в угол, подальше от этого малого.

– Это он из-за меня чувствует себя неловко, – продолжает последний, указывая на Нуну, – потому что, кроме всего, я не обладаю человеческим запахом. Это-то его и смущает.

В этот момент дверь, прислонившись к которой он стоит, открывается, и дуло револьвера дарит мне прекрасную круглую улыбку, несколько напоминающую куриный зад... Рука красивой, как мне кажется, формы хватает С-16 за запястье и отбрасывает назад. Перед нами – два типа в таких же мундирах.

– Долго же мы вас искали, – ворчит первый – высокий загорелый парень, худощавый, с очень белыми зубами и короткими усиками. Второго я поначалу вижу плохо, но тут он чуть прорисовывается, и я с трудом удерживаю крик. Они совершенно одинаковые! Майк некстати замечает:

– Вы, видно, оба из одной серии?

Они смотрят на него совершенно бесстрастно.

– Следуйте за нами.

Номер первый сторонится, уступая нам дорогу, а... номер 1-бис идет вперед по белому коридору. Коридор! страшно напоминает тот, в котором я объяснялся с двумя санитарями в первый вечер этой истории.

– Куда вы нас ведете? – на ходу спрашивает Майк.

– Молчать! – приказывает тот, что идет следом. Коридор бесконечен. Нужно что-то предпринять.

Майк начинает посвистывать сквозь зубы Я думаю о С-16. Куда он делся?

Может быть, его увел кто-то третий? Что они с ним сделали? Я ничего не мог разглядеть, когда они отшвырнули его назад. Теперь я горько упрекаю себя за тупоумие, ведь в подвале мы потеряли на разговоры драгоценное время. Вопреки своей воле, я не могу не думать о том, что рассказал нам этот придурок... Кто же такой Маркус Шутц? Я и раньше знал по тем фотографиям, что он занимается

какими-то опытами. Но эти небылицы о воспроизведении, о фабрике человеческих зародышей?

Невероятно, чтобы подобные вещи могли происходить у нас в Калифорнии. По-моему, правда кроется совсем в другом: этот доктор Шутц заведует частной клиникой умалишенных, один из которых сбежал из-под контроля... И помимо этого он занимается всякого рода махинациями. Но это объяснение я тут же отбрасываю. Это невозможно. Глупо, но сейчас речь может идти только о том, что заключалось в этом жутком, в этом страшном объяснении... да ещё близнецы, которые нас конвоируют, кто они такие?

А гранаты Майка? Люди с наблюдательной вышки? Боже милостивый, чем больше думаешь об этом, тем больше всё смахивает на кошмарный сон. Мы всё ещё шагаем по белому коридору. Майк насвистывает. Я различаю лёгкий перестук когтей Нуну о бетонированный пол. Он бежит сзади.

Майк идет совсем близко от стражника, возглавляющего процессию.

И тут я вижу, как он бросается на него и орет:

– Хватай другого, Нуну! Фас! Сзади раздаётся хрип, я оборачиваюсь и вижу, как мой конвоир пытается отодрать огромного боксера, вцепившегося ему в горло. Он

1
4
4
наполовину освобождается,
поднимает револьвер, но я хватаю
его за руку и начинаю выкручивать
её не в самом приятном для него
направлении. Легкий хруст, и она
мягко поддается. Так, я сломал её, ну
да ничего не поделаешь – в каждой
профессии свой риск,

В течение всего этого времени Майк
добросовестно колошматит второго
охранника головой о бетон. Считая
удары, он широко улыбается.

Останавливается он на пятнадцати.
Хорошая цифра. Второй, которому я
сломал руку, только что очень мило
упал ко мне в объятия. Я укладываю
его на пол и обыскиваю, так как не
следует забывать хорошие привычки.
Естественно, в карманах у него

ничего нет. По крайней мере, ничего
интересного.

– Теперь, – вполголоса говорит Майк,
– надо пошевеливаться. Куда делся
этот болтун?

– Кто? Джеф?

– Да. Джеф. Что они с ним сделали?
Только он может указать нам путь.

– Это не так уж сложно, – говорю я. –
Нужно всё время идти прямо.

– Мы проходили мимо каких-то
дверей. Интересно, что за ними
кроется?

– Тогда лучше вернуться назад... Но
он, должно быть, предается своим
маленьким упражнениям.

Мы ещё раз напоследок даем по башке нашим экс-охранникам. Я избегаю на них смотреть – слишком уж похожи они друг на друга. Спортивным шагом мы возвращаемся к исходной точке.

Дверь закрыта. Коридор разделяется перед нами на два ответвления. Раньше мы этого не заметили. Куда же делся наш лысый приятель? Что они с ним сделали?

– Может быть, их было трое? – замечаю я.

– Возможно, – бормочет Майк сквозь зубы. – Бесполезно обращаться за помощью к собаке – этот тип ведь ничем не пахнет... Какова скотина!

– Наверняка они его заперли, – говорю я. – Что, если попытаться отпереть двери?

– Это рискованно, – говорит Майк. – По какому коридору пойдем?

Мы можем идти налево, направо или же туда, где мы оставили в плачевном состоянии двух наших похитителей.

– А что, если нам отсюда смыться? – говорю я. – Вылезем в подвальное окно?

– Дверь заперта, – отвечает Майк.

Он смотрит на меня так, что я заливаюсь краской. Как это глупо – краснеть. Всё-таки хорошо сидеть дома...

– Я не трушу, – говорю я. – Просто хочется спать.

– Старина, – говорит Майк Бокански, – на твоём месте я бы предпочёл холодный компресс и пару костылей. Не знаю, из какого теста ты сделан, но оно весьма прочно... Пока мы ещё здесь, попробуем всё же открыть дверь – может быть, нам придется улепетывать, а этот выход мы, по крайней мере, знаем.

Я подхожу к двери. На вид она прочная. Я слегка наваливаюсь плечом. Дверь не поддается. Я отступаю.

– Берегись! – кричу я Майку.

Я разбегаюсь и налетаю на неё вместе со своими девяноста килограммами. Раздается

оглушительный треск, и я оказываюсь в окружении дюжины обломков. Майк помогает мне подняться. Всё это наделало немало шума.

– Ничего не понимаю, – говорит он. – Представляешь, какой гвалт мы тут устраиваем вот уже полчаса. И всё, что из этого проистекло, – три совершенно сумасшедших мужика.

– Странное место, – говорю я, массируя правую ключицу. Мне это уже начинает надоедать.

Майк входит в комнату и убеждается, что подвальное окно на месте. Я двигаюсь за ним, но тут же останавливаюсь. Нуно глухо и отрывисто рывкает. Мы оборачиваемся и застываем по сторонам выломанной двери.

– Кажется, я понял, – говорю я. – Эта комната служит им ловушкой.

Шум шагов приближается. Майк подзывает пса. Мы ждем. Шаги затихают у двери. Нуну брезгливо прижимается к ногам хозяина. Входит человек.

– Ну, – говорит он (и я узнаю голос С-16, он же Джеф Девэй). – Вы идете в палату № 8 смотреть операцию?

Акт XIX. ОБЫСК.

Мы молчим.

– Они уже начали, – настаивает Джеф. – Лучше вам пойти прямо

сейчас. Обычно операции длятся недолго.

– Хорошо, мы идем, – отвечает Майк.
– Где же эта палата № 8?

– Двумя этажами ниже, – объясняет Джеф. – Нужно спуститься на лифте. Вы действительно сломали дверь?

– Да, – говорит Майк. – Никому не говори, это наша ошибка.

– Не давайте мне указаний подобного рода, – говорит Джеф. – Вы прекрасно знаете, что я повторяю всё, что меня просят держать при себе.

– Извини, – говорит Майк. – И, пожалуйста, вынь руку из кармана.

Джеф делает поворот, мы идем за ним. Мы не сделали и трех шагов, как

Нуну останавливается и скачет назад, виляя хвостом. Мы слышим шум, оборачиваемся и видим Гари Килиана и Энди Сигмена, которые с интересом осматривают состояние, в котором находится дверь.

Я очень им рад. Похоже, Гари немного отошёл после утренних потасовок. Я не буду описывать его внешность, так как уже в самом начале этой истории я сказал, что он красивый малый, но в настоящий момент это совершенно не соответствует тому заключению, которое я мог бы сделать относительно его физиономии.

Мы не теряем времени на пустые разговоры. Само по себе уже удивительно, что они здесь. В двух словах Майк объясняет им, что

произошло с нами после того, как мы расстались у кирпичной стены. Мы представляем им так называемого Джефа Девэя, который, по-видимому, приходит в восторг от новой компании, и следуем за ним Его правая рука по-прежнему продолжает свои делишки.

Во второй раз мы идем по большому коридору, но теперь сворачиваем вправо и через несколько шагов предстаем перед целой батареей лифтов такого невероятного размера, что каждый из них способен вместить паккард и двадцать два раздвижных тромбона впридачу.

Джеф Девэй нажимает на кнопку, и двери одного из лифтов распахиваются перед нами. Мы

заходим туда все пятеро, и машина устремляется вниз.

Кабина бесшумно останавливается – и вот мы уже в другом, совершенно идентичном первому коридоре. Сооружение этого заведения, должно быть, стоило нашему приятелю Маркусу Шутцу изрядного количества банковских билетов.

Джеф устремляется вправо. Майк глаз не спускает со своего пса, готовый действовать по первому признаку беспокойства огромной жёлтой зверюги.

Этот чёртов Майк шагает, упорно не вынимая рук из карманов, и я всё жду, когда он начнет разбрасывать свои пасхальные яички в окружающий нас пейзаж. Это меня

слегка смущает. Многочисленные оплеухи, которые я заработал за эти два дня, также немного меня беспокоят; сейчас я предпочел бы выпить стаканчик в компании восемнадцатилетних девочек, нежели идти за этим психом по чёрт знает где находящимся коридорам, которые к тому же воняют эфиром.

Джеф останавливается и открывает дверь, которую я едва заметил.

– Входите, – говорит он. – Сейчас мы приоденемся.

Мы пропускаем его вперед, и он устремляется в комнату. Она очень чистая. Всюду двери... это шкафы, сверкающие белой краской.

Джеф открывает пять шкафов и делает нам знак.

– Не желаете ли надеть эти восхитительные наряды? – говорит он. – В них вы можете войти, куда пожелаете.

– Они стерилизованы? – спрашивает Гари.

– Нет, – отвечает Джеф, улыбаясь. – Но мы все пройдем через стерилизатор. Не беспокойтесь. Здесь всё очень хорошо поставлено. Хотя меня они испортили – но, по правде сказать, это не их вина. Это просто ошибка по невнимательности, и потом, опыты тогда были в самой начальной стадии. Впрочем, так приятно мастурбировать целый день напролет.

Энди и Гари ещё не привыкли к речам Джефа Девэя, и его заявление

производит сильный эффект, но хвостун, не обращая на это внимания, подводит нас к другой двери, по бокам которой также расположены платяные шкафы. Он подходит первым. Мы идем следом и оказываемся в камере, стены которой выложены рядом циферблатов. Двери – двойные и обиты пористой резиной; возле циферблатов ручки и шкалы с делениями.

– Пять минут и готово, – говорит Джеф. Он нажимает на ручку, которая резко захлопывает дверь, потом приводит в движение другие приборы. Камера наполняется чем-то вроде тепловатого и душистого тумана: вероятно, какое-нибудь дезинфицирующее средство. Температура повышается, туман

1
5
1 густеет. Несмотря на это, дышится
легко. По-видимому, это новейший
препарат. В арсенале доктора Шутца,
должно быть, много всяких
дикушинок.

Через пять минут раздается звук
гонга, замирающий на чистой низкой
ноте, и Джеф приводит все ручки в
исходное положение. Тут же перед
нами раскрывается ещё одна дверь, и
мы входим. Пес Майка, кажется, в
восторге от процедуры: он пять или
шесть раз чихает, прежде чем пойти
вслед за хозяином.

Все мы предстаем перед новой
дверью. Легкое нажатие на кнопку, и
она бесшумно отходит в сторону. Мы
замечаем круглую стену, похожую на
изнанку театральной сцены, и
оказываемся в круглой галерее,

обслуживающей крошечные
комнатки, – виден только ряд
иллюминаторов из толстого стекла,
через которые брызжет такой
неумолимо яркий свет, что нам
приходится отступить, зажмурившись.

Джеф останавливается; теперь, когда
наши глаза привыкли к блеску, мы
жадно прикидываем к иллюминаторам.

Сперва я плохо различаю
происходящее. Но потом вижу.

В двух метрах от меня лежит некое
подобие человека, покрытое
белоснежным бельем; открыто лишь
операционное поле двадцать на
двадцать сантиметров.

Трое мужчин в таких же одеждах, как
у нас, суетятся вокруг тела.

Рядом, на другом столе, лежит женщина. На этот раз операционное поле куда обширнее, так как она привязана к столу за ляжки и щиколотки, а живот её стянут плоской стальной лентой. Больше на ней ничего нет. Похоже, в данный момент ею никто не занимается.

Возле каждого стола сложная аппаратура. Возможно, для анестезии.

Я пытаюсь разглядеть, есть ли в комнате ещё кто-нибудь, но относительный мрак, в который погружено всё, что не находится под ослепительным светом двух мощных рефлекторов, отнюдь не облегчает мою задачу. Думаю, что, кроме этих троих, здесь больше никого нет.

Они суетятся вокруг первого стола. Я пытаюсь уяснить, что же они делают, но один из них стоит ко мне спиной. Наконец я понимаю, что они оперируют какого-то мужчину. Я не могу на это смотреть.

Такое не сделаешь самому заклятому врагу. Я отворачиваюсь и подвожу итоги. Теперь я понял, откуда взялись фотографии. Больше я видеть ничего не желаю. Мне хочется уйти.

Окунуться в холодную воду. Принять ванну в Тихом океане. Объем будет как раз по мне.

Я с трудом поворачиваю голову и тут замечаю слева какое-то движение. Раздается рычание Нуну – я вдруг вижу, как он, прежде чем ринуться вперед, прижимается к полу и пятится. С этого мгновения события

разворачиваются стремительно. Я оказываюсь прямо перед существом выше меня на добрую голову... Это невероятно, должно быть, я спятил. На лице у него нет маски, но оно идеально белое.

– Майк!.. Гари!

Я нахожу в себе силы выкрикнуть эти имена в тот момент, когда лапы монстра обрушиваются на меня. Его голубые глаза, жестокие и холодные, рассматривают меня словно какого-то клопа. Я чувствую, как его пальцы сжимают меня будто стальные клещи.

Выстрел. Второй... Я кричу. Мне больно... Я извиваюсь в лапах чудовища. Он смотрит на меня. Боже! На его лице нет никакого выражения... Красная дыра

появляется на его лбу, кровь струится изо рта, и он сжимает меня... сжимает всё сильнее и сильнее. Я чувствую, как из моих глаз брызжут слезы. Сейчас сломает... ещё два выстрела... Мы падаем почти одновременно. Майк высвобождает меня из лап огромного трупа, который даже не содрогнулся, отдавая концы.

Едва я успеваю встать на ноги, как Джеф говорит слащавым голосом:

– Пожалуй, нам лучше уходить немедленно. Доктор Шутц будет не очень доволен, узнав, что вы пришили его слугу из серии «К».

Это Гари прикончил его двумя выстрелами в спину. Всё происходит слишком стремительно, чтобы я успел подумать о своих плечах,

1
5
4 покореженных мёртвой хваткой монстра. Мы бежим по коридору вслед за Джефом Девэем. Проход – вваливаемся туда, сворачиваем направо, ещё раз направо. Я совершенно растерян. Папаша Сигмен наслаждается вволю, я слышу, как он кудахчет под маской, в полном восторге от приключений.

Я же... честное слово, я не решаюсь сказать вам. Боже милостивый, мне двадцать лет, я вешу девяносто килограммов – одни мускулы, и я ничего не боюсь... чёрт... тем хуже, я решаюсь... так вот, на бегу и замечаю, что...

Великолепно. Как трёхлетний ребенок. Я обмочил штаны – до того эта кошмарная скотина нагнала на меня страху.

И сколько их ещё в этом дьявольском бардаке... Я понимаю, почему им до такой степени наплевать, входит сюда кто-нибудь или нет.

С такими образами в роли жандармов они не рискуют ничем.

Но какие ещё кошмары нам предстоят? Я настолько поглощен своими переживаниями, что буквально влипаю в Майка Бокански: он только что остановился передо мной, я же продолжал бежать; на мое счастье, он оказался впереди, иначе бы я впилился в стену. Но тут я вздрагиваю при мысли о его гранатах и прыжком встаю на ноги, словно меня укусил тарантул. Он не сердится на меня. У него такой же испуганный вид, как у Гари и Энди. Только Джеф по-прежнему неустрашим.

— Пустяки, – говорит он. – Здесь мы мало чем рискуем. Лично я восхищен, что вы убили К-62. Он всё время потешался надо мной из-за того, что я слишком прожарен. Он-то был без единого дефекта... вот-вот но именно он оказался мертвецом – это послужит ему уроком .

– Довольно, – оборвал Гари. – Как нам выбраться отсюда?

– О! – восклицает Джеф чересчур светским тоном, – было бы смешно и нелюбезно покинуть образцовый дом отдыха доктора Шутца, не заглянув в инкубатор и комнату ускоренного взросления эмбрионов. Там я смогу точно и подробно объяснить вам произошедшее со мной несчастье, что непременно приведет вас в самый проникновенный восторг.

– Чёрт! – говорю я. – С меня хватит! Сматываемся, да поскорее. Ну его, этого доктора Шутца... Большее удовольствие мне доставит изучение виноградарства в Сан-Берну. А тебя, – говорю я, – тебя мы можем взять с собой. В качестве сувенира.

– Пошли, – говорит Майк. – Успокойтесь вы оба. У нас же есть замечательная возможность увидеть нечто интересное...

– Вот-вот, – говорит Энди Сигмен. – Рок, Гари, дети мои, вы устали, это нетрудно понять после того, что с вами произошло, но поймите наконец, что самое захватывающее ещё только начинается. Подумайте о бедном Энди, старом разбойнике, который целыми днями скучает. Не

каждый день предоставляется случай посмотреть на подобные проделки.

– Послушайте, – говорю я, – мы и так уже можем влипнуть в историю, после того как Майк упражнялся в метании гранат... но если мы вынуждены будем убивать всех, кто нам попадается по дороге, потому что они не очень покладисты, то потом нам нелегко будет объясняться с полицией.

– Вы позвольте нам с Энди взять это на себя, – говорит Майк – Мы всё устроим.

Всё это время Джеф Девэй выражает крайнее нетерпение.

– Поторопитесь, – говорит он. – Они целый день перевозили ящики и очистили целые палаты, а завтра

увезут и всё остальное. Так что пошевеливайтесь, а то ничего не увидите.

Мы настораживаемся и следуем за ним.

– Что они перевозили? – спрашивает Майк небрежным тоном.

Джеф лукаво улыбается.

– А-а! – произносит он. – Видите, как много доставляю я хлопот. Они заставили меня поклясться, что я ничего не расскажу, а с тех пор как появились ваши друзья, я только и делаю, что всё вам выкладываю.

Мы добираемся до следующей двери, и она раскрывается перед Джефом. Мы переступаем порог какой-то шлюзовой камеры, слабо освещенной

фиолетовой люминесцентной лампочкой. После утомительного освещения коридора и слепящего огня операционных это – настоящий отдых... правда, несколько зловещий.

– Вы разве не знаете, что доктор Шутц собирается покинуть Сан-Пинто? – спрашивает Джеф.

Мы стоим перед панно из матовой стали. Тишина. Здесь царит причудливая атмосфера, немного напоминающая большие залы «Аквариума», влажная, прохладная, волнующая.

– Не будем отвлекаться на пустяки, – говорит Гари. – Истории про доктора Шутца послушаем в другой раз.

– Да нет же, – говорит Майк, – у нас полно времени... Пусть он расскажет.

– Впрочем, я ничего не знаю, – говорит Джеф. – Вчера приехали грузовики, а сегодня весь день вывозили материал, аппаратуру и охрану. Все серии – от «D» до «R». И сам доктор Шутц уехал сегодня вечером. Завтра эта палата тоже будет пуста. Я думаю, они продали клинику.

– Куда же он уезжает? – грубо спрашивает Майк.

– Но... я не знаю, – отвечает Джеф. – Не говорите со мной таким тоном, я очень пуглив.

Он поворачивает рычаг, стальная плита уходит вправо, и мы входим. Здесь такое же освещение, как и в предыдущей камере. Мы начинаем к нему привыкать.

Зал очень большой – метров тридцать или сорок в длину. Скорее, это своего рода галерея: через равные промежутки – белые фарфоровые тумбы... нет – это лакированная сталь... на каждой тумбе возвышается ящик из толстого стекла, подсвеченный снизу. Мы делаем несколько шагов. Здесь очень жарко, намного жарче, чем в шлюзовой камере, и мы дышим с трудом, несмотря на то, что несколько минут назад сняли маски. Я наклоняюсь к одному из ящиков, не очень хорошо понимая, что передо мной.

Внезапно я отскакиваю, вскрикнув от ужаса. Голова, которая смотрит на меня из-под стекла отвратительными красноватыми шаровидными глазами, принадлежит человеческому

зародышу. Это только так сказано «которая на меня смотрит», так как глаза закрыты тонкими натянутыми веками. Она слегка шевелится, просто смотреть страшно... в мутной жидкости.

Майк, Гари и Энди склонились над другими ящиками, похоже, зрелище не вызывает у них энтузиазма. Рядом с каждой тумбой находится табло с показаниями, смысла которых я не понимаю.

Я отхожу на несколько шагов, но повсюду одни эти ящики; теперь, когда я знаю, что они заключают, у меня одно лишь желание – поскорее убраться отсюда.

Я хватаю Джефа Девэя за плечо.

– Ты не мог бы показать нам что-нибудь получше?

– Они не все такие, – говорит он. – В глубине зала есть и более развитые.

– Мне вполне достаточно, – говорю я.

– Но у других уже нет воды, – говорит он. – Они, м-м-м, они, в общем, живые. Они уже родились, если можно так сказать.

– Не стесняйтесь. Это всё равно ничего мне не говорит.

– А! – откликается Джеф. – В общем, видите ли что со мной произошло, дело в том, что моя регулировка вышла из строя. Мне всё время было слишком жарко.

– Это не особенно вас испортило, – говорю я. Я присоединяюсь к Гари, Энди и Майку.

– Некрасиво, – говорит Майк. – Но всё же интересно.

– Остается только узнать, как он их делает, – говорит Гари.

Джеф приходит на помощь.

– Он берет их совсем ещё юными, – говорит он. – Существует несколько способов. То он просто оплодотворяет специально отобранную женщину при помощи специально же отобранного мужчины, то про-1 сто оплодотворяет яйцеклетки, изъятые оперативным вмешательством, но так или иначе, оплодотворенная яйцеклетка изымается не позднее месяца У него

есть и другие способы, я всех не знаю.

– Тебя он хотел использовать для первого способа, – говорит Гари.

– Да, – отвечаю я. – Когда я смотрю на все эти штучки, у меня мороз по коже.

– Пойдемте, – говорит Джеф. – Я покажу вам следующий зал. Когда им исполняется год, он помещает их в специальный инкубатор, где они искусственно взрослеют при помощи кислородных ванн и всяких других систем. С трехлетнего возраста его подопечные способны воспроизводиться. За десять лет ему удалось создать четыре поколения. Я не могу показать вам трехлетние

экземпляры, их вчера перевезли... но зал позади вас.

– Ладно, – говорит Майк. – Сойдет и так.

Акт XX. ЖАНРОВЫЕ КАРТИНКИ.

– Вот чёрт! – говорит Джеф разочарованно. – Вы думаете, меня очень забавляет проводить всю жизнь в этой клинике извращенцев и делать вид, что всё это очень смешно? Раз уж я с вами, ведите себя, по крайней мере, так, будто вам интересно. – Послушайте, я вам ещё кое-что покажу... Сначала я не хотел, потому что это зрелище, которое я лично нахожу изнуряющим..., но наверху

есть ещё одна девица, которая сейчас, наверное, впрочем, пусть это будет для вас сюрпризом.

Мы все четверо смотрим друг на друга, а Нуну сплевывает на пол, делая отвратительную гримасу.

– Я сыт по горло, – говорит он. – Нет ли случайно в этой дыре какой-нибудь сучки?

Первый раз за всё время мы слышим, как он протестует, и Майк не очень уж на него сердит.

– У нас как раз есть ещё пять минут, – замечает Энди Сигмен. – Выньте руку из кармана, – продолжает он, обращаясь к Джефу, – пятнадцать раз было сказано.

– Я уже пятнадцать раз это делал, – парирует Джеф. – Вам приходится бороться со старой привычкой, ну а скоро вы будете совсем обескуражены. Пошли.

С некоторым облегчением мы покидаем зал, и стальная плита скользит на место, издавая тихий шелест хорошо смазанного металла. В девятый раз мы оказываемся в коридоре, и Джеф встает во главе нашей маленькой группы.

– Если бы я сказал, что вы сейчас увидите, – говорит он с самым невинным выражением лица, – вы бы и с места не смогли сдвинуться.

– Спокойно, Девэй, – говорит Майк. – Мы как-нибудь сами посмотрим.

Мы убыстряем шаг. Лифты совсем рядом.

И вот мы на самом верху здания
Никто из нас больше не знает, день
сейчас или ночь, так как свет по-
прежнему неумолимо бьёт в глаза. На
дверях – светящиеся номера, а
таблички с надписями, которые их
дополняют, остаются для нас простым
набором букв.

Джеф чешет вперед, словно кролик
по натертому паркету; я следую за
ним, тесно прижавшись к Энди
Сигмену. За нами идет Майк, затем
Гари; Нуну с явно неодобрительным
видом завершает процессию.

Теперь я совершенно уверен, что мы
идем по том самому коридору, по
которому меня тащили в первый раз.

Одна часть моего тела помнит это с
ещё большей точностью. Я буквально
наступаю на пятки Джефу Девэю,
мчащемуся галопом; наконец мы
останавливаемся у очередной двери –
сколько их тут? – почти в конце
коридора.

Джеф входит, не принимая никаких
мер предосторожности, и через три
секунды мы сбиваемся в кучу за его
спиной.

– Это вон там, внизу, – говорит он. –
Пошли. Он закрывает дверь и
зажигает маленький ночник. Слабый
свет которого вызывает у нас
желание заплакать от облегчения.

Нуну, слишком уж бурно
проявляющий чувства, даже пытается
задрать лапу на стену.

Джеф выходит на середину комнаты, наклоняется, дергает вделанную в пол ручку и откидывает панели размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров. Мы группируемся вокруг этого отверстия, и по правда сказать, лично я занимаю весьма удобную позицию относительно открывающегося там зрелища. Я успеваю бросить последний взгляд на Джефа и отметить что он совершенно успокоился (это само по себе весьма забавно), а затем погружаюсь в созерцание ляжек Цинтии Спотлайт, которая двумя метрами ниже пользуется услугами подопечного из серии «W» (по крайней мере, если судить по калибру орудия, которым он оперирует).

Джеф шепчет мне на ухо.

– Что касается меня, все эти трюки меня совершенно не возбуждают. Я столько их видел. Куда интереснее позабавиться в одиночку.

– Извини, – говорю я, – я отвечу несколько позже.

Я слышу возглас Гари. Должно быть, он узнав Цинтию по фотографии, которую нам показывал Мак в бюро пропавших без вести.

Я и подумать не мог, что девица может перенести подобное испытание с такой улыбкой... должно быть, это оттого, что я девственник... Он ворочает её, встряхивает, переворачивает, щекочет, ласкает, наваливается – и всё это каждые пять минут.

На секунду мне чудится, что рядом со мной Санди Лав; я сжимаю её плечи, но слышу голос Майка:

– Полегче, старина... это всего лишь я, к сожалению.

– Если хотите, я могу включить звук, – предлагает в ту же самую минуту Джеф, по-прежнему милый и предупредительный.

Он подходит к стене и нажимает какие-то кнопки. Пока усилитель разогревается, девица успевает пять раз сменить положение. Никогда ещё не видел мужика вроде этого самца, что возится под нами. Когда Джеф возвращается, я толкаю его локтем в бок:

– Произведение Шутца?

– Да, – отвечает он. – Серия «Т». Это группа специального воспроизведения.

Я ошеломлен игрой мускулов этого человека. Грудь у него в объёме не меньше метра шестидесяти, а вид такой, словно его разрисовали: он весь покрыт впадинами и выступами, которые некоторые бедняги не могут приобрести за десять лет ежедневных восьмичасовых тренировок. А я-то считал, что у меня великолепное телосложение... В прошлом году я получил титул Мистера Лос-Анджелес... теперь уж можно в этом признаться. Так вот, я думаю, что этот тип намного меня превосходит...

Я думаю обо всем этом несколько отвлеченно, ибо вот уже несколько секунд мы слышим, что происходит

внизу... Мне очень жаль, но при помощи человеческого голоса я не могу воспроизвести вам звуки, которые производит девица в этот момент. Он поставил её на ноги. Он держит её на вытянутых руках и не дает приблизиться, а она вопит... Она выкрикивает такое, что даже Нуну отворачивается, смутившись. Очень медленно мужчина привлекает её к себе... Она бьётся в его руках, пытаюсь ускорить ритм, но даже самому Гераклу было бы трудновато бороться против этих стальных мускулов, которые мало-помалу сжимаются. Она откидывает голову... Её полураскрытый рот учащенно дышит. Глаза девицы закрываются, и их теля по которым струится пот, плотно смыкаются... Ногти Цинтии глубоко вонзаются в плоть

колоссальных плеч, которые ей противостоят... А я, я спрашивая себя, что же со мной происходит. Раздается голос Джефа.

– Они будут заниматься этим ещё добрых два часа, – говорит он. – Если вам интересно, можете остаться, а я бы предпочел поиграть в черепаший бега или кошки-мышки...

Я с трудом поднимаюсь. Майк, Энди и я – мы избегаем смотреть друг на друга. Что касается Гари. Он спит. Пожалуй, это самое лучшее.

– Спасибо за спектакль, Джеф, – говорит Энди. – Возможно, это изменит направление моей карьеры, и этим я обязан именно тебе.

– Да? – говорит Майк. – Гм.
Действительно есть о чём
поразмыслить.

– Поразмыслить – не то слово, –
бормочет Энди. – Полагаю, подобные
развлечения не подходят мне по
возрасту.

Вид у него подавленный. Я шлепаю
его по спине...

– Пошли, Энди... не унывай. Сделаем
свое дело, а наступит наша очередь
немного поразвлечься. Когда всё
будет позади, я обещаю вам царское
угощение.

Джеф подходит к люку и закрывает
его. Нам слышно только дыхание
Цинтии через репродуктор! Майк
направляется к пульту, выключает
ток и вытирает пот со лба.

– Пошли отсюда, – говорит он. –
Хватит, насмотрелись. У нас есть
возможность заглянуть напоследок в
кабинет Шутца?

– Все кабинеты уже перевезли, –
говорит Джеф. – Я же сказал: доктор
переехал. Где-то в Атлантике,
километрах в ста семидесяти от
побережья, у него есть остров, он всё
перевез туда.

– На корабле? – спрашивает Энди.

– Ну да, как же, – говорит Джеф. – На
В-29. У него их целый склад. Всё
оборудование острова в целости и
сохранности: во время войны он
служил базой и теперь продан за
ненужностью.

– Смотри-ка, – говорит Энди. – Ты даже это знаешь. Определенно, Джеф, у тебя большие познания.

– О! – отвечает Джеф. – Если нечего делать, лучше всего заняться самообразованием. Моя эгоцентрическая сексуальная деятельность дает возможность пораскинуть мозгами. Ну что ж, пора уходить. Уверяю вас, здесь больше нет ничего интересного.

Джеф благополучно подводит нас к выходу, отдушине, через которую мы проникли в здание. Я уже ничему не удивляюсь, никто не мешает нам выйти, никто не стреляет вслед, и мы беспрепятственно добираемся до пробоины в крепостной стене, которая, как мне кажется, появилась совсем недавно.

– Вот здесь мы и вошли, я и Килиан, – объясняет Энди.

Гари кивает. Он ещё не совсем проснулся. Джеф, похоже, не собирается покидать нас. Как нам помочь этому типу?

– Не нервничайте, старина, – подсказывает ему Майк. – В клинике это сойдет, но за её пределами вы можете обратить на себя внимание.

– Тогда нужен какой-то заменитель, – вздыхает Джеф. – Скажите, жевательная резинка успокаивает?

– Да, вполне.

Он сует ему пачку, и Джеф принимается жевать. Мы добрались до машины Сигмена.

– Кора Лезерфорд всё ещё в багажнике? – интересуется Майк.

– Мы оставили её вместе с остальными у шефа полиции Сан-Пинто, – говорит Энди.

– Безумие! – восклицаю я. – Он наверняка куплен Шутцем.

– Я хотел сказать, у нового шефа полиции, – отвечает Энди. – Вот, взгляните на это, Рок, и вам всё станет ясно.

Он вытаскивает бумажник, открывает его, достает оттуда листок и протягивает мне. В бумаге говорится, что лица, ознакомившиеся с этим документом, поступают в распоряжение агента Фрэнка Сэя, уполномоченного ФБР вести расследование по делу доктора

Маркуса Шутца, врача и математика... Далее следует куча предписаний, в которых я уже ничего не смыслю. Я совершенно ошарашен.

– Вы и есть Фрэнк Сэй? – спрашиваю я Энди.

– Да.

– А Майк?

– Это его настоящее имя. Он тоже из ФБР.

– Значит, за свои шуточки с гранатами он ничем не рискует? – слегка разочарованно спрашиваю я.

– У каждого свои причуды... – отвечает Энди. – Мы вынуждены смириться с этим, потому что он отличный агент. Хотя наверху на это смотрят не так уж благосклонно.

Мы усаживаемся в такси Энди (я никак не могу привыкнуть к его новому имени), и он трогает с места.

– Скоро мы во всем разберемся, – говорит он. На улице полная темень – только сейчас до нас это доходит. Фары шевроле шарят по мостовой. Майк говорит в передатчик; можно представить, что он говорит на самом деле, но послушать его – тетя Клара только что разродилась четверней. У парней из ФБР наверняка куча разных шифров. Шум мотора снова усыпил Гари, а Джеф продолжает яростно работать челюстями. Отличный парень, но всё-таки слегка чокнутый.

– Куда едем? – спрашиваю я.

– Надо немного вздремнуть... – говорит Энди.

– Чёрт, мне совсем не хочется спать.

– Старик, надо восстанавливать силы. Завтра – последний рывок.

– Завтра?

– Завтра мы отправляемся на остров Шутца. Нас сбросят на парашютах. В это же время туда направится миноносец, и когда они будут у цели, всё должно быть закончено. Останется только погрузить на него этих голубчиков.

– И всё это предстоит проделать нам? – интересуюсь я.

– Ну, если вам ещё не надоело... Вы всё-таки с самого начала замешаны в

этом деле и прекрасно в нем разбираетесь... ну и самое главное.

– Что – самое главное?

– Вы прекрасно можете сойти за одного из подопечных серии Т.

Я ошарашен и в то же время довольно-таки польщен. Значит, несмотря ни на что, в итоге я могу соперничать с изделиями доктора Шутца. У Энди, очевидно, нет никаких оснований расточать мне комплименты понапрасну. Если он это говорит – значит, так и думает на самом деле... а это неплохой ценитель!

– И я с вами, – говорит Джеф.

– На это я очень рассчитываю, – отвечает Энди. – Вы смогли бы

внедриться в службу Шутца и, не привлекая внимания, сделать свое дело. А мы вдвоем разместимся где-нибудь на природе... Впрочем, с нами будут ещё четверо. Четверо верных людей.

Гари просыпается.

– Я тоже иду... – говорит он. – Какой сенсационный материал для «Калифорния Колл»!..

Вот уж на что мне совершенно наплевать.

Акт XXI. Я РАЗВРАТНИЧАЮ.

И вот в половине седьмого утра я оказываюсь один-одинешенек у себя

171
дома. Энди и остальные только что ушли. В час дня у нас назначена встреча на аэродроме – оттуда мы полетим на остров Шутца.

О том, чтобы заснуть в этот час, и речи быть не может. Напротив, было бы приятно и поучительно воспользоваться телефоном.

Я раздеваюсь, растираю тело одеколоном и надеваю роскошный халат оранжевого шёлка. Затем, обув кожаные сандалии, растягиваюсь на кровати, хватаю аппарат и набираю, как положено, шестизначный номер.

Отвечает мне заспанный мужской голос, и я нахмуриваю брови.

– Алло? Кто это?

– Рок Бэйли у аппарата. Это ты, Дуглас? Что ты делаешь у Санди Лав?

– Это – потаскуха. – бормочет Дуглас.
– Сволочь! Мерзавка! Лесбиянка!

– Что ты у неё делаешь? Отвечай!

– Я отвез её домой, – гневно сообщает Дуглас, – заплатил за ужин, кино, дансинг – за всё. Я истратил за этот вечер сорок семь долларов. Поднялся к ней выпить стаканчик. И думал уже, что дело в шляпе, и стал раздеваться, а она разъярилась. Хотел поцеловать её, а она врезала мне пепельницей по башке, схватила мои брюки и ушла, хлопнув дверью. Она сказала, что я могу лечь в её кровать, если именно этого я добиваюсь, а она хочет спать одна, а не развлекаться с сатиром, да

вдобавок ещё и уродом. И вот я без штанов и не могу вернуться к себе, потому что ключи остались в кармане. Так что я сплю здесь.

Он выразительно зеваает.

– Ты – хамло, – заявляю я. – Лучше оставь женщин в покое. Почему бы тебе не стать чемпионом по бейсболу? Спортсмены обычно не волочатся за бабами. Вот и не будет в твоей жизни разочарований.

– Да, – отвечает он. – Ну, я, пожалуй, буду спать дальше. В принципе, в кровати и одному неплохо. Пока.

Я вешаю трубку и набираю номер Дугласа. Удача. Милашка там и, похоже, сердита.

– В чём дело? – гавкает она. – Опять это ты, идиот?

– Это Рок, – говорю я. – Это старикан Бэйли.

– О! – восклицает она. – А я подумала, что этот кретин Дуглас Тфрак опять собирается предложить мне римские развлечения. В чём дело, Рок? Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Да, – говорю я. – Мой матрац слишком жесткий, его нужно маленько размять.

Ну, дети мои, если она не поняла, в чём именно мой матрац нуждается. Тем хуже, честное слово. Я девственник, и предполагается, что я не умею обращаться с женщинами.

– Хм, – говорит она. – Весьма странное предложение для порядочной женщины. Но, в конце концов, вы можете не знать о моей порядочности... так что я приду и сама вам это объясню. Где вы?

Пока я диктую адрес, мое сердце стучит на удивление сильно. Чёрт, хорошо вам говорить, ведь всё-таки в первый раз. Сумею ли я сделать всё как нужно? У меня нет даже самого элементарного учебника...

Впрочем, думаю, разберусь... Нужно только вспомнить всё, что я видел у доктора Шутца.

Я в темпе прибираю комнату. Всё, что валяется, запихиваю в ящики. Завтра горничная наведет порядок. Потом мчусь в ванную и собираюсь принять

душ, чтобы проветрить мозги, так как у меня складывается впечатление, что, если так будет продолжаться и дальше, я, пожалуй, начну без неё. И как раз в тот момент, когда вода устремляется мне на плечи, я слышу скрип открываемой двери. Вслед за тем раздаётся вкрадчивый голос:

– Роки? Где вы?

Она слышит шум воды и заходит, нимало не смущаясь. На ней брюки и чёрный свитер, вокруг хорошенькой шейки – нитка жемчуга, и это идет ей как отсутствие чего бы то ни было – Венере Милосской.

– Какая прекрасная мысль, Роки. Это пойдет нам на пользу.

В две секунды брюки падают, свитер улетает, и, да простит мне Боже, в

174
других предмета туалета нужды она не испытывает. Я не знаю, куда себя деть... Она вступает в квадратный бассейн, шторку которого я не успел задернуть.

– Подвиньтесь же... несносный вы человек... Разбудить приличную девушку в такой час... Роки... дорогой мой. Знаете, вы... прямо хочется встать перед вами на колени.

Сказано – сделано. Это происходит совсем не так, как я предполагал. Всё очень просто. Даже слишком. Мне ничего не нужно делать... Но она, надо сказать, очень хорошо во всем разбирается... Что и говорить, примитивный ручной способ куда надёжнее электродов папаши Шутца...

Я подхватываю её под руки и поднимаю...

– Санди, малышка... Не хотели бы вы начать историю с начала?. Я новичок, вы же знаете...

Она прижимается ко мне, а я прислоняюсь к ручке душа.

Вода брызжет во все стороны, и моя кожа начинает гореть. Я целую Санди сквозь тысячу струй, буравящих наши тела. Её рука направляет меня... Я приподнимаю её на несколько сантиметров, чтобы скомпенсировать разницу в росте. В моих руках она почти ничего не весит. Меня охватывает неопишуемое волнение... Она не хочет отстраняться даже на миллиметр.

– Санди, Это опасно.

Она закрывает глаза, улыбается и обзывает меня проклятым идиотом, болваном, сопляком; потом кусает меня за губу с бешеной силой... Я не могу больше сдерживаться и выхожу из-под душа, всё ещё держа её на руках... Путаясь ногами в ковре, ковыляю в комнату, и наконец мне удается приземлиться поперек кровати... Она с силой опрокидывает меня на спину...

– Роки... Давайте я вам покажу, коли уж это ... первый раз.

Я повинуюсь... Я стараюсь отметить свои впечатления. Ни малейшего сожаления я не испытываю... Но это не похоже ни на что, доселе мне известное.

Боже милостивый... Это даже приятнее, чем замороженные ананасы...

И так летит время, словно письмо воздушной почтой.

В конечном счете, именно доктору Шутцу я обязан тем, что потерял девственность на шесть месяцев раньше, чем предполагал. Доктору Шутцу и Санди Лав... Эта мысль приходит мне в голову, пока я рассеянно целую Санди в те части её тела, которые находятся у моих губ... Впрочем, неплохой выбор – они упруги и выпуклы, как калифорнийские фрукты, только намного приятней.

Всё видится мне как бы в легком тумане, и я не могу понять отчего –

то ли от ударов по голове, а может – от ухищрений подруги, которая так же активна, как и четыре часа назад, когда она переступила порог моей квартиры...

– Санди, – вздыхаю я.

Она закрывает мне рот, наваливаясь всем телом, и я понимаю, чего она ждет, – каким бы я ни был бестолковым. В одиннадцатый раз несложно врубиться. Судорога сводит мне скулы, так как я непрерывно работаю челюстями, но это такого рода судорога, что я охотно согласился бы терпеть её несколько дней кряду.

К счастью, сноровки у меня прибавилось, и её тело резко расслабляется, давая мне понять, что

она хочет пять минут передышки... для себя, а не для меня, так как я замечаю некоторое оживление в другом месте...

– Санди, – говорю я, – отдохнем немного... я умираю от усталости... Перекусим и начнем сначала... Ты же знаешь, я не спал четверо суток...

– Я тоже, – шепчет она, приподнимаясь и прижимаясь ко мне губами. – Но я – оттого, что мне очень тебя хотелось.

Мне приятно чуть-чуть полицемерить.

– У тебя ведь был Дуглас Тфрак, – говорю я. – Всё же на один вечер...

– Я уже провела два вечера, выслушивая планы введения в его

«Эстетику кино», – говорит она, удобно устраиваясь в моих объятьях.

– И тебе хватило?

– Мне больше нравится твоя эстетика... – шепчет она, покусывая мою грудь.

Левой рукой я ласкаю её остренькие груди, а она трется о меня, словно кошечка. Я приподнимаюсь и усаживаю её рядом с собой. Смотрю на часы. Одиннадцать. Через два часа я должен быть на месте... Я вскакиваю с кровати и плюхаюсь лицом в ковер. У меня подкашиваются ноги. К счастью, это длится недолго. Верно, горизонтальное положение куда лучше вертикального.

– Рок! – кричит Санди Лав. – Не уходи!

– Я должен, лапочка.

– О! – хнычет она. – В первый раз я встретила такого крутого парня и вот...

– Сегодня я ещё не совсем в форме. Подожди, в другой раз я покажу себя.

– Роки... мальчик мой. Это невозможно... Я не верю, что ты можешь уставать.

– О. – потягиваюсь я. – К счастью, это бывает редко. Увидишь, когда я вернусь. Кстати, советую подыскать на этот случай ещё какую-нибудь подругу... потому что теперь, когда я разобрался в нотах, мы немного ускорим темп...

Акт XXII. Я ВНОВЬ ПРИНИМАЮСЬ ЗА СВОЕ.

Ужасно не хочется покидать объятия очаровательной подружки, но стрелки часов не знают, что такое любовь, так что приходится им повиноваться. Я оставляю обнажённую Санди в спальне и на четвертой скорости спускаюсь вниз, чтобы поймать такси. Мне ещё нужно забрать свою машину.

Превосходно. Она здесь, у самой моей двери. Энди Сигмен работает быстро. Таким образом, я выигрываю пятнадцать лишних минут, и мне не придется нестись как угорелому.

По дороге я пытаюсь припомнить события последних дней, и надо

сказать, что вымотался я здорово, так как всё представляется мне весьма смутно.

Даже утро с Санди Лав... Боже мой, я всё-таки был прав, когда хотел задержать свое... посвящение, если можно так выразиться... То, что я проделал с ней, мне кажется совершенно нормальным и приятным, но это всего лишь утренняя гимнастика, а не. Мне кажется, я знаю всё досконально. Может быть, всё-таки существует ещё что-то неизведанное?

Мои знания на этот счет весьма плачевны. Обязательно придется навести справки! Конечно же, должны быть какие-то технические приёмы, которыми я не овладел. В противном случае... Хорошо, что я

сказал ей. Мне нужно сразу троих или четверых. Или же девицу объемного формата... Чтобы было чем занять руки...

В последний момент мне удастся увернуться от грузовика, уже готового продемонстрировать вблизи свой номер, пока для понижения кровяного давления я размышлял об овсяном пудинге. Я ненавижу овсяный пудинг когда мне было семнадцать лет, мать заставляла поглощать его килограммами, и мне приходилось прочищать горло кошачьим хвостом, чтобы воздать Господу ту часть, которая причитается бедным. Это не очень приятные воспоминания, и я чувствую, как мой пульс замедляется

почти до полной остановки. Именно это и было мне нужно.

Я приезжаю на аэродром за десять минут до назначенного часа. Майк и Энди уже здесь. Они представляют мне нескольких коренастых громил и одного худенького малого с чёрными глазами и умным выражением лица. От него веет холодом, но взгляд добреет от обращенной ко мне улыбки.

– Обер Джордж, – представляет его Майк Бокански. – Один из лучших агентов.

Я пожимаю ему руку. Похоже, команда в сборе.

– Рок, – говорит Энди, – самолет будет готов только через час с лишним. На вашем месте я бы зашёл

в ресторан пропустить стаканчик, а потом поспал бы немного.

– Я не устал, – отвечаю я.

– Ничего другого предложить не могу, – говорит Энди. – Мы с Майком должны за всем проследить и закончить первый рапорт. Обер составит вам компанию.

– А Гари?

– Мы позвонили ему, – говорит Энди.

– Он подъедет через час. Мы и вам звонили, но опоздали. Ваша секретарша нам сказала, что вы уже ушли.

– Ах да. – говорю я. – Это моя секретарша. Обер тянет меня в ресторан, окна которого выходят на взлетную полосу.

– Есть комнаты отдыха, – говорит он.

– Может быть, вы хотите прилечь?

– Один – никогда, – говорю я.

– О, – бормочет он, – наверняка вы кого-нибудь найдете. Там полным-полно официанток и горничных. Дело в том, видите ли, жена ждет меня в машине. Мне бы очень хотелось с ней попрощаться.

– Давайте, – говорю я. – Я сам как-нибудь разберусь.

Он поспешно уходит, а я оборачиваюсь и тут же обнаруживаю своих старых приятельниц Верил Ривз и Мону Соу, которых я представил вам ещё в начале истории – в «Зути Сламмер» у Лема Гамильтона.

1
∞
1

– О! Рок... наконец-то! – говорит
Верил. – Мы тебя ищем с утра. Гари
не захотел нам сказать, где тебя
найти, а, мм, твоя секретарша нас
очень плохо встретила... Она давно у
тебя, Роки, милый?

– С сегодняшнего утра.

– Кажется, я её узнала, – бормочет
Мона Соу.

– Наверное, вы видели её вместе с
Дугласом, – говорю я. – Это он мне её
подбросил.

– Ладно. По крайней мере, она
сказала, где можно тебя найти, –
говорит Верил.

Как она узнала? А! Понятно. Энди
сказал ей по телефону.

– Вы ко мне приходили?

– Ну да, Роки. Мы ведь уже три дня
не виделись. Пошли, мы на машине.
Не хочешь немного прокатиться?

– Чуть-чуть времени у меня есть, –
отвечаю я. Я иду за ними следом и
устраиваюсь в кадиллаке Моны,
Верил садится за руль. Мы срываемся
с места, и почти тотчас же машина
останавливается перед
восхитительной виллой.

– Здесь живут мои кузины, – поясняет
Верил. – Сейчас их нет дома. Пойдем,
выпьем чего-нибудь.

Мы оставляем автомобиль в саду и
подходим к дому. Погода так хороша,
как может быть только в Калифорнии.
Воздух прохладный и мягкий –
чувствуешь, что живешь уже только
потому, что его вдыхаешь...

- Останемся на улице, – предлагаю я.
- Здесь так восхитительно.

– Нам нужно с тобой поговорить, – заявляет Мона.

Чёрт побери! Не дадут передохнуть. Едва мы устроились в гостиной, как Верил пустилась в атаку.

– Что у тебя за девица, Рок? Ты с ней спал?

– М-м, это никого не касается, – говорю я весьма смущенно.

– Касается. Самым непосредственным образом Мы до сих пор оставляли тебя в покое, поскольку знали, что ты ждешь, когда тебе стукнет двадцать. Но коли ты держишь свои обещания таким образом, то мы и подавно не будем держать свои. Раздевайся.

– Но Мона, – говорю я жалобно. – Я падаю от усталости... Подождите несколько дней. Когда я вернусь...

– Только без песен, – говорит Верил.

– Ты в наших руках, и мы тебя не отпустим. Подумать только, что для первого опыта ты выбрал такую уродину!..

– У тебя нет вкуса, – подхватывает Мона. – У неё ни бюста, ни бедер, она худа, как гвоздь.

– Ну не здесь же, – жалобно бормочу я. – Сюда могут войти... Да и времени у меня нет.

– У тебя целый час, – говорит Берил.

– Этого вполне достаточно. Тем более что мы значительно облегчим работу.

– Давай-ка, снимай с себя всё, а то

1
∞
3 мы тебе поможем... Носки можешь
оставить.

– Хотя бы дверь закрой, Мона, –
прошу я.

– Ладно, – соглашается она, – дверь
я закрою, чтобы доставить тебе
удовольствие. Помоги ему раздеться,
Берил. И не шуметь. Как! Он выбрал
этого кузнечика...

Она щёлкает дверью,
поворачивается, расстегивает платье,
и её груди вываливаются наружу...
Да, это ни в какое сравнение не идет
с подобной частью тела Санди Лав...

Я ощущаю, если можно так
выразиться, покалывание в
поясничных впадинах... Чёрт, это
будет уже двенадцатый раз за одно
утро... Некоторое злоупотребление...

– Не так быстро, Мона, – протестует
Берил. – Мне за тобой не угнаться.

Мона суется вокруг меня... На ней
остались чулки и маленькая
кружевная штучка, которая их
поддерживает... Точно такого же
цвета, как и, м-м, в общем, точно
такого же цвета. Она теплая и пахнет
женским телом... а старый Роки не так
уж устал, как ему кажется. Она
снимает с меня рубашку, стаскивает
брюки... Я не сопротивляюсь. Труднее
ей приходится с нижним бельем,
которое цепляется за некоторые
части тела.

– Без шуток, Мона. Бросим жребий, –
визжит Берил.

1
8
4 На ней тоже ничего нет. Чулки она свернула до щиколоток. Я делаю сравнения.

– Ну так что, – говорю я. – Я же не торговец яйцами на ярмарке.

– Тихо, – приказывает Мона. – Она права: бросим жребий.

– Это несправедливо, – замечаю я. – Может, я кому-то отдаю предпочтение.

Говорить мне трудно. Эти девицы привели меня в такое состояние, что я хочу лишь одного. Неважно, какую из них, но немедленно.

– Ладно, – соглашается Мона. – Мы тебе завяжем глаза, а потом кое-что сделаем, и тогда ты скажешь, кто тебе больше нравится.

– Нужно связать ему руки! – кричит Берил, возбуждаясь всё больше.

Она бросается к окну и срывает шнурок от занавески. Я даю себя связать, так как уверен, что порву шнурок в нужный момент. Тут Мона хватает меня и роняет на ковер.

– Давай шарфик, Берил.

К счастью, я лежу на спине, а то мне было бы неудобно... Я ничего не вижу... Две руки ложатся мне на грудь, две ноги прижимаются к моим. Я готов завывать – так невыносимо ожидание. И вдруг кто-то из девиц ложится на меня... Я пронзаю её изо всех сил, она отодвигается, и вторая занимает её место... Я отчаянно дергаю шнурок, он рвётся... Она даже не заметила... В тот момент, когда она

1
∞
5 тоже собирается слезть, я крепко её захватываю. Одной рукой я держу её, а второй мне удастся ухватить ноги второй подруги. Я опрокидываю её на пол рядом с собой, и мои губы скользят вдоль её ляжек. Это мне нравится. Даже очень. Они легонько постанывают, еле слышно.

А время идет...

Как быстро бежит сегодня время!..

Акт XXIII. ВРАСКАЧКУ.

Я являюсь в пять часов, приезжаю в кадиллаке Моны аккуратно к самому отлету... Подруг я оставил у кузины. Надеюсь, они проснутся раньше, чем

кто-нибудь заглянет в дом. Лучше будет, если состояние, в котором они пребывают, для всех останется тайной.

Мои ноги с трудом удерживают тело, но когда представляю себя на их месте... я очень даже их понимаю. Энди, ухмыляясь, смотрит на меня.

– Так-так, Рок... вы, должно быть, ездили попрощаться с вашей матушкой?

– М-м-да, – говорю я. – Она задержала меня несколько дольше, чем я предполагал. Но вот я тут.

– Не хотите ли немного вздремнуть? – предлагает Майк. – Мы ещё не скоро будем на месте.

– Мы не можем позволить себе роскошь явиться туда среди бела дня, – уточняет Энди.

Всё уже почти готово. Обер Джордж тоже вернулся, и, если у меня под глазами такие же мешки, как у него, я понимаю, почему Сигмен откровенно надо мной посмеивается.

Вместительный самолет ожидает нас. Вокруг него суется какие-то люди. Проезжает машина и останавливается в двух шагах от нас. Из неё выходит Ник Дефато. С ним Гари...

Действительно, нам не хватало только его. Мы приветствуем Ника. Всем своим видом он выражает полное отвращение к происходящему.

– Задали вы мне работенку. – Негодует он, но не очень серьезно.

– Это не моя вина, шеф, – отвечаю я, прикидываясь смущенным.

– Будьте внимательны, дети мои, – говорит Ник. – Нынче вечером кондоры в полёте...

Гари хохочет. Должно быть, это дежурная шутка Гари, весь залепленный пластырем и измазанный йодом, производит впечатление египетской мумии, которую пропустили через стиральную машину. Если до высадки на остров Шутца он всё это не снимет, мы попадемся в два счета.

Затем Ник Дефато и Энди Сигмен обмениваются какой-то конфиденциальной информацией, а парни с самолета делают нам знак

подниматься. Кажется, скоро мы снимаемся с якоря.

Я устраиваюсь рядом с Обер Джорджем. Тот рассказывает мне, как он играл в театре. Единственная пьеса, в которой он преуспел, держалась на сцене лишь месяц. К тому же роль его состояла из десяти реплик: клиент входит, просит книгу и выходит. Он говорит мне, что пьеса была абсолютно дерьмовая (так прямо и говорит), но всё же они здорово повеселились. В порядке обмена опытом я рассказываю ему, как потерял сегодня утром девственность. Не вдаваясь в подробности, а то глаза его явно вылезут из орбит и покатаются по полу, словно жёлтые агатовые шары. Но и того, что я рассказал, вполне

достаточно, чтобы он окончательно проснулся.

Между тем происходит некоторое шевеление, и мы взлетаем. Так как эта прогулка носит чисто увеселительный характер, стюардесса отсутствует (ещё и потому, что самолет военный). Я не первый раз лечу в самолете и слегка пресыщен ощущениями, которые при этом испытывают. Энди где-то возле пилота, Майк сидит с Гари через два сиденья от меня. Самолет превосходно оснащен. Всё прекрасно. Я поглядываю на пейзаж за окном, на берег, над которым мы только что пролетели. Мы поднимаемся на большую высоту, и я засыпаю в кресле, максимально откинутом чьей-то заботливой рукой.



Акт XXIV. ПОЧТИ ЧТО ВСЁ В ПОРЯДКЕ.

Я пробуждаюсь от того, что Энди с силой трясет меня. Мне снилось, что я совокупляюсь с жирафой, и Энди поистине предостерег меня от дурного шага. Я благодарю его, и мы начинаем готовиться к выброске на остров.

Снаружи ещё светло, так как мы двигались за солнцем. Именно поэтому и был задержан вылет. Майк уже почти готов, а его люди одеваются. Обер, утопающий в стеганом комбинезоне, который превосходит его габариты в четыре раза, начинает декламировать

Шекспира. Делает он это на свой манер: то, что написал сам Шекспир, – уже с душком, но то, что делает из этого Обер, никак нельзя прочитать перед экзаменационной комиссией. Однако сейчас звучит вполне подходяще. Хорошее, даже игривое настроение царит в салоне В-29, оклеенном заботливыми руками экипажа восхитительными обоями в цветочек.

Энди Сигмен кладет передо мной грудю какого-то немыслимого инвентаря.

– Что мне со всем этим делать? – интересуюсь я.

– Возьмите с собой, – говорит он. – Без этого вы полетите недостаточно быстро.



Здесь есть абсолютно всё, что может представить человек с извращённым умом. Провизия, оружие, одежда, снаряжение, сигареты – всё, чем можно привести в полнейший восторг путешественника, двадцать пять лет блуждающего в бирманских джунглях. Мне ужасно не хочется взваливать всё это на спину – почему бы не спуститься налегке и разом не покончить с этим делом? Здесь есть даже подзорная труба с призматическими линзами и фотоаппарат – от всего этого недолго впасть в слабоумие.

Ну вот. Приступаем к действию.

Майк проносится передо мной с кучей одежд и мелких пакетов. Вид у него такой, словно он вернулся из

супермаркета. О-ля-ля, ну и работёнка...

Акт XXV. ВСЁ В ПОРЯДКЕ.

Тут всё идет как по маслу.

Мы прошли над островом. Остров довольно большой. Я боялся промахнуться и свалиться где-нибудь рядом, но теперь успокаиваюсь. В центре находится маленький вулкан, потухший, разумеется, с очаровательным круглым озерцом прямо на вершине. Оно поблескивает сквозь густые заросли. Мы прыгаем друг за другом – последний закрывает дверь, так как здесь всё хорошо воспитаны.

Мы спускаемся, разделенные несколькими сотнями метров.

Барахло при этом раскачивается за спиной из стороны в сторону. Энди прыгнул первым, я – четвертым. Мне было совсем не страшно, но всё же я несколько обеспокоен: болтаешься из стороны в сторону и думаешь – откроется ли эта штука, как они обещали. Я уже метров на пятьдесят ниже остальных, с моим-то весом. Нет ничего удивительного, что я падаю быстрее. Деревья приближаются – предположительно, мы свалимся на них. Выбросить нас на открытом месте не было возможности, так как это слишком близко от предполагаемого убежища доктора. Итак, мы подвергаемся некоторому риску, и каждый из нас должен постараться не расквасить себе

физиономию. Я уже различаю верхушки деревьев и начинаю тихонько тянуть за стропы и раскачиваться, чтобы в последний момент направиться в менее опасную сторону.

Чем ниже, тем быстрее. Я группируюсь, готовясь ухватиться за первую попавшуюся ветку. Хоп, вот и она... Она царапает мне руки, что-то сильно бьёт меня по черепу – месту весьма деликатному. Выворачивая руки и ноги, я кубарем лечу сквозь треск сломанных веток и завершаю свой путь в развилке двух ветвей. Я застрял по крайней мере в десяти метрах от земли. Невдалеке слышатся шум и всякого рода ругательства. Видно, кто-то из моих дружков приземлился удачно. Теперь нужно

быстро соображать, ещё довольно светло, так что меня могут легко обнаружить. Я совсем близко от ствола, но подо мной на протяжении трех метров нет ни одной ветки, за которую можно ухватиться, не совершив свободного падения. Я устраиваюсь поудобнее и начинаю разматывать моток верёвки, что привязан к моему поясу. На конце верёвки – стальной крючок. Я втыкаю его прямо в дерево. Затем надеваю перчатки и начинаю слезать.

Отлично. Спускаюсь, повиснув на согнутых руках. Боже, до чего же я тяжелый. Осматриваюсь. Ещё два метра. Сойдет. Отпускаю руки...

Я издаю пронзительный крик, очутившись верхом на верзиле, который уже пять минут поджидает

меня внизу. Он хотел всего лишь поприветствовать меня, не более, и тотчас же удалился. Подавив желание пуститься наутек, я направляюсь туда, откуда несколько минут назад доносился шум. Место встречи назначено на берегу маленького озера в северной части острова. Компас? Он здесь, на правой руке.

Оказывается, это Майк упал совсем рядом со мной. Он также обошёлся без увечий, но ему больно шагать, так как он со всего размаху уселся на толстенный сук. Майк, как человек старательный, уже сложил свой парашют. Я вспоминаю, что оставил свой на дереве вместе с верёвкой. Сообщаю ему об этом.

- Пойдем его снимем, – отвечает он.
- Он может нас выдать.

– Вы не думаете, что это уже произошло? – говорю я.

– Надеюсь. Мы и так скоро привлечём к себе, внимание.

Мы возвращаемся к моему дереву и не без труда стаскиваем парашют и верёвку... И тут я узнаю о существовании трюка, именующегося... Что ж, ловко придумано...

Затем мы направляемся к озеру. Лес очень густой, и кругом полным-полно колючей травы. К счастью, комбинезоны предохраняют нас, а этот островок не так уж необитаем – здесь есть хорошо протоптанные тропинки. За пятнадцать минут мы добираемся до озера. Берег сверкает

под луной, громадный обломок лавы намечает контуры крутых берегов.

Невдалеке мигает слабый огонек. Майк застывает на месте, всматривается...

– Это Сигмен, – говорит он. – Он ждет нас.

Мы подходим и констатируем, что Обер тоже здесь... Мало-помалу остальные выходят из леса, и мы оказываемся вместе. У Картера вывихнуто запястье, только и всего. Гари прыгает как кузнечик – спуск разбудил его как нельзя лучше. Обер подталкивает меня локтем.

– Жаль, нет здесь моей жены, – говорит он. – Озеро под лунным светом, – это явно бы её вдохновило...

особенно если учесть, что она венгерка.

Я не очень хорошо прослеживаю связь, о чём ему и сообщаю. Но это его ничуть не смущает.

– Это романтическая женщина, вы понимаете... этим всё и объясняется.

Если она действительно так романтична, мне нечего добавить. Энди начинает отдавать приказания. Решено, что двое наших останутся здесь: выбор падает на Картера и ещё одного – громадного рыжего парня с птичьей головкой. Они разобьют нечто вроде замаскированного лагеря для нашего снаряжения. Остальные пойдут брать форт Шутца приступом: оказывается,

здесь действительно есть барак, который вполне можно так назвать.

– Когда мы отправляемся? – спрашивает Гари. У нас есть «лейка» на поводке, и Гари не терпит взять след. Словно охотничья собака в поле, он вынюхивает заячье рагу (один мой приятель, специалист в этом вопросе, убедил меня, что собака может представить себе зайца только в этом виде; таким образом, она всё время пытается примирить реальность с заключительной стадией заячьей жизни).

– Не будем медлить, – отвечает Энди.

И действительно, через десять минут мы снимаемся с якоря. Энди указывает маршрут, и мы бодрым

шагом продираемся сквозь лесные дебри.

Я не считаю количество пройденных шагов – должно быть, что-то между 3407 и 3409. Мы выходим на равнину и дальше движемся по полям. Здесь очень много травы и японских касок – остатки войны, ещё недавно свирепствовавшей в этих местах.

Сейчас, должно быть, три часа утра.

Мы бесшумно продираемся вперед в некотором беспокойстве. Как ещё всё обернется? Земля сухая и твердая, растения ритмично хрустят под ногами.

По некоторым признакам я начинаю понимать, что мы недалеко от обитаемых мест. То тут, то там виднеются следы, и вот у нас перед

носом утоптанная дорога – она красуется под жёлтым взором луны, притворяющейся, будто смотрит в другую сторону.

– Стоп! – приказывает Гари.

Мы останавливаемся. Энди снова сверяет курс.

– Пошли.

Мы берем влево.

– Не шуметь, – приказывает Энди. – Уже совсем близко.

Ещё четверть часа... и я наступаю на пятки Джеймсона, который только что застыл передо мной. Обер тоже не промахнулся – он со всей силой врезался в меня сзади. К счастью, он не очень тяжелый.

– Не прижимайтесь ко мне так тесно, Обер, – говорю я – Венгерки необычайно ревнивы. Кстати, где вы отыскиали такое имечко? Вы канадец? Или кто?

– Могиканин, – говорит он. – Если бы, чёрт подери, я знал, почему меня так зовут!

– Т-с-с! – шепчет Энди. – Ну и ну, это ещё труднее, чем ловить рыбу гарпуном, стоя на роликовых коньках.

Перед нами высятся деревья, за ними угадывается огромное здание. Это большой низкий дом, полностью освещенный снизу доверху – вернее сказать, по всей ширине, если учесть, что верх находится примерно на том же уровне, что и низ, как это,

бесспорно, происходит со всеми одноэтажными домами.

Слышатся смутные отзвуки джаза, настоящего джаза... В окнах мелькают силуэты... Мы ещё слишком далеко, чтобы разглядеть.

Энди приседает на корточки, и мы делаем то же самое.

– Рок, – зовет меня Энди. – И ты, Майк. Идите-ка сюда.

Я подползаю. Майк тоже. Энди снимает громадный бинокль и протягивает мне. Свой я, естественно, оставил в лагере.

– Посмотрите!

Я смотрю... Всё как в тумане... Я подкручиваю колесико...

Ну и ну... весьма забавно.

На них ничего нет, кроме
восхитительных ожерелий и
браслетов из цветов. Нет, я
преувеличиваю...

У одного – гирлянда на груди и
цветная лента на голове.

– Раздевайтесь, – приказывает Энди.
– Обер и Джеймсон, нарвите цветов и
сплетите венки...

– Но я не умею! – скулит верзила
Джеймсон.

– Идем, не волнуйся, – говорит Обер.
– Это азы искусства. Сразу видно, что
ты не играл в театре. В театре всё
научишься делать.

Я повинуюсь приказу и вскоре
предстаю в самом что ни на есть

легком наряде. Те, кто не занят
сбором цветов, тут же меня
обступают.

– Ничего себе, – говорит Николас. –
Так это же Мистер Лос-Анджелес за
прошлый год!

Я начинаю хохотать. У меня хороший
портной, и когда я одет, не может
быть никакого сомнения насчет моей
анатомии (родители помогли мне в
самом начале).

– Совершенно верно, – отвечаю я. –
Но гордиться тут нечем. Все
принимают меня за идиота.

– Они не так уж ошибаются, –
зубоскалит Гари.

В это время Майк Бокански, в свою
очередь, освободился от одежд.

Честное слово, мы не так уж диссонируем, стоя рядом. Этот парень Майк – на высоте.

Обер закончил прехорошенький браслет из цветов зинзигастробии и протягивает мне. Он мне очень идет. Джеймсон ограничился сбором цветов. Первый его венок – отвратительное свинство, и он больше не упорствует.

– Присоединяйтесь к ним, – говорит Энди. – И возвращайтесь поскорее, как только получите нужные сведения.

– А если мы ничего не узнаем? – спрашивает Майк.

– Я полагаюсь на вас, – отвечает Энди.

– Досадно, – жалуется Майк, – что со мной нет ни пса, ни гранат. Я совершенно безоружен.

– Как-нибудь разберетесь, – отвечает Сигмен. – Давайте пошевеливайтесь.

– Ладно, шеф, – говорит Майк. – Пошли. Он надевает украшения, и мы устремляемся вперед, шутки ради сцепившись мизинцами. Мужики втихаря захлебываются от смеха.

Поначалу мне немного неловко от моего костюма, но ночь такая чудная... И потом, похоже, на этом странном острове всем на всё наплевать. Я ожидал встретить Шутца в броне, за изготовлением роботов, которые захватят Америку или что-нибудь в этом роде... И вот – ничего подобного... Скромный

198 дипломатический приёмчик у сатиров...

Мы идем по дороге, вдоль которой тянутся клумбы. Музыка слышна всё отчетливей.

На неожиданном повороте я вижу, как Майк, идущий впереди меня, резко вздрагивает.

На обочине – распятый человек. Мужчина, тоже голый. Очень белокурый, совершенно бледный. Зияющая рана рассекает ему слева грудь. Он прибит к стволу стальными колышками, пронзившими его прямо в сердце.

На шее болтается табличка:

«ДЕФЕКТ ВНЕШНОСТИ».

Майк хватает меня за руку, даже не отдавая отчета, что сжимает очень сильно...

– Что это? – бормочет он. – Разве у него есть какой-нибудь дефект внешности?

– Ну. – Говорю я. – Теперь-то я уже с ним не поменяюсь, но раньше поменялся бы без разговоров.

– Он мертв, – говорю я вдобавок.

– В самом полном смысле слова, – отвечает Майк. Он, как обычно, хладнокровен, но всё же несколько смущен.

– Идем дальше или возвращаемся?

– Идем дальше, – говорит Майк – А там посмотрим.

Внезапно я начинаю ощущать, что не так уж и тепло, когда на тебе ничего нет. Что это за дефект внешности такой, если его не видно? Может, это просто предлог?

Мы подошли совсем близко и стараемся идти как можно тише. Перед нами – пара, идущая навстречу... Проходит мимо...

– Хм, – Майк поражен. – Если остальные такие же, как эти двое, я понимаю, почему они убрали того приятеля.

Никогда ещё мы не видели таких ослепительно красивых существ... Они даже не подняли головы, заведя нас. Просто прошли мимо,

безразличные, держась за руки. Мужчина и женщина, так же легко одетые, как и мы – несколько цветочков...

– Слушайте, Майк, вы действительно думаете, что у нас есть шанс пройти незамеченными? Я чувствую себя до краев переполненным дефектами внешности. Мне кажется, я самый катастрофический случай...

– Вы – ещё куда ни шло, – говорит Майк. – А вот я... – Я пристально его разглядываю. Впрочем, нет ничего такого, что можно подвергнуть критике. Разве что слишком обильный волосяной покров.

Я делюсь с ним своими соображениями.

– Ах, чёрт, – говорит Майк. – Если только это, может быть, пронесет... Как-никак я не собираюсь вырывать эти хорошенькие волосики ради прекрасных глаз доктора Шутца. Посмотрите налево, – заканчивает он безо всякого перехода.

Слева от меня – совершенно обескровленное тело. Длинный железный стержень пронзает горло. Голова запрокинута – металлический стебель пригвоздил её к земле...

На шее болтается табличка с теми же зловещими словами.

– О-ля-ля, – говорю я. – Какой странный приём. Как вы думаете, их разложили здесь в нашу честь?

– Нет. Тс-с-с, – шепчет Майк.

Мы только что вышли на открытое место. Двенадцать или пятнадцать пар медленно танцуют, в то время как другие прохаживаются, приходят и уходят, смеются, пьют, курят...

Теперь нужно действовать осмотрительно.

Акт XXVI. СЕКРЕТЫ МАРКУСА ШУТЦА

В нескольких метрах от нас – три женщины. Они разговаривают с рассеянным видом и, похоже, выжидают, когда на них обратят внимание. Я собираю всё свое нахальство и приглашаю одну на танец.

Клянусь вам, первый раз в жизни я без тени смущения танцую с женщиной, всё одеяние которой состоит из обширного венка красивых цветов. К счастью, Санди Лав и мои старые подружки Берил и Мона кое-чему меня научили. И всё же это не совсем то. Грудью я ощущаю напор двух круглых упругих шаров, а мои ноги приходят в соприкосновение с гладкой и свежей плотью партнёрши... Я придвигаю её чуть ближе к себе; теперь мне хочется, чтобы пластинка, если это пластинка, не останавливалась слишком рано или же остановилась немедленно.

Майк тоже танцует. Третья женщина удаляется, даже не глядя на нас.

Я подскакиваю два раза подряд, так как замечаю две совершенно

идентичные фигуры. Впрочем, наш визит в клинику Сан-Пинто уже просветил меня на этот счет. Кстати, где Джеф Девэй? Что с ним случилось? Столько всего приключилось с тех пор, как я вернулся в Лос-Анджелес, что я совершенно забыл, что он должен был нас сопровождать.

Я в нерешительности. Нужно ли заговорить с этой женщиной?.. Но она начинает первой.

– Из какой вы серии? – бросает она мне – На вид из серии «8».

– Совершенно верно, – говорю я, довольный этой подсказкой. – А вы?

– Только лишь «О», – говорит она со стыдом. – Я и не думала даже, что доктор позволит вам прийти. Ведь это праздник «О».

– Я всё устроил, – отвечаю я –
Знаете, в одной и той же серии все
так похожи друг на друга... Не хватает
шарма.

– Да, – говорит она. – Доктор тщетно
пытается создать разные лица –
всегда есть что-то общее... Я очень
рада, что разговариваю с «8».

Она изъявляет мне свое
удовольствие, и я вынужден ответить
тем же.

– Доктор придет позже. Уже скоро.
Вы хотите, чтобы мы сразу же пошли
на луг?

– Хм, – говорю я, слегка смутившись.

Чем там занимаются на лугу? Я
представляю весьма смутно.

– Сегодня мы имеем право, – говорит
она. – Это не опасный день.

Я начинаю понимать, о чём идет речь.

– Может, лучше поболтаем? –
предлагаю я.

– О!.. – восклицает она. – Болтать...
Что ж, забавная идея... Но это не
очень-то интересно... Мне гораздо
больше хочется заняться любовью с
кем-нибудь из серии «8».

Трудно отказаться... К тому же я не
могу сказать, что это мне не
нравится. Помимо своей воли я уже
начал доказывать обратное. Господи
Иисусе! Что за день!

В танце она увлекает меня к
деревьям, и в их тени мы наконец
размыкаем объятия. Она хватает меня

за руку и тащит за собой. Где Майк?
Плевать мне, где он.

Мы катимся по густой пахучей траве.
Девушка до крайности возбуждена.

– Скорее, – вздыхает она. – Скорее.
Умоляю вас...

Чёрт, если и дальше дело пойдет в
таком темпе, это уже не смешно. Я
начинаю входить во вкус
предварительной игры и даю ей
понять это. К тому же это какой-
никакой, а отдых.

После трех физкультурных
упражнений я вынужден заткнуть ей
рот рукой, чтобы она не вопила так
громко. Она извивается, словно
угорь, разрезанный на три части.
Слишком уж она совершенна. Ищешь
неправильные черты, аномалии. Ни

единого дефекта внешности. И в то
же время – поразительное упорство.

– Ну давайте. Сменим место... Трава –
это приятно, но растянуться на
красивой шкуре... это так
расслабляет. Я слишком трезва. Мне
хотелось бы потерять голову.

– Чему же вас учили? – спрашиваю я.

– Подчиняться командам, – говорит
она сдавленным голосом.

Пожалуй, я должен сказать ей, чего
мне надо. Но я не решаюсь. И потом у
меня слишком богатое воображение.

– Предоставьте мне действовать, –
шепчу я ей на ухо. – Так будет
удобнее.

Дело в том, что есть ещё некоторые
тонкости, которых мне не хватило

наглости освоить с Санди Лав, Верил и Моной. Впрочем, это вас совершенно не касается.

На этот раз силы покидают меня через полчаса. Отсутствие тренировок или переизбыток их – всё вместе. Она между тем совершенно инертна. Наконец её сердце начинает стучать. Всегда так... Я встаю, покачиваясь из стороны в сторону.

Я просто-напросто бросаю её валяться здесь. Что за страна!

Я возвращаюсь на бал. И нос к носу сталкиваюсь с Майком.

– Где ваши цветы? – спрашиваю я.

– А ваши? – отвечает он. – Кто это укусил вас за ключицу?

– Это секрет, Майк. Что вы разузнали?

– Эти самки такие пылкие, просто ужас, – бормочет Майк.

– Разве это плохо? – говорю я. – Но что касается сведений для Энди, то этого маловато. Майк!.. Смотрите!.. Какой-то старикан!

Среди танцующих только что появился мужчина.

Высокий, с серебристыми волосами. Он в белых брюках и белой шёлковой рубашке. Он идет прямо на нас.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает он. – Сегодня не ваш день.

Он всматривается в меня и слегка улыбается.

– А! Это наш дорогой господин Рок Бэйли... Рад вас видеть... Я принял вас за, хм, за одного из своих подопечных.

– Серия «8», – уточняю я. Его улыбка становится шире.

– Серия «8», так точно.

– Майк Бокански, – говорю я, указывая на Майка.

Майк кланяется.

– Я – Маркус Шутц, – представляется человек. – Ну что же, господин Бэйли... Я очень рад, что случай привел вас ко мне... Вы уже ознакомились с моими владениями в Сан-Пинто, насколько мне известно... Здесь – гораздо приятнее... Чувствуешь себя более спокойно.

– И потом, можно ликвидировать людей, которые страдают дефектом внешности, – заявляет Майк.

Он поднимает тонкую руку в знак протеста.

– Они сами кончают с собой... Здесь это считается пороком. Я воспитываю у них особое отношение... Они так устроены, что сама мысль об уродстве для них ужасна. В тот же день, когда они замечают в себе какое-нибудь несовершенство, они сами себя ликвидируют. Так как, несмотря на это, они очень красивы, мы несколько дней сохраняем тела. Мои садовники тщательным образом раскладывают их у входа во владения.

– Как продвигаются ваши опыты? – интересуюсь я.

– Боже мой. Меня немного беспокоили в последнее время. Должен признаться, у меня были большие неприятности с моими секретарями, братьями Петросянами... Я заметил, что они организовали маленький бизнес у меня за спиной. Ничего серьезного – операционные фотографии... Дело шло довольно бойко, но это привлекло ко мне внимание, и я попросил их прекратить...

– Для этого вы нашли хороший способ, – говорит Майк.

– В моей команде отличные стрелки, – отвечает Маркус Шутц. – Скажите-ка мне, Бэйли... Как-то вечером я пригласил вас к себе. Почему вы отказали молодой леди, которую я вам предложил? Вы ведь любите

женщин, не так ли? Заметьте, лично у меня несколько другие вкусы... Но я откровенно не понял причину вашего отвращения.

– Я неплохо помню двух ваших санитаров, – говорю я – Я тут случайно одного из них встретил, но если мне когда-нибудь придется наложить руку на второго...

– Это отличный малый, – говорит Шутц. – Не стоит относиться к этому предвзято. Вы быстро всё забудете. Пойдемте, выпьем что-нибудь.

Совершенно ошеломленные, мы с Майком переглядываемся.

– Не удивляйтесь, – говорит Маркус Шутц. – У всех, кто видит меня в первый раз, точно такая же реакция. Я не произвожу впечатление того,

кем являюсь. Ответьте мне, – добавляет он, поворачиваясь ко мне.

– Вы согласны погостить у меня несколько дней? Мне очень хочется познакомить вас с восхитительной барышней Вы будете не столь... упрямы, как в первый раз, я надеюсь – и если господин Бокански согласится. Мне кажется, он как раз желаемого габарита... Я мог бы подыскать кого-нибудь и для него.

– Вы что, за хряка меня принимаете?

– говорит Майк довольно грубо.

– Ну-ну, – извиняется Шутц. – Не нужно таких слов... Я люблю красивые создания и стараюсь производить их как можно больше. Но я хочу разнообразия, которого могу добиться лишь частой сменой базовых воспроизводящих... Я говорю

вам откровенно... Надеюсь, мы всегда будем откровенны, все трое... Похоже, ваш друг прямолинеен, – продолжает он, обращаясь ко мне. – Он использует малоупотребительные слова, но это тоже своего рода откровенность. Такое приятно слышать.

Мы поднимаемся на крыльцо белого камня и проходим в огромную восхитительную виллу.

– У меня много людей, о которых нужно заботиться, – говорит Шутц, – так что мне пришлось купить целый остров. У меня есть серия, которая работает в полях, у меня есть люди для всего... Когда создашь первого, продолжать уже не трудно.

– Кто натолкнул вас на мысль создавать живых людей? – спрашивает Майк.

– Люди слишком уродливы, – говорит Шутц. – Вы заметили, что по улицам ходит огромное количество некрасивых людей? Так вот, я обожаю гулять по улицам, но прихожу в ужас от этого уродства. Поэтому я построил свою улицу и создал восхитительных прохожих... Я заработал очень много денег, когда лечил миллиардерам язвы желудка. Но с меня хватит. Мне этого вполне достаточно. У меня свой девиз: «Уничтожим всех уродов»... Забавно, не правда ли?

– Это возвышенно! – отвечаю я.

– Естественно, здесь некоторое преувеличение, – говорит он. – Их ведь не уничтожают в прямом смысле.

Мы подходим к большому, покрытому скатертью столу, на котором поблескивают стаканы, бутылки, лед и всякое другое, что заставляет нас неотвратимо думать о выпивке. Проходящие мимо парочки не обращают на нас ни малейшего внимания.

– Я делаю для людей много всяких пустяков, – продолжает Шутц. – Разумеется, я не ограничиваюсь выращиванием детей в колбах – это мелочи. Я воспитываю их тело и ум, а затем выпускаю их на природу. Или же делаю своими помощниками. У меня есть серьезные успехи. Например, звезда Лина Дарделл... Это

мое произведение. Именно поэтому нигде нельзя прочесть её биографию. Десять лет назад она была ещё в колбе. Ускоренное старение, это проще простого. Временная акселерация в необходимом ритме, ускоренное окисление, и всё пошло само собой! Важный момент – это селекция... Потому что, несмотря ни на что, ещё очень много брака... шестьдесят процентов примерно...

– И много у вас подопечных, ставших знаменитостями? – спрашивает Майк.

Шутц смотрит на него.

– Дорогой мой Бокански, если бы вы в этом сомневались, вас бы здесь не было.

– Вы ошибаетесь, – уверяет Майк. – Ничего из того, что вы рассказали, я не знаю...

– Полноте... полноте, – иронизирует Шутц. – Представьте себе, я в курсе.

Он поворачивается ко мне.

– Вот уже пять матчей команда Гарварда проигрывает Йелю, – говорит он.

– Футбол? – спрашиваю я.

– Да. Пять матчей подряд. Это уже кое-что. И почему?

– Потому что Гарвард слабее.

– Нет, – объясняет Шутц. – Потому что команда Йеля сильнее. Команда Гарварда – лучшая в Америке, но

команда Йеля вышла из моей лаборатории.

Он ухмыляется.

– Только это ещё нужно доказать, что и является причиной визита Майка Бокански и Энди Сигмена ко мне в Сан-Пинто. Сколько вы получили от Гарварда, чтобы всё перетряхнуть в моем доме? – продолжает он, обращаясь к Майку.

– Нисколько, – отвечает Майк. – Клянусь честью.

– У вас нет чести, – говорит Шутц, – И это вас ни к чему не обязывает.

– Я здесь совсем по другому поводу, – говорит Бокански. – Речь идет не о спорте. Вы это прекрасно знаете.

– А, – говорит Шутц – Если вы говорите загадками, я вас больше не слушаю. Пойдемте, посмотрим моих внучек, мы и так потеряли много времени. Если вы уделите мне всего лишь час, я вас оставлю в покое.

– Послушайте, – возражаю я. – Я в буквальном смысле разваливаюсь на части. Всего лишь двадцать четыре часа назад я был абсолютным девственником, и, уверяю вас, я жалею об этом времени. С восьми утра я не могу остановиться.

– О, – говорит Шутц, – одним разом больше, одним меньше... Пошли...

Мы проходим анфиладу огромных светлых комнат; большие окна выходят на море, существование которого смутно представляешь себе

ночью. Утро ещё только-только занимается. Наконец перед нами лестница, ведущая вниз.

– Опять под землю? – говорю я.

– Там очень хорошо, – отвечает Шутц. – Постоянная температура, отличная звукоизоляция, безопасность...

Мы углубляемся в земное чрево – надо сказать, весьма аккуратное, с надраенными трубами. Доктор идет впереди, Майк за ним, я завершаю процессию.

– Вернемся к нашему разговору, – говорит Майк. – Меня интересует: кто такой Поттар?

Шутц не отвечает и продолжает идти как ни в чём не бывало.

– Вы слышали о Поттаре? – настаивает Майк. – Рок, вы знаете Поттара?

– Ну да, так же, как и все, – отвечаю я. – Я читал его статьи. Но ни разу не видел.

– Никто не знает, кто такой Поттар, – продолжает Майк задумчиво, словно размышляет вслух. – Но за Поттаром двадцать миллионов американцев, и они готовы повиноваться ему, как только он подает знак. А Каплан?

– Я знаю, кто такой Каплан, – говорю я. – Это он недавно вел кампанию против Кингерли.

– Каплан появился в политическом мире четыре года назад, – продолжает Майк. – И он развалил все проекты Кингерли, человека,

который уже двадцать лет компрометирует себя. Мы ничего не знаем о Каплане... Но если сравнить теории Каплана и Поттара... удивительная вещь.

– Я не особенно интересуюсь политикой, – замечает Шутц.

Мы продолжаем идти по бесконечным коридорам. На полу – толстая розовая ковровая дорожка, хромированные бра освещают проход.

– Каплан и Поттар нравятся толпе, – продолжает Майк. – Они красивые, умны, очаровательны... но они играют в опасную игру. Они угрожают безопасности Соединенных Штатов.

– Возможно, вы правы, – говорит Шутц. – Но повторяю вам: меня это

мало интересует. Прежде всего, я эстет.

– Каплан и Поттар – ваши произведения, – заключает Майк холодно.

Молчание Шутц останавливается, и леденящий взгляд его серых глаз устремляется на Майка.

– Послушайте, Бокански, – говорит он. – Избавьте меня от ваших шуток. Поговорим о чём-нибудь другом. Очень вас прошу...

– Ладно, – говорит Майк. – Не буду настаивать. Но не ждите, что я поверю, будто вас интересует только физический облик людей. Я прекрасно знаю, что трое из пяти опасных для нынешнего правительства политиков воспитаны и

ориентированы вами... Впрочем, мои поздравления – ваша система безупречна.

Шутц заливается смехом.

– Послушайте, Бокански. Я было уже совсем рассердился, но вы говорите об этом так серьезно, что я вас прощаю. Я, Маркус Шутц, иду на подрыв всех сфер общества, чтобы наложить лапу на рычаги управления!? И потом, дорогой мой, вы, верно, шутите. Да я на своем острове всё равно что некоронованный король, я предаюсь своим опытам в полной безопасности.

– Не будем больше об этом, – говорит Майк. – Где ваши девочки?

– А! – соглашается Шутц. – Так-то оно лучше. Мы уже пришли.

Он пропускает нас в просторную комнату, в центре которой находится письменный стол. Он подходит к нему, выдвигает наполненный карточками ящик и начинает их перебирать.

– Так, – говорит он. – Залы 309 и 310. Я позову их, и через час вы свободны... Свободны в том плане, естественно, что можете убраться отсюда, так как я, конечно, люблю юмор, но до тех пор, пока он не переходит некоторые границы.

– Клянусь, у нас нет намерения расположиться здесь надолго, – отвечаю я. – Если бы вы с такой настойчивостью не просили нас остаться, мы бы уже вернулись назад.

– Вам, должно быть, и самим смешно,
– продолжает Шутц. – Забраться в В-29, высадиться на остров на парашютах, раздеться догола и захватить дом бедного старичка, который выращивает человеческие растения так же, как другие разводят орхидеи, – воистину, это не приумножит вашей славы...

– Признаю, это идиотский поступок, – кивает Майк.

У меня создается впечатление, что Майк чувствует себя сраженным на месте.

– Как бы то ни было, – продолжает Шутц, – идите за мной. Я вас проведу.

Он снимает телефонную трубку.

– Пошлите К-13 и К-17 в залы 309 и 310, – говорит он.

Он поворачивается к нам.

– Обе они строго идентичны. Если вы предпочитаете остаться вчетвером – естественно, у вас могут быть на этот счет свои взгляды – эти комнаты смежные.

– Спасибо, – говорит Майк. – Мы воспользуемся вашим разрешением.

Шутц рассеянно кладет трубку на место.

– Ну пошли.

Мы следуем за ним. У комнаты 309 он останавливается, и Майк входит внутрь. Я переступаю порог следующей.

– До скорого! – кричит нам Шутц, удаляясь. Охрана его коридоров весьма серьезна. С тех пор как мы спустились вниз – ни одной живой души.

В комнате меня ожидает чертовски красивая барышня, огненно рыжая.

– Привет, – говорит она. – Вы, по крайней мере, из серии 8?

– Я вольный стрелок, – заявляю я. – Работаю только на себя.

Кажется, она слегка удивлена.

– А как вы здесь очутились?

– Всякое случается, – говорю я. – Если бы в жизни не было тайн, она была бы не такой забавной.

Я направляюсь к смежной комнате и вхожу без стука.

Майк сидит на кровати. Перед ним – точная копия моей подруги.

– Ну как, Майк, – говорю я. – Вы уже ощущаете последствия?

– Мне начинает надоедать, – отвечает он. – Во-первых, я этого ужасно боюсь, и потом – одного раза в неделю мне вполне достаточно. Что, если мы оставим их объясняться наедине?

– Прекрасная мысль, – говорю я. Я возвращаюсь в другую комнату.

– Пошли, Салли, – говорю я. – Мы сейчас будем играть.

– С удовольствием.

Она на ходу прижимается ко мне и начинает обычную возню. Я остаюсь безучастным.

– Я вам не нравлюсь? – спрашивает она.

– Да нет же, лапочка, – отвечаю я. – Но я – гомосексуалист.

– Что это значит?

– Это значит, что я люблю только себе подобных. Так вот, если вас это не очень шокирует, вы порезвитесь немного с Мэри.

– Почему вы нас так называете? – спрашивает она.

– Не люблю номера, – отвечаю я.

Она смотрит на меня с беспокойством, но всё же идет.

Завидев её, Майк издает возглас удивления.

– Не может быть, – говорит он. – Чертовщина какая-то. Не могут они быть похожими до такой степени.

– Почему же? – протестует Мэри. – Мы близняшки из одной серии. Вы же прекрасно знаете.

– Это возмутительно, – говорит Майк.
– Жениться на такой вот и всё время думать, что она вам изменяет.

– Но нас двое, – возмущается Салли.
– Двое, вы понимаете?

– По крайней мере, вы знаете, чем могут заняться две хорошенькие девушки наедине?

– Это строжайше запрещено, – говорит Мэри.

– Скажу вам вот что, – заявляет Майк. – Я не могу с вами спать, потому что мне запрещают это врачи. Я очень слаб здоровьем и всё время должен отдыхать.

– Вы вовсе не хотите отдыхать. Это весьма заметно.

– Не обольщайтесь, – говорит Майк. – Это всего лишь рефлекс, вроде трупного окоченения. Так что это ровным счетом ничего не значит. Подойдите сюда, вот вы.

Он хватает Салли.

– Я хочу, – говорит он, – как-нибудь пометить вас для различия.

Он сажает её себе на колени, и она прилагает максимум усилий, чтобы это к чему-нибудь привело, но он

довольствуется тем, что сильно кусает её в левое плечо. Она кричит и вырывается. Он засасывает кожу и отпускает её. Получился весьма живописный синяк.

– Таким образом, мы вас больше не спутаем. Теперь, Мэри, ложитесь-ка на кровать.

Он хватает её и заставляет лечь. Тяжело дыша, она уступает. Он берет за руку Салли, разворачивает и кладет сверху.

Они отстраняются друг от друга, розовые от смущения.

– Но. – мы никогда этого не делали, – смущенно говорит Салли.

– Многие люди прекрасно этим занимаются, – заверяет Майк. –

Обнимитесь. Это очень приятно, вы увидите.

Он садится на корточки и притягивает их друг к другу.

Мэри начинает уступать и уже готова поцеловать Салли. Вскоре с помощью Майка они приходят в полную активность. Время от времени Майк с размаху шлепает их по задницам.

– Давайте, давайте, дорогие мои, – приговаривает он. – Это никому не причинит вреда, и вдобавок у вас не будет детей.

Надо заметить, довольно приятно смотреть, как две хорошенькие девушки занимаются любовью. Для меня это зрелище в новинку, но я очень быстро к нему привыкаю. Волосы Мэри обвивают атласную

кожу Саллиных ляжек... Салли первой размыкает объятия и откидывается, кудахтая от удовольствия... У второй на этот счет другое мнение.

– Давай дальше, уродина. Я разве останавливаюсь?–

– Ну, малышка, не расстраивайся, – говорит Майк, – В конце концов, мой доктор, должно быть, не совсем прав.

Он ложится на кровать и, обняв Мэри, притягивает её к себе. Она извивается и прижимается спиной к животу Майка. Тот действует с поразительной точностью.

Чёрт побери... а как же я. Я, кажется, слегка переборщил. Отворачиваюсь и ухожу в другую комнату. Развлекайтесь, дети мои. Я же

немного подремлю. Я вытягиваюсь на кровати и закрываю глаза.

Пять секунд. Я сплю...

Акт XXVII. НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ.

Я пробуждаюсь от мощного удара кулаком. Открываю глаза. Рядом со мной, тяжело дыша, стоит Майк. Он весь в поту.

– Рок, – говорит он, – помогите мне. Мне с ними не управиться. Давайте поколотим их как следует, иначе они нас в покое не оставят.

– Дорогой Майк, – я ещё толком не проснулся, – это ведь ваша вина.

– Ну помогите же мне, Рок, – просит он.

– Вы вполне можете справиться без меня, – отвечаю я. – Всё, что вы говорите – рассказы старого импотента, скрытое самобичевание.

– Рок, клянусь вам, когда я прибыл на этот остров, я был девственником. Я читал книги и знал теорию, но никогда не прикасался к женщине.

– Ну и что! И вам не стыдно! – говорю я.

Я с трудом удерживаю смех, глядя на его расстроенную физиономию.

– Стыдно, – говорит Майк. – Но меня интересует физическая культура.

– Мальчик мой, – говорю я. – Это не единственное, что есть в нашей жизни.

Я встаю. Майк распахивает дверь в соседнюю комнату, и две фурии тут же набрасываются на него.

Я хватаю одну из них за то место, которое мне попадает под руку, кладу себе на колено и обрушиваю на её задницу целую серию затрещин, прямо как в Священной Истории. Потом приподымаю её и вмазываю кулаком в глаз. Это Салли... Я узнаю отметину на плече. Она всё ещё дрыгается. Я отвожу её в свою комнату и запираю на ключ. Возвращаюсь и застаю Майка сидящим верхом на Мэри. Та лежит животом вниз на кровати и не подает признаков жизни.

– Страшно не люблю бить женщин, – признаю я. – Но можно ли назвать их женщинами?

– Нет, – соглашается Майк. – По-моему, пора сваливать.

– Так вот прямо и вернемся? А что же мы расскажем Энди?

– Ничего, – говорит Майк. – Всё и так известно. Сигмен располагает полными сведениями о деятельности Шутца, и этого хватит, чтобы написать целый тон вроде Вебстера.

Я сажусь рядом с ним на ноги Мэри. Они теплые Мэри в это время, видимо, решает, что наш разговор слишком затянулся – она начинает шевелиться и пытается скинуть нас на пол.

– Спокойно! – Майк звонко шлепает её по заднице.

– О-ля-ля, – стонет она. – У меня такое чувство, будто по мне каток проехал.

– У меня тоже, – парирует Майк. – Так что заткни пасть.

Он продолжает.

– Вы отдаете себе отчет, сколько людей придется уничтожить, Роки? Это ужасно.

– Но если они уроды, – говорю я. – Зато как прекрасно будет потом.

– Но они нужны, уроды, – отвечает он. – Боже мой, что же мы будем без них делать? Вы не отдаете себе отчета, ещё раз вам говорю. Кто

будет ходить в кино, если все будут прекрасны, как Аполлон?

– Ну так будем смотреть на уродов, – говорю я. – Оставим несколько десятков – этого вполне достаточно.

– Вы понимаете, что в таком случае нужно будет стать уродом, чтобы иметь успех у женщин, – продолжает Майк отчаянным голосом. – Кривобокие будут торжествовать, а нам до конца дней придется развлекаться в одиночку. Прекрасно, а? Вы ведь именно так сказали?

– Да, – соглашаюсь я. – Это чертовски убедительный аргумент, тем более что он *ad hominem*. Очевидно, что при теперешнем положении мы имеем успех у женщин. Ну и что нам с этого? Мы

остаемся девственниками до двадцати лет и больше...

- Получается, что из-за таких мудаков, как мы, общество должно погибнуть, даже если оно состоит из ещё больших мудил.
- Замечательная профессия – сыщик, – говорю я, потягиваясь Должно быть, уже часов шесть утра, и я ощущаю зверский голод. – А что, Шутц действительно сделал то, о чём вы говорили? Эта история с Поттаром и Капланом? Чего же он добивается?
- Он хочет стать президентом Соединенных Штатов, – говорит Майк.
- Но ведь каждый американский гражданин может стать президентом, – удивляюсь я. – В книгах так

написано. Так почему бы и не он? По крайней мере, нашими сенаторами будут красивые парни.

- Вы, – возмущается Майк, – занимаете позицию наших врагов. Припомните-ка таблички «Дефект внешности» и веселенькие истории на улицах Лос-Анджелеса, девиц, которых он похитил...
- Ну и чёрт с ними, – говорю я. – Банда гнусных извращенков. Если все они такие, как Мэри Джексон – собрать их да преподнести ему в подарок.
- А операции... Вы не забыли об операциях, Рок?
- Но ведь он утверждает, что это его секретари воспользовались

ситуацией, разве нет? Это ведь братья Петросян, не так ли?

– Это недопустимо, – говорит Майк. – Нельзя позволить кому бы то ни было повелевать человеческой природой таким вот образом.

– А вы предпочитаете, чтобы этим занималась банда развращенных политиканов? – говорю я. – Да, действительно, они хотят уничтожить всех уродов.

Но ведь мы-то с вами всё же принадлежим к другой категории. Так в чём же дело?

– Я не согласен с вашим доводом, – продолжаю я. – Во-первых, мы не такие уж мудаки, а всего лишь целомудренные парни, что весьма

похвально. А что касается остальных, то я предпочитаю набить им морду.

– Я тоже, – кивает Майк. – Только если я скажу об этом Энди Сигмену, он будет часами орать на меня и доказывать, что я свихнулся Поэтому я останусь верен клятве тайного агента Уберемся отсюда, отчитаемся и предоставим Энди во всем разобраться.

– Согласен, – говорю я. – Сматываемся. Но как?

– Откроем дверь, – предлагает Майк, – и удерем.

– И встретим папашу Шутца, который побежит за нами с автоматом Нет, так не пойдет.

– Почему же нет? – говорит Майк. –
Всё это ерунда. Он наверняка
работает у себя в кабинете.

– Ну тогда пошли.

Мы разом встаем. Мэри остается
лежать. Она облегченно вздыхает и
засыпает. Ей не мешало бы
хорошенько вымыться и причесаться.

Майк идет к двери и выглядывает в
коридор.

– Никого, – говорит он. – Можно
двигать.

Он выходит, я следом. Мы делаем
несколько шагов. Кругом тишина и
покой. Где же лестница?

– Это здесь, – уверенно говорит
Майк.

Если бы с нами был его пёс, всё
пошло бы как по маслу. Это место
нагоняет на меня тоску. Вот и
лестница. Очень просто. Но наверху
всё заперто.

Проще и быть не может.

Акт XXVIII. ШУТЦ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА КАНИКУЛЫ.

Мы пробуем открыть дверь. С
четвертого раза она поддается. Мы
стараемся шуметь как можно меньше,
но сил у нас остается маловато. К
тому же это очень утомительно – не
создавать шума.

За первой дверью, естественно,
следует вторая...

– Осточертело, – говорю я. Я кричу. Я хочу кричать. Вопить. Орать во всё горло. – Уауауауа!..

Я издаю пронзительный вопль, который и самому Тарзану не снился, и от этого чувствую себя намного лучше. Большой зал, в котором мы находимся, зловеще усиливает звук.

– Вы с ума сошли, – говорит Майк. – Воплями дело не поправишь.

– Это успокаивает, Майк, – говорю я.
– Попробуйте. Замечательное средство.

Я снова начинаю кричать и на этот раз чувствую, что становлюсь синим. На столе позвякивают стаканы.

– Пустяки, – говорит Майк. – Я могу лучше. Послушайте.

Он расставляет ноги, складывает ладони рупором и издает оглушительный вопль, какой не довелось слышать даже Иерихону. Я не хочу оставаться в долгу и наношу ответный удар. Мы стоим и орем во всё горло до тех пор, пока на мой зад не обрушивается ведро ледяной воды. Я совершенно забыл о своей наготе, но тут, разумеется, вспоминаю. Майк оборачивается. С ним обошлись точно так же.

– Какого чёрта, скотина, – ругаюсь я.
– Кто тут не дает людям спокойно развлекаться?

За нами... да это же он... гадина... чудовище... Одним словом – малый, который запихивал мне в задницу электроды. Теперь тебе конец, старик. Я подпрыгиваю и

приземляюсь уже на бегу. Он предвидел мое движение и теперь скачет в двух метрах передо мной. Майк следует за нами. Таким образом мы несемся через виллу Шутца, подпрыгивая, словно кенгуру.

Он всё больше и больше вырывается вперед, потому что хорошо знает место, и это позволяет ему распахивать одну дверь за другой и мчаться со скоростью Молнии. Но я всё-таки нагоняю его.

– Сукин сын! Выродок! Скотина! Стой, трус проклятый!

Это бесполезно, так как я вешу на тридцать килограммов больше, чем он. По большому счету – это низость. Мы в новом коридоре. От чрезмерного старания я задираю колени почти к

самому носу. – И выигрываю... метр... два метра... Он в трех шагах от меня. Ещё одна дверь. Закрытая. Но это не важно, она тоже открывается. Я бегу за ним следом. На просторе! Боже мой, мы на улице! Я снова теряю метра четыре, и Майк обходит меня... Мы бежим по песчаной тропинке. Мерзкая кляча этот санитар – у него теннисные тапочки, а мы выбиваемся из сил. Но ничего не поделаешь, всё равно догоним.

Он бежит по склону, продирается сквозь кусты с красными цветами... Свежий воздух дует нам в лицо, шум океана уже совсем близко. Проклятый санитар знает все трюки. Для меня вопрос чести – догнать Майка, чью спину я уже давно вижу перед собой. У этого поросенка прекрасные

мускулы... Тот, другой, скачет впереди, словно кузнечик. На каждом повороте он распахивает полы своего халата наподобие паруса. Спуск чертовски крут, а он несется как стрела. Никогда бы не поверил, что человек низкого роста может развивать такую скорость. Но, с другой стороны, он ведь не развратничал целые сутки напропалую. Да и после всего, что мы увидели у Шутца, можно предполагать что угодно...

Наконец он спотыкается и падает. Но при этом не останавливается, а катится по земле. Мы уже достигли побережья. Маленький утес шестиметровой высоты. Ему удастся подняться, и он бросается вниз головой.

Чёрт! Он провел нас! Теперь я не решусь нырнуть У меня не достанет сил выплыть наружу – в воде, должно быть, чертовски хорошо.

Справа от нас среди красных скал – восхитительная маленькая бухточка. На якоре покачивается судно – небольшая моторная яхта метров тридцать длиной. Настоящая яхта миллиардера.

– Есть где-нибудь тропинка? – спрашивает Майк.

Я утвердительно киваю, так как только что её приметил.

– Оставим его в покое?

Санитар барахтается в воде метрах в пятидесяти от нас. Мы поворачиваем вправо и подходим к бухточке.

Пологий склон забетонирован и украшен клумбами. Доктор Шутц неплохо оформил свою резиденцию.

За нашей спиной раздаётся звук приближающихся шагов. Мы оборачиваемся. Это он, Шутц.

– Ну как? – говорит он. – Вы провели славную ночь?

Такого мы не ожидали. В руке он держит небольшой несессер крокодиловой кожи. Он свеж, бодр, выглядит моложе прежнего.

– Вы уезжаете? – спрашивает Майк.

– Да, – говорит Шутц – Каждый год в этот день я отправляюсь на каникулы. Вы уж меня извините...

– А как же... ваши опыты? – любопытствует Майк.

– Я беру с собой всё необходимое, – отвечает Шутц – Не беспокойтесь.

– А ваши подопечные? – спрашиваю я.

– Остаются здесь, – говорит Шутц. – Они уже привыкли устраиваться самостоятельно. У меня есть очень способные люди в серии.

– Поттар и Каплан тоже из этой серии? – спрашивает Майк.

– Я вижу, этот вопрос не дает вам покоя, – говорит Шутц. – Но знаете ли вы, что помимо Поттара и Каплана есть ещё Каунт Джилберт и Льюисон... И ещё кое-кто.

– Так значит... – говорит Майк.

– Это значит, что ваш миноносец, представьте себе, сделает в точности

то, что прикажет Каунт. Адмирал является таковым не за красивые глаза, простите мне вульгарное выражение. Хотя вы ведь любите грубости.

– А Льюисон... Это секретарь Трумэна, – говорю я.

– Да, – досказывает за меня Шутц, – нашего дорогого президента. Вы знаете, шаг за шагом мы приближаемся к цели. На этот раз мы оставим всё как есть, но через пять лет – уродов больше не будет.

– Здорово, чёрт возьми! – говорит Майк. – Вы очень забавный феномен.

– Вовсе нет, – говорит Шутц. – Просто я люблю красивых парней и красивых девушек. Вы оба мне очень симпатичны. Вы будете работать со

мной в Белом Доме. Но пока я вас покидаю... До свидания, Роки... До свидания, Бокански...

– Ну и ну, – говорит Майк. – Вы нас обыграли...

– Энди Сигмен получит повышение по службе, – продолжает Шутц. – Не сердитесь.

– А гранаты, – спрашивает Майк. – Мне, право очень жаль. Это скорее, чтобы наделать шуму.

– Пустяки, – говорит Шутц. – Прошу вас, нет берите в голову. До свидания, мальчики...

Он пожимает нам руки и небрежным шагом удаляется. Мы смотрим ему вслед Он ступает по песчаному берегу бухты, садится в лодку, только

что отделившуюся от яхты. Лодка
огибает судно и исчезает из поля
нашего зрения. Потом яхта начинает
шевелиться и медленно
разворачивается. На палубе высокий
человек в белом машет нам рукой. И
мы отвечаем ему.

Майк кладет мне лапу на плечо.

– Рок, – говорит он, – я совершенно
не представляю, что теперь делать.

– Мы можем швырять камни в тыкву
санитара, – предлагаю я.

– О, – жалуется Майк, – я промажу
четыре раза из пяти. Пусть себе
плавает, его всё равно сожрут акулы.

Мы меланхолично поднимаемся по
цементированной дорожке.

– Что скажет Энди? – бормочу я.

– Что он может сказать? – горестно
отвечает Майк.

– А парни с миноносца?

– Если Шутц не соврал, и адмирал
Каунт Гильберт – его человек, они
сделают в точности то, что пожелает
Шутц.

– Нужно рассказать всё это Энди, –
говорю я.

– И надеть штаны, – добавляет Майк.

– Мне уже изрядно надоело
разыгрывать из себя нудиста. И
потом, это мешает бегать.

– Наше счастье, – говорю я в
заключение, – что нам не пришлось
лазать по деревьям.

Мы снова в компании Сигмена и его парней. Майк заканчивает рассказ о наших приключениях. Обер Джордж завистливо подталкивает меня локтем.

– Вы говорите, они были рыжие?

– Как пламень, Обер.

– Здорово, – говорит он. – Если бы моя жена не была ревнивой венгеркой, я бы попросил папашу Шутца прислать мне парочку красоток.

– И тебе не стыдно? – говорит Джеймсон. – Женатый человек!

– Совершенно верно, – соглашается Обер. – Раз женатые люди берут на себя ответственность, значит, они в качестве компенсации должны получать какие-то преимущества.

– Это отвратительно, – продолжает Джеймсон. – Я люблю только мужчин.

– Лучше уж сдохнуть, чем попасться тебе в лапы, – говорит Обер.

– А ты совсем не в моем вкусе, – отвечает Джеймсон. – Мистер Бэйли мне больше бы подошёл.

– Хватит шутить, – говорю я всё ещё вполголоса, чтобы не мешать Энди и Майку. Они только что прекратили шушукаться.

– Так, – говорит Энди. – В общем, всё идет как надо.

– Всё идет как надо, – повторяет Майк. – Что, если мы пойдем чем-нибудь подкрепиться? Шоколад и бисквиты – это очень мило, но я бы предпочел дюжину бифштексов с сыром и яйцами.

– Кончайте, Майк, – говорю я – Не заикайтесь о недоступном. Я бы сейчас съел свою собственную мать с двумя ломтями хлеба.

– Скажите, – говорит Обер, – если она похожа на вас, ваша мать, не могли бы вы меня ей представить?

Этому чёртову Оберу прямо невтерпёж.

– Патрон, – обращается он к Энди, – мне бы очень хотелось навестить домик папаши Шутца, прежде чем

сволочные матросы уведут у нас из-под носа этих куколок.

– Дети мои, – говорит Сигмен. – Не знаю, что нам делать дальше. Нужно вернуться в лагерь и предупредить тех двоих, которые там остались А затем подождать прибытия миноносца... Что там такое?

Какой-то парень только что появился на дороге. Мы все сидим полукругом на траве... Погода стоит замечательная: легкий ветерок, цветы источают прекрасный аромат...

– Господин Сигмен? – спрашивает пришелец. Вид у него не воинственный. Джеймсон и Обер одновременно встают и занимают позиции у него по бокам.

– Это я, – говорит Энди.

– Доктор Шутц поручил передать, что для вашего отдыха приготовлено восемь комнат, и вы можете ими воспользоваться на любой срок. Сейчас прибудет машина...

Сигмен слегка краснеет, затем, мужественно приняв неудачу, поднимается.

– Хорошо, – говорит он. – Пошли, ребята.

– Машина уже подъезжает, – говорит посыльный. – Оставьте багаж.

– Идет, – кивает Сигмен. – Мы следуем за вами. Мы вновь идем той же дорогой. «Дефекты внешности» уже исчезли, видимо, в силу предупредительности чудака доктора Обер не может удержаться на месте.

– Скажите, мистер Бэйли. Как вы думаете, не сочтут ли они меня слишком невзрачным, эти рыжухи?

– Да нет, Обер.

Я совершенно не представляю, понравится ли он им, хотя думаю, что да. Но мысль о вкусной еде и теплой постели улыбается мне гораздо больше, нежели вся эта возня с голыми задницами. Я расквитался с ними на несколько дней вперед.

Ко мне подходит Майк.

– Посмотрим, – говорит он.

– Что посмотрим?

– Что получится с матросами с миноносца.

– Там должны быть красивые парни,
– говорю я.

– Да, – отвечает он. – Но есть также совсем жалкие и уродливые.

– Я уверен в том, что говорю, Майк. Чем они будут некрасивее, тем больше у них шансов понравиться. Посмотрим, что выйдет с Обером, который не так уж плох, но весит всего сорок пять килограммов и похож на маленькую блошку. Да они его живьем сожрут. Это точно, дружище Майк. Я говорю вам: они будут зубами рвать друг у дружки этих самых уродов.

Мы подходим к вилле, и в этот момент раздается сирена корабля. Энди подскакивает на месте.

– Миноносец, – говорит он. – Ребята, поспешим сделать выбор. В конце концов, дело улажено, мы ничего не сможем поделаться против Шутца. Но мы можем зато показать этому флотскому сброду, что парни из ФБР обслужены первыми. Поторопитесь-ка, дружочек, – обращается он к нашему гида, подталкивая его перед собой.

Мы с Майком устремляемся в первых рядах.

– А где кухня? – спрашиваю я у гида.

– Сюда. Обойдите дом с другой стороны.

Я хватаю Майка за руку, и мы бежим в указанном направлении. Остальные спортивным шагом заходят в дом.

– Что с ними будет? – говорю я Майку.

– Сами же надают себе по мозгам, – отвечает он. – Ну, а остальное – это уж не наша забота...

Акт XXX. МОРЯКИ ДЕРЖАТ МАРКУ.

Мы с Майком оказываемся в огромной кухне, приспособленной для приготовления жратвы самое меньшее человек на пятьсот. Майк останавливается перед холодильником и падает на колени, чтобы возблагодарить Господа... Это не занимает много времени, и вскоре он встает на ноги и открывает эмалированную дверцу агрегата.

Я облизываюсь, глядя на содержимое. Этого вполне достаточно, чтобы восстановить силы. Лангусты, холодная рыба, заливное из курицы, молоко... Великолепно! Мы вытаскиваем что попадает под руку и начинаем жевать.

Так проходят полчаса, сопровождаемые легким шумом жующих челюстей и удовлетворенным цоканьем. Затем Майк набирает в легкие воздух.

– Мне кажется, всё это кончится ничем.

– Прекрасный конец, – говорю я. – Что может быть лучше?

– Что будет делать Сигмен?

– Ничего. Впрочем, посмотрим.

– Парни с миноносца не задержатся?

– Они, должно быть, уже здесь. Тем временем входит человек в белом.

– Бокански, – обращается он ко мне.

– Это вы?

– Это он, – указываю я на Майка.

– Энди Сигмен сказал, что вы его замещаете, – продолжает человек, оборачиваясь к Майку.

– Он что, очень занят? – спрашивает тот.

– Он совершенно взбесился, – спокойно заявляет человек. – Взял четырёх девиц сразу, и все четыре сейчас молят о пощаде. Но он запер дверь.

Я смотрю на Майка с гордым видом.

– А!? – говорю я. – Вот это шеф!

– Я всё понимаю! – уверяет человек.

– Тут один моряк передал мне послание для Сигмена. Он ждет ответа. Так я даю его вам?

– Дквайте, – говорит Майк, протягивая руку за бумагой.

На бумаге – печать Адмиралтейства и подпись Каунта Гильберта:

«Приказываю Энди Сигмену и его людям поступить в полное распоряжение доктора Маркуса Шутца или его представителей и принять все необходимые меры для оказания помощи в его работе, которая чрезвычайно важна для дела Национальной Обороны. Согласно данному приказу им будут предоставлены все полномочия».

– Как я и говорил, Майк, – констатирую я – Как только люди Шутца попадают в правительство, работать на них означает служить своему отечеству. И когда Поттар и Каплан тоже окажутся там, на них будут смотреть как на врагов.

– Боже мой! – вздыхает удрученный Майк. – Хорошие же настанут для нас денечки...

– Ну же, Майк. Возьмите себя в руки. Теперь вы командуете парадом.

Майк выпрямляется.

– Моряк ещё здесь? Пусть войдет, – говорит он человеку, принесшему послание.

– О'кей, – отвечает тот, выходит и через секунду возвращается в

сопровождении отвратительной маленькой обезьяны в морской форме.

– Вам известно, что вы подчиняетесь мне? – спрашивает Майк.

– Нас предупредили, – отвечает человек, отдавая честь.

– Тогда. – начинает Майк, смотрит на меня и колеблется. – Тогда, – повторяет он, – приведите двадцать пять самых красивых моряков и двадцать пять самых уродливых. Пусть они выстроятся во дворе и ждут приказаний.

– Есть! – отвечает моряк, отдает честь и уходит, печатая шаг.

– А вы, – обращается Майк к посыльному, – соберите пятьдесят

самых красивых девиц в саду возле виллы. В рабочей одежде.

– Так точно! – говорит человек. – Серию К?

– Серию К.

Человек удаляется, а Майк вытирает лоб.

– Так вот, Рок, – говорит он. – Я хочу кое-что выяснить. Этот опыт, мне кажется, особенно важен для помощи в работе Шутца.

– Сколько им понадобится времени, чтобы собраться? – интересуюсь я. – Я бы хотел знать, как всё это произойдет.

– Мне страшно, – говорит Майк. – Мне очень страшно, дорогой Бэйли.

Мы выходим на улицу. Погода удивительная. Пальмы чуть колышутся, от цветов рябит в глазах – так ярко пестреют они под палящими лучами солнца.

Девушки начинают выходить Голые, разумеется... Партиями по четыре-пять совершенно одинаковых экземпляров... Рыжие похожи на тех, с кем мы имели дело сегодня утром... Брюнетки. Блондинки. Все как на подбор и красивы до такой степени, что любой голливудский продюсер с ума сошёл бы от зависти.

– Встаньте здесь, – приказывает Майк. Он пересчитывает их.

– Сейчас приведут мужчин, и вы выберете тех, кто вам понравится. Понятно? По команде вы подойдете к

ним и это обозначите. Вас будет поровну.

Моряки в свою очередь подходят к вилле.

– Раздевайтесь! – приказывает Майк. Не моргнув глазом, они исполняют приказ.

– Встаньте в шеренгу. Есть среди вас кто-нибудь, кто не хочет принимать участие в эксперименте по прикладной физиологии, основная задача которого – способствовать процветанию Военно-Морского Флота и Соединенных Штатов?

– Я, – громадный толстощекий матрос делает шаг вперед – Я отказываюсь по религиозно-эстетическим соображениям.

– Это ничего, – заверяет его Майк. – Ничто не препятствует вашему участию в эксперименте. То же было, по Библии, во времена царя Соломона.

Женщины всё здесь. Мужчины тоже. В группе уродов и вправду есть целая серия выроdkов, при виде которых у техасской коровы тут же свернется молоко. Мне думается, их берут на миноносцы, потому что там низкие потолки и трудно найти подходящих людей.

– Готовы? – спрашивает Майк у женщин. Наступает решающий момент. Похоже, они сгорают от нетерпения...

– Пошли! – говорит Майк.

Что тут началось... Майк закрывает лицо руками. Сорок семь девиц набросились на группу тщедушных хлятиков и только три направились в другую сторону. И то – все три на одного геркулесоподобного малого, с ног до головы покрытого чёрной шерстью. У него длинный крючковатый нос и блестящие глаза.

– Остановитесь! – кричит Майк. – Отпустите их! Эксперимент закончен. Этого достаточно-

Но слишком поздно. Свалка в полном разгаре. Двадцать четыре красивых парня смотрят на своих товарищей с отвращением и за неимением ничего лучшего начинают одеваться.

Поодаль от них – такое чудовищное сплетение тел, что я отворачиваюсь, совершенно ошеломленный. Майк

опускает глаза и краснеет. Слышно только тяжелое дыхание женщин и стоны избранных, молящих о пощаде. Время от времени из клубка вырываются два спаренных тела, но тут же какая-нибудь женщина набрасывается на соперницу, чтобы оторвать её и занять место. Мало-помалу мы отваживаемся и начинаем смотреть. Действительно, есть очень интересные комбинации, указывающие на развитое чувство коллективизма.

– Шутц был неправ, – говорит Майк.
– Мне жаль его. Это хороший человек, но он ошибся. В результате у него получится поколение таких монстров.

– Полноте, – говорю я, – я полагаюсь на него. Он найдет способ поправить дело.

Один малый в полном смятении выскакивает из груды тел и бежит, держась руками за задницу.

– Тут кто-то жульничает! – кричит он.
– Чёрт побери, по-моему, здесь достаточно женщин!

– Вот видите, – говорит мне Майк. – Это крах системы.

Я протестую.

– Это просто ошибка, Майк. Им не видно, что они там делают в этой куче.

Отвергнутые матросы образовали кружок, и один из них фотографирует остальных при помощи маленького

портативного аппарата. У всех весьма удрученный вид. Некоторые отваживаются приблизиться к группе. Первым трем удается проникнуть в неё и даже вступить в парную связь, но четвертый опознан и отброшен тремя растрепанными фуриями, которые преследуют его, нещадно царапая ногтями и выкрикивая ругательства. Они называют его уродом и угрожают кастрацией.

Майк берет меня за руку.

– Пошли, Рок, – говорит он. – Нам здесь не место. Пойдем, сбросим пяток фунтов и понежмся на песочке. При теперешнем положении дел нам никогда не сыскать успеха у женщин.

Мы поворачиваем в сторону моря как раз в тот момент, когда двадцать отвергнутых моряков – шашки наголо – пытаются вместе атаковать группу. От общей свалки поднимается такой отвратительный запах разгоряченных тел, что у меня начинает кружиться голова.

Мы идем молча.

– Разве это жизнь! – восклицает Майк удрученно. – Шутц был прав, долой уродов! Они отнимают у нас всё.

– Это неверно, Майк, – говорю я. – Здесь вы среди богинь, которые целыми сутками напролет спят с такими же красивыми парнями, как вы... Они им уже осточертели.

– Мне, впрочем, – заключает он, – они тоже надоели. Слишком уж они совершенны.

– Вы сами не знаете, чего хотите, – говорю я. Мы подходим к пляжу. Я толкаю Майка локтем в бок.

– Кто это?

К нам подходит молодой мужчина, очень высокий, с серебристыми волосами. Он в гражданском... Завидя нас, он улыбается. У него прекрасная выправка, он очень симпатичный и обольстительный.

– Каунт Гильберт, – шепчет Майк.

Ну и ну... Что же, нет никакого сомнения, что он – произведение Шутца. Я видел его прежде только на фото. Странно, что он побеспокоил

себя по столь незначительному поводу. Всё же он – крупная шишка.

Мы останавливаемся и приветствуем его.

– Мистер Бэйли? – говорит он. – Я видел ваши фотографии в спортивных журналах. – А вы? – обращается он к Майку.

– Майк Бокански, – говорю я. – Замещает Энди Сигмена.

– Рад вас видеть, – говорит он. – У вас удрученный вид. Надеюсь, всё в порядке? Что вы сделали с моими матросами?

– О!. Им есть чем заняться, – отвечает Майк. Я провел эксперимент. И опасаясь, как бы

Маркус Шутц не счел его нецелесообразным.

Я объясняю Каунту Гильберту, что произошло, и он смеется от души.

– Пойдемте со мной, я вас угощаю, – говорит он. – Не беспокойтесь, всё станет на свои места. Я прибыл сюда частным порядком.

– Надоело!.. – говорит Майк.

Он остановился. Весь его гнев разом выходит наружу.

– Женщины – шлюхи! Из кожи вон лезешь, чтобы накачать мускулы, стать красивым парнем, соблюдаешь чистоту, чтобы от тебя не шмонило за километр, стараешься не топтать у соседей над головой, быть здоровым, стройным, а они, завидев первого

попавшегося выродка, бросаются на него и насилуют, не разглядев даже, что у него вставные челюсти и дырявые легкие... Это мерзко. Это противоестественно. Это несправедливо, нечестно, недопустимо...

– Зря вы так говорите, – успокаивает его Гильберт.

Мы идем за ним. Я чувствую себя превосходно. Санди Лав, должно быть, проснулась в моей спальне в Лос-Анджелесе и ждет меня. Мона и Берил тоже... Жизнь прекрасна.

– Я разочарован, – говорит Майк. – Эти женщины вызывают у меня отвращение. Я подыщу себе громадную вонючую обезьяну.

Мы проходим на пляж. Нас ждет катер, чтобы отвезти на миноносец.

– Садитесь, – говорит Гильберт. – Как только мои люди вернутся, мы возьмем курс на Лос-Анджелес, а там я обещаю вам сюрприз...

Он нагибается к Майку.

– Не хочу вас обнадеживать, но в настоящий момент в моем распоряжении находится секретарша-горбунья...

Глаза Майка вспыхивают.

– Она действительно некрасива?

– Она отвратительна! – уверяет Гильберт, широко улыбаясь. – И вдобавок – у неё деревянная нога!..

ЗАНАВЕСЬ

oo o oo

Борис Виан

БЛЮЗ ДЛЯ ЧЁРНОГО КОТА

ПАРТИТУРА №1.

Петер Нья вышел с сестрой из кино. После душного кинозала, где воняло ещё не просохшей краской, приятно было вдыхать свежий, чуть пахнувший лимоном ночной воздух. Показали глубоко безнравственный мультфильм, и Петер Нья был так разъярён, что стал размахивать курткой и нанес телесное повреждение одной пожилой, ещё совсем не тронутой даме. Людей на

улице опережали запахи. От света фонарей, фар машин и огней кинотеатров слегка рябило в глазах. Толпа запрудила боковые улочки, и Петер с сестрой свернули к Фоли-Бержер. В каждом втором доме – бар, перед каждым баром – по паре девиц. – Сплошь сифилитички, – пробурчал Нья.

– Неужели все? – спросила сестра.

– Все, – заверил Нья, – я вижу их в больнице. Иногда они предлагают себя: мол, они уже выздоровели.

Сестра поежилась:

– А как они это определяют?

– Они считают, что вылечились, когда реакция Вассермана становится

наконец отрицательной, но это ещё ни о чём не говорит.

– Видно, мужчины не очень-то разборчивы, – сказала сестра.

Они повернули направо, потом сразу налево; из-под тротуара доносилось мяуканье, и они остановились посмотреть, в чём дело.

ПАРТИТУРА №II.

Сначала коту вовсе не хотелось драться, но каждые десять минут петух пронзительно орал. Петух этот принадлежал даме со второго этажа. Его откармливали, чтобы съесть,

когда придет время. По праздникам евреи всегда едят кур, у них губа не дура, что и говорить. А у кота петух уже в печенках сидел; если бы ещё он просто забавлялся, так нет, ходит на двух ногах и воображает о себе невесть что.

– Получай? – крикнул кот и как следует заехал ему лапой по голове.

События разворачивались на подоконнике у консьержки. Петух вообще-то драться не любил, но туг ведь дело чести... Он взревел и принялся обрабатывать клювом кошачьи бока.

– Сволочь, – возмутился кот, – что я тебе, какое-нибудь жестоккрылое?.. Ты у меня запоёшь по-другому?..

Бах! Удар головой в куриную грудь петуха. Ну и скотина этот петух! Ещё раз клюнул кота в позвоночник, а потом в крестец.

– Посмотрим, кто кого! – воскликнул кот и вцепился петуху в горло, но чуть не подавился перьями, и тут петух вlepил ему два прямых крылом, и кот, не успев опомниться, покатился на тротуар. Прошёл человек. Наступил коту на хвост. Кот подпрыгнул, упал на мостовую и, отскочив от мчащегося велосипеда, установил, что глубина канализационного колодца около метра шестидесяти, что на расстоянии метра двадцати от земли есть уступ, но что колодец очень узок и полон нечистот.

– Это кот, – сказал Петер Нья.

Вряд ли какой-то другой зверь стал бы так коварно подражать крикам кота, обычно называемым по принципу онomatопеи мяуканьем.

– Как он туда свалился?

– Это всё из-за чёртова петуха в сообществе с велосипедом, – пояснил кот.

– Вы первый начали? – спросила сестра Петера Нья.

– Вовсе нет, – ответил кот. – Он сам меня вынудил своими бесконечными воплями, ведь знает, что я этого не перевариваю.

– Не надо на него сердиться, – сказал Петер Нья. – Ему скоро перережут горло.

– И поделом, – сказал кот, злорадно ухмыляясь.

– Нехорошо радоваться несчастью ближнего, – сказал Петер Нья.

– Вот ещё, – возразил кот, – ведь я и сам попал в переплет. – И он горько заплакал.

– Мужайтесь! – строго сказала сестра Петера Нья. – Вы не первый кот, которому довелось свалиться в люк.

– Да плевать я хотел на других, – проворчал кот и добавил: – Может, вы попыгаете вытащить меня отсюда?

– Конечно, попробуем, – сказала сестра Петера Нья, – но если вы снова начнете драться с петухом, так не стоит и стараться.

– О! Я оставляю петуха в покое! – сказал кот равнодушным тоном. – Он свое получил.

Из комнаты консьержки донесся радостный вопль петуха. К счастью, кот его не услышал. Петер Нья размотал шарф и лег на живот посреди улицы.

Вся эта суматоха привлекла внимание прохожих, и вокруг люка собралась толпа. Здесь была проститутка в меховой шубе, из-под которой виднелось плиссированное розовое платье. От неё чертовски приятно пахло. С ней были два американских

солдата, по одному с каждой стороны. У того, что справа, не было видно левой руки, и у того, что слева, – тоже, но он был левшой. Были здесь также консьержка из дома напротив, судомойка из соседнего бистро, два сутенера в мягких шляпах, ещё одна консьержка и старая кошатница.

– Какой ужас! – сказала проститутка.
– Бедное животное, я не могу этого видеть.

И она закрыла лицо руками. Один из сутенеров предупредительно протянул ей газету с шапкой: "Дрезден разрушен до основания, около ста двадцати тысяч убитых".

– Люди-то ладно, меня это не трогает,
– сказала, прочитав заголовок,

старая кошатница, – но я не могу видеть, как страдает животное.

– Животное! – возмутился кот. – Сами вы животное!

Но пока только Петер Нья, его сестра и американцы понимали кота, потому что он говорил с сильным английским акцентом, который у американцев вызывал отвращение.

– The shit with this limey cat! ⁽¹⁾ – сказал тот, что повыше. – What about a drink somewhere? ⁽²⁾

– Да, дорогой, – сказала шлюха. – Его, безусловно, оттуда вытащат.

– Сомневаюсь, – сказал Петер Нья, поднимаясь, – у меня слишком

короткий шарф, и он не сможет за него уцепиться.

– Это ужасно! – простонал хор голосов.

– Заткнитесь! – процедил кот сквозь зубы. – Дайте ему сосредоточиться.

– Ни у кого нет бечевки? – спросила сестра Петера Нья.

Бечевка нашлась, но было ясно, что коту за неё не уцепиться.

– Не годится, – сказал кот, – она проскальзывает у меня между когтей, и это очень неприятно. Попадись мне сейчас скотина петух, я бы ткнул его носом в это дерьмо. Здесь отвратительно воняет крысами.

– Бедняжка, – сказала судомойка из бистро. – От его мяуканья прямо

¹ К чёрту этого дерьмового английского кота! (англ.)

² Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь выпить? (англ.).

сердце разрывается. На меня это так действует...

– Как будто ребенок плачет, даже жалостней, – заметила шлюха.

– Это слишком тяжело, я ухожу отсюда.

– To hell with this cat ⁽³⁾, – сказал второй американец.

– Where can we sip some cognac?.. ⁽⁴⁾

– Ты и так перебрал, – проворчала девица. – Вы тоже несносны... Пошли, не могу больше слышать этого кота.

– О! – возмутилась прислуга из бистро. – Вы могли бы немного помочь этим господам!..

³ К чёрту кота (англ.)

⁴ Где бы нам хлебнуть коньяку?.. (англ.)

– Я бы с удовольствием! – сказала шлюха, разрыдавшись.

– Эй, потише вы там, наверху, – повторил кот. – И поторопитесь, не то я простужусь...

С противоположной стороны улицы подошёл человек без шляпы, без галстука, в тапочках. Видно, вышел покурить перед сном.

– В чём дело, госпожа Пьешь? – обратился он к одной из женщин, по всей видимости консьержке.

– Бедный котик, его, видно, мальчишки сбросили в эту канаву, – вмешалась кошатница. – Ох уж эти мальчишки! Будь моя воля, я бы всех их отправила в исправительные дома до совершеннолетия.

– Петухов бы туда отправить, – откликнулся кот. – Мальчишки хоть не орут весь день напролет под тем предлогом, что, может быть, взойдет солнце...

– Я сбегая домой, – сказал человек в тапочках. – У меня есть одна штука, которая поможет вытащить его оттуда... Подождите минутку.

– Надеюсь, он не шутит, – сказал кот.
– Я начинаю понимать, почему в сточных канавах всегда застаивается вода. Попасть сюда легко, а вот обратный маневр чуточку сложнее.

– Не знаю, что и придумать, – сказал Петер Нья. – До вас никак не доберешься, уж очень место неудобное.

– Сам знаю, – ответил кот, – если бы я мог, то вылез бы и без вашей помощи.

Приближался ещё один американец. Он твердо держался на ногах. Петер Нья объяснил ему, что происходит.

– Can I help you? ⁽⁵⁾ – спросил американец.

– Lend me your flash-light, please ⁽⁶⁾ ,
– попросил Петер Нья.

– Oh! Yeah!.. ⁽⁷⁾ – сказал американец и протянул ему свой карманный фонарик.

Петер Нья снова лег на живот, и ему удалось краем глаза увидеть кота. Тот воскликнул:

⁵ Не могу ли я вам помочь? (англ.)

⁶ Одолжите, пожалуйста, ваш фонарик (англ.)

⁷ Да, конечно! (англ.)

– Вот, вот, посветите мне этой штуковиной... Похоже, что так что-нибудь выйдет. Она что, америкашкина?

– Да, – сказал Петер Нья. – Я вам спущу свою куртку, попробуйте за неё уцепиться.

Он снял куртку и опустил её в канаву, держа за один рукав. Люди начинали понимать кота. Они привыкали к его акценту.

– Ещё немножко, – сказал кот и подпрыгнул, чтобы уцепиться за куртку. Послышалось страшное ругательство – на этот раз на кошачьем языке. Куртка выскользнула из рук Петера Нья и исчезла в водостоке.

– Что случилось? – взволнованно спросил Петер Нья.

– А, чёрт побери! Я только что стукнулся башкой о какую-то штуковину. Чертовски больно!..

– А моя куртка? – поинтересовался Петер.

– I'll give you my pants ⁽⁸⁾ , – предложил американец и начал снимать брюки, чтобы помочь делу спасения.

Сестра Петера Нья его остановила.

– It's impossible with the coat. Won't be better with your pants ⁽⁹⁾ , – сказала она.

⁸ Я дам вам свои брюки (англ.)

⁹ С курткой ничего не вышло, и с вашими брюками лучше не будет (англ).

– Oh! Yeah, – согласился американец, застегивая брюки.

– Что он делает? – возмутилась шлюха. – Он в дымину пьян!.. Не давайте ему снимать штаны посреди улицы. Ну и свинья!..

Толпа вокруг всё росла. Освещенная электрическим светом, дыра водостока приняла странный и зловещий вид. Кот чертыхался, и эхо его ругательств, странно усиленное, доносилось даже до последних прибывших.

– Мне бы хотелось получить назад свою куртку, – сказал Петер Нья.

Человек в тапочках протискивался сквозь толпу. Он нес длинную палку от швабры.

– Вот теперь, может, что-нибудь получится, – сказал Петер Нья.

Но палка, прямая как палка, не прошла в глубину колодца, образовывавшего наверху колено. Для этого ей надо было изогнуться, а она заартачилась.

– Надо бы найти крышку люка и снять её, – подсказала сестра Петера Нья.

Свое предложение она перевела американцу.

– Oh! Yeah, – сказал тот.

И он тотчас же начал поиски крышки. Просунул руку в прямоугольное отверстие, дернул, но поскользнулся и рухнул, стукнувшись головой о стену ближайшего дома.

– Позаботьтесь о нем, – велел Петер Нья двум женщинам из толпы, которые подхватили американца и повели к себе, чтобы проверить содержимое карманов его кителя. Среди прочего там оказалось душистое мыло "Lux" и большая плитка "O'Henry", шоколада с начинкой. Взамен он наградил их хорошей гонореей, которую заполучил от одной восхитительной блондинки, встреченной за два дня до того на площади Пигаль.

Человек, который принес палку от швабры, хлопнул себя по лбу и, воскликнув: "Эврикот!" – снова отправился к себе домой.

– Он надо мной издевается, – возмутился кот. – Эй вы там, поторопитесь, а не то я возьму и

уйду. Найду какой-нибудь другой выход.

– Если пойдет дождь, вас затопит, – предупредила сестра Петера Нья.

– Дождя не будет, – заявил кот.

– Ну, тогда вам встретятся крысы.

– Подумаешь!

– Ну что ж, счастливого пути, – сказал Петер Нья. – Но учтите, они бывают покрупнее вас. И очень мерзкие. Да, смотрите не напрудите на мою куртку.

– Если они грязные, это меняет дело. Но главное, от них воняет. Нет, кроме шуток, поторапливайтесь там! И не беспокойтесь о вашей куртке, я за ней присматриваю.

Было слышно, как кот падает духом. Появился человек в тапочках. Он нес авоську, привязанную к концу длинной верёвки.

– Отлично! – воскликнул Петер Ня. – Теперь уж ему удастся зацепиться.

– Что это? – спросил кот.

– Вот, смотрите, – сказал Петер Ня, опустив ему авоську.

– Ну, теперь совсем другое дело, – одобрительно сказал кот. – Подождите тащить, я захвачу куртку.

Через несколько секунд показалась авоська, а в ней, удобно расположившись, сидел кот.

– Наконец-то, – сказал он, выкарабкавшись. – А куртку свою доставайте сами. Поищите крючок

или ещё что-нибудь. Уж очень она тяжелая.

– Дерьмо! – выругался Петер Ня.

Появление кота было встречено радостными возгласами. Его передавали из рук в руки.

– Какой красивый котик! Бедняжка! Он весь в грязи...

От кота чудовищно воняло.

– Вытрите его, – сказала шлюха, протягивая свою светло-голубую шёлковую косынку.

– Вы её потом не отмоете, – сказала сестра Петера Ня.

– Неважно, – ответила шлюха в порыве великодушия. – Косынка всё равно чужая.

Кот пожал всем руки, и толпа стала рассеиваться.

– Так что же, – сказал кот, видя, что народ расходится,

– теперь, когда меня вытащили, я уже никому не интересен? Кстати, где петух?

– Хватит! – сказал Петер Нья. – Пойдемте выпьем и забудьте о петухе.

Вокруг кота теперь оставались только человек в тапочках, Петер Нья, его сестра, шлюха и два американца.

– Пошли выпьем за здоровье кота, – предложила шлюха.

– А девочка не дурна, – сказал кот. – Но какого пошиба! А в общем-то я бы охотно переспал с ней сегодня ночью.

– Успокойтесь, – сказала сестра Петера Нья.

Шлюха стала трясти своих спутников.

– Пошли!.. Пить!.. Коньяк!.. – объявила она, стараясь произносить каждое слово как можно отчетливее.

– Yeah! Cognac! (¹⁰) – разом откликнулись проснувшиеся американцы.

Петер Нья шёл впереди с котом на руках, остальные следовали за ним. Бистро на улице Ришер было ещё открыто.

– Семь рюмок коньяку! – заказала шлюха. – Я угощаю.

– Вот это девочка! И живется же её коту, – с завистью сказал кот. –

¹⁰ Да! Коньяк! (англ.)

Официант! Мне добавьте немного валерьянки.

Подали коньяк, и все радостно чокнулись.

Бедный котик, наверно, простудился! Может, дать ему выпить антигриппина?

Услышав это, кот поперхнулся и выплюнул коньяк.

– За кого она меня принимает, – обратился он к Петеру Нью. – Кот я или не кот, в конце концов!

Теперь, при свете ламп дневного света, все увидели, что это был за кот. Кот хоть куда! Толстый котище с жёлтыми глазами и длинными подкрученными усами а-ля Вильгельм II. Рваные уши с бахромой

свидетельствовали о его доблестных похождениях, а спину пересекал широкий белый шрам, кокетливо оттенённый по краю фиолетовым.

– What's that? ⁽¹¹⁾ – спросил американец, потрогав шрам. – Вы были ранены, сударь?

– Йеп, – ответил кот. – ФФИ ⁽¹²⁾ .

Он произнес, как полагается, на английский манер: "Эф эф ай".

– Fine! ⁽¹³⁾ – сказал второй американец, энергично пожав ему руку.

– What about another drink? ⁽¹⁴⁾

¹¹ Что это? (англ.)

¹² ФФИ - Французские Внутренние силы движения Сопротивления.

¹³ Отлично! (англ.)

¹⁴ Как насчет того, чтобы выпить еще? (англ.)

– O'key doke, – сказал кот. – Got a butt? ⁽¹⁵⁾ Американец протянул коту свой портсигар, не досадуя на отвратительный для него английский акцент кота, который, желая быть приятным собеседнику, употреблял выражения американского жаргона.

Кот выбрал самую длинную сигарету и прикурил от зажигалки Петера Нья. Остальные тоже взяли по сигарете.

– Расскажите, как вас ранили, – попросила шлюха.

Петер Нья клюнул и отправился выуживать куртку. Может, и она клюнет.

Кот покраснел и скромно опустил голову:

¹⁵ О'кей, док... Закурить не найдется? (англ.)

– Я не люблю говорить о себе. Можно мне ещё коньяку?

– Вам будет плохо, – сказала сестра Петера Нья.

– Чепуха, – запротестовал кот. – У меня луженые кишки. Уж про меня-то не скажешь, что у меня кишка тонка. И потом, после этого стока... Брр! Как там воняло крысами!..

Он залпом выпил свою рюмку.

– Как он ловко опрокидывает! – с восхищением сказал человек в тапочках.

– В следующий раз налейте мне в стакан для лимонада, – бросил кот.

Второй американец отошёл, сел на скамейку, расставил ноги и стал блевать, поддерживая голову руками.

– Это было в апреле сорок четвертого, – начал кот. – Я возвращался из Лиона, где установил связь с котом Леона Плука, который тоже участвовал в Сопротивлении. Кот что надо, между прочим; позже он был схвачен кошачьим гестапо и отправлен в Бухенкатце.

– Какой ужас, – сказала шлюха.

– Я за него не беспокоюсь, – продолжал кот, – он сумеет выпутаться. Так вот, я пробирался к Парижу, но в поезде, себе на беду, повстречал одну кошечку... Вот стерва...

– Выбирайте выражения! – строго сказала сестра Петера Нья.

– Простите! – извинился кот и отпил большой глоток коньяка. При этом

его глаза зажглись, как две фары, а усы встопорщились.

– Ну и ночка была у меня в этом поезде, – сказал он, сладко потягиваясь. – Ух! Что было! Ик!.. – заключил он, одолеваемый икотой.

– И что же было дальше? – спросила шлюха.

– Да так, ничего особенного, – сказал кот с наигранной скромностью.

– А как же вы получили рану? – спросила сестра Петера Нья.

– У хозяина кошечки башмаки были подбиты железом, и он целил мне в зад, но промахнулся! Ик!

– И это всё? – разочарованно спросила шлюха.

– Вы что же, хотели бы, чтобы он меня убил, да? – язвительно осклабился кот. – Интересная у вас психология! Кстати, вы не бываете в Рах-vobiscum?

Речь шла об одной из гостиниц квартала, говоря точнее, о доме терпимости.

– Бываю, – напрямик ответила шлюха.

– Я на дружеской ноге с судномойкой. У неё всегда находится для меня выпивка.

– С Жерменой? – спросила шлюха.

– Да, – сказал кот, – с Жер-ик-меной...

Он залпом допил свой стакан.

– Я бы охотно подцепил трехцветную, – продолжал он.

– Как вы сказали? – переспросила шлюха.

– Трехцветную кошечку, – пояснил кот, – или совсем ещё зелёного котика. – Он пошло засмеялся и подмигнул правым глазом. – Или петуха! Ик! – Встав на все четыре лапы, кот потянулся, выгнул спину, задрал хвост и сладострастно задрожал.

– Чёрт возьми! – воскликнул он. – Меня так и разбирает...

Сестра Петера Нья, смутившись, стала рыться в сумочке.

– У вас нет кого-нибудь на примете?
– спросил кот у шлюхи. – Ваши подруги не держат кошечек?

– Вы свинья! – возмутилась шлюха. – В таком обществе...

Тип в тапочках был неразговорчив, но, возбужденный кошачьими речами, он приблизился к шлюхе и произнес:

– От вас приятно пахнет. Что это?

– Серный аромат старого партнёра, – ответила та.

Положив руку на соблазнительную округлость, он спросил:

– А это, это что такое?

Он встал на место американца, которому стало плохо.

– Ну-ну, дорогуша, будь паинькой, – сказала шлюха.

– Официант! – позвал кот. – Принесите мне мятной настойки!

– Хватит! – запротестовала сестра Петера Нья. – Наконец-то! – воскликнула она: дверь открылась, и вошёл Петер Нья. Он вернулся с перепачканной курткой.

– Не давай ему больше пить! – попросила сестра. – Он и так наакался.

– Подожди! – сказал Петер Нья. – Я должен почистить куртку. Официант! Принесите мне два сифона!

Он повесил куртку на спинку стула и обильно сифонизировал её.

– Странно! – сказал кот. – Официант! Эта мятная настойка... Ик!.. Спаситель ты мой! – воскликнул он, облапив Петера Нья. – Выпьем! Я угощаю.

– Хватит, старик! – сказал Петер Нья.
– А то insult зарабатываешь.

– Он спас меня! – прорычал кот. – Он вытащил меня из дыры, где было полно крыс; я там чуть не сдох!

От избытка чувств шлюха уронила голову на плечо человека в тапочках, но тот вдруг покинул её, отошёл в уголок и стал ублажать себя собственными средствами. Кот вскочил на стойку и залпом допил остатки коньяка.

– Брр! – произнес он, помотав головой. – Не то чтобы мелкими

пташечками! Если бы не он, я бы погиб, погиб! – прохрипел он.

Шлюха рухнула на стойку, уронив голову на руки. Второй американец тоже оставил её и примостился рядом со своим соотечественником. Они стали блевать синхронно и изобразили на полу американский флаг. Второй позаботился о сорока восьми звездах.

– Приди в мои объятия! Ик! – закончил кот.

– Какой он милый! – сказала шлюха, прослезившись.

Чтобы не обижать кота, Петер Нья поцеловал его в лоб. Кот сжал его в объятиях, потом вдруг отпустил и рухнул на пол.

– Что с ним? – взволнованно спросила сестра Петера Няя.

Петер Няя вынул из кармана хирургическое зеркальце и ввел его в ухо коту.

– Он умер, – объявил Петер Няя. – Коньяк достиг мозга. Видно, как он просачивается.

– Господи! – сказала сестра Петера Няя и заплакала.

– Что с ним? – встревожено спросила шлюха.

– Он умер, – повторил Петер Няя.

– Боже мой! – сказала шлюха. – После всех наших стараний!

– Такой славный котик! И какой собеседник! – сказал вернувшийся человек в тапочках.

– Да, – подтвердила сестра Петера Няя.

Официант пока ничего не говорил, но чувствовалось, что он уже выходит из оцепенения.

– С вас восемьсот франков.

– Ого! – встревожено сказал Петер Няя.

– Я угощаю! – сказала шлюха, доставая тысячу франков из своей элегантной красной кожаной сумки. – Сдачи не надо, – сказала она, обращаясь к официанту.

– Благодарю, – ответил тот. – А что прикажете делать с этим? – Он с отвращением указал на кота.

Струйка мятной настойки стекала по кошачьей шерсти, образуя замысловатый рисунок.

– Бедняжка! – всхлипнула шлюха.

– Не оставляй его здесь, – сказала сестра Петеру Нья. – Нужно что-то придумать.

– Он пил как лошадь! – сказал Петер Нья. – До чего глупо. Но теперь поздно об этом говорить.

Шум Ниагары, служивший с момента ухода американцев звуковым оформлением сцены, вдруг прекратился. Они разом встали и подошли к остальным.

– Коньяку! – потребовал первый.

– Баиньки, мой мальчик, пошли спать. – И она обняла обоих американцев за плечи. – Извините, господа, я должна пойти уложить своих малышей. А котика всё-таки жалко. И вечер так славно начался...

– До свидания, мадам, – сказала сестра Петера Нья.

Человек в тапочках соболезнующе похлопал Петера Нья по плечу, огорченно покачал головой и вышел на цыпочках, не проронив ни слова.

Официанту явно хотелось спать.

– Что мы будем с ним делать? – спросил Петер Нья. Сестра ничего не ответила.

Тогда Петер Нья завернул кота в свою куртку, и они вышли. Было холодно и темно. В небе одна за другой загорались звезды. Колокола церковей исполнили траурный марш Шопена, оповещая жителей города, что час ночи уже пробил. Дул резкий ветер, и было трудно идти. Брат и сестра добрались до угла. У их ног зиял чёрный люк, жадно поджидая добычу. Петер Нья развернул куртку. Он осторожно вынул уже совсем окоченевший труп кота, а сестра молча погладила его. Медленно, словно нехотя, кот исчез в водостоке. Раздался всплеск – яма, удовлетворенно хмыкнув, проглотила добычу.

ФИНАЛ.

oo o oo

СНОСКИ:

1 К чёрту этого дерьмового английского кота! (англ.)

2 Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь выпить? (англ.).

3 К чёрту кота (англ.)

4 Где бы нам хлебнуть коньяку?.. (англ.)

5 Не могу ли я вам помочь? (англ.)

6 Одолжите, пожалуйста, ваш фонарик (англ.)

7 Да, конечно! (англ.)

8 Я дам вам свои брюки (англ.)

9 С курткой ничего не вышло, и с вашими брюками лучше не будет (англ.).

10 Да! Коньяк! (англ.)

11 Что это? (англ.)

12 ФФИ – Французские Внутренние силы движения Сопротивления.

13 Отлично! (англ.)

14 Как насчет того, чтобы выпить ещё? (англ.)

15 О'кей, док... Закурить не найдется? (англ.)

oo oo

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Борис Виан.	1
СТРАСТЬ...ПРИЛЕЖНЫЕ УЧЕНИКИ...А ПОТОМ...БЛЮЗ ЧЁРНОГО КОТА.....	1
СОДЕРЖАНИЕ:.....	1
СОБАКИ, СТРАСТЬ И СМЕРТЬ.....	2
ПРИЛЕЖНЫЕ УЧЕНИКИ.	13
Ораторий I.	13
Ораторий II.	16
Ораторий III.	18
Ораторий IV.	19
Ораторий V.....	21
А ПОТОМ ВСЕХ УРОДОВ УБРАТЬ. (Et on tuera tons les affreux. 1948.).....	24
Акт I. НАЧИНАЕТСЯ ВСЁ НЕ СПЕША.	24
Акт II. НЕМНОГО ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ФИЗИКИ.....	36
Акт III. ЭНДИ СИГМЕН ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ. ..	45
Акт IV. ГАРИ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО.....	51
Акт V. АТАКА НА ФУРГОН.	58

Акт VI. ТЕЛЕФОННАЯ КАБИНА.....	60
Акт VII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ.	65
Акт VIII. ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ПРИЯТЕЛЯМИ.....	68
Акт IX. ЖЕНЩИНЫ УБЕГАЮТ.	73
Акт X. Я МНОГО ФЛИРТУЮ.	77
Акт XI. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ.....	87
Акт XII. МЭРИ ДЖЕКСОН, ГДЕ ТЫ?	93
Акт XIII. ЭНДИИ МАЙК ВСТУПАЮТ В ИГРУ.	97
Акт XIV. ОРГИЯ В МОЕМ СТИЛЕ.....	102
Акт XV. Я ЗАБОЧУСЬ О СВОЕЙ ВНЕШНОСТИ.	109
Акт XVI. ПО МЕТОДУ НУТРИИ.....	111
Акт XVII. ДЕЛО ИДЕТ НА ЛАД.	122
Акт XVIII. БОЛТУН С-16.	136
Акт XIX. ОБЫСК.	147
Акт XX. ЖАНРОВЫЕ КАРТИНКИ.	160
Акт XXI. Я РАЗВРАТНИЧАЮ.....	170
Акт XXII. Я ВНОВЬ ПРИНИМАЮСЬ ЗА СВОЕ.	178
Акт XXIII. ВРАСКАЧКУ.....	185
Акт XXIV. ПОЧТИ ЧТО ВСЁ В ПОРЯДКЕ.....	188
Акт XXV. ВСЁ В ПОРЯДКЕ.	189
Акт XXVI. СЕКРЕТЫ МАРКУСА ШУТЦА.....	200
Акт XXVII. НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ.....	219

Акт XXVIII. ШУТЦ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА КАНИКУЛЫ.	224
Акт XXIX. СИГМЕН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ.....	231
Акт XXX. МОРЯКИ ДЕРЖАТ МАРКУ.	235
БЛЮЗ ДЛЯ ЧЁРНОГО КОТА.....	245
ПАРТИТУРА №I.....	245
ПАРТИТУРА №II.....	246
ПАРТИТУРА №III.	248
СНОСКИ:.....	267
ОГЛАВЛЕНИЕ:.....	268